

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический роман

КОРФУ

Морская слава России

Владимир Шигин

Корфу (Собрание сочинений)

«ИП Каланов»

2010

Шигин В. В.

Корфу (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2010 — (Морская слава России)

Исторический и приключенческий роман известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина «Корфу» посвящен интереснейшим и увлекательным событиям конца XVIII века на Средиземном море и вокруг него. Это был, пожалуй, единственный раз в истории человечества, когда одновременно в морских и сухопутных сражениях, в союзах и интригах встретились одновременно четыре военных гения человечества — полководцы фельдмаршал Суворов и генерал Бонапарт, адмиралы Ушаков и Нельсон. Боевые действия происходили одновременно в далеком Египте и в Сирии, в Северной Италии, на Ионических островах и на Мальте, в неприступных швейцарских горах. Книга Владимира Шигина насыщена не только сражениями и политическими интригами, в ней, как всегда свойственно автору, приводится масса любопытнейших деталей боевого быта русской армии и флота, нюансов взаимоотношений и многочисленных тайн, которые обычно остаются вне поля зрения историков. Как и все другие книги Владимира Шигина, историко-приключенческий роман «Корфу» написан увлекательно и захватывающе. Отметим, что автор не случайно посвятил книгу памяти своего учителя Валентина Пикуля. Дело в том, что незадолго до своей смерти Валентин Пикуль замыслил написать книгу именно об этих событиях, но не успел. Именно поэтому его достойный ученик Владимир Шигин и обратился к теме подвига русских моряков на Средиземном море в 1799–1800 годах, чтобы тем самым отдать дань памяти своему знаменитому учителю. Прочитайте роман «Корфу»! Окунитесь в головокружительный вихрь военных и политических событий конца XVIII века! Прикоснитесь к настоящей, серьезной современной российской исторической литературе!

© Шигин В. В., 2010

© ИП Каланов, 2010

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	25
Глава третья	39
Глава четвертая	55
Глава пятая	67
Глава шестая	76
Глава седьмая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Владимир Шигин

Корфу (Собрание сочинений)

© Владимир Шигин

*Памяти Валентина Саввича Пикуля, открывшему историю
Отечества моему поколению, посвящаю эту книгу*
АВТОР

*Чему, чему свидетели мы были!
Игралица таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высилась, и падали цари,
И кровь людей, то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.*

А.С. Пушкин

Предисловие

В отечественной маринистике появился яркий и далеко заметный на просторах литературы маяк. Имена Станюковича, Новикова-Прибоя, Леонида Соболева, Валентина Пикюля, Виктора Конецкого нам всем известны. Морские просторы давно бороздит «Фрегат Паллада» Гончарова, победный реквием «Варяга» звучит призывом не сдаваться врагу. Мы любим и чтим свой флот, и флот наш – символ качества, закаленности, бесстрашия русского человека. И этот символ выростал из Гангута, Гренгама, Чесмы, Калиакрии, Корфу, Синопа, из обороны Севастополя (которая, кажется, не прекращается в веках), из боев советских моряков. Морская пехота в годы Отечественной войны наводила ужас на гитлеровцев. А подвиг пятерки советских субмарин, прошедших в 1942 году из Владивостока, вокруг Аляски, Канады, США по Тихому океану до Панамского канала и через него перешедших в Атлантику и мимо Кубы, порты Америки и Канады вышедших в Северное море, Мурманск. Это наш военно-морской Брест, невиданный подвиг и бессмертная слава.

Флот всегда берег свою честь, со времен Петра I на нем находились блестящие морские офицеры, отлаженные команды, выдающиеся адмиралы. Да, Спиридов, Ушаков, Синявин, Корнилов, Нахимов, как писал Борис Пастернак в своем стихотворении «Непобедимым – многолетье...», «Раздолье жить на белом свете» давала русская безбрежная судьба...

*И на одноименной грани
Ее поэтов похвала,
Историков ее преданья
И армии ее дела,
И блеск ее морского флота...*

И вот этот «блеск морского флота» блестяще представил писатель-маринист Владимир Шигин. Фигура заметная и, как говорят нынче, знаковая, ибо десятки лет он укреплял своими романами историческое и в то же время современное здание отечественной маринистики. В этом здании появились новые залы, засверкали новыми красками уже другие, известные, возникли новые приделы и башни, в которых он чувствовал себя умелым зодчим и художником. Да, почти пятьдесят исторических книг, посвященных флоту, выпустил он за последние 25–30 лет.

Я заметил его в 1989 году на девятом совещании молодых писателей, а через несколько лет напечатал его в «Роман-газете», где я был пятнадцать лет главным редактором. Напечатал тогда первый и увесистый его роман «Чесма» о блестящей победе русского флота над турецким в Первой русско-турецкой войне при Екатерине II. Для меня этот период интересен и любим. XVIII век: «Столетье безумно и мудро» привлекало меня своей полнокровностью в истории России. Именно в это время она стала самой великой державой мира, протянувшейся от Варшавы до Аляски. В этот век и появился ее славный военно-морской парусный флот.

Напечататься в «Роман-газете», когда ее тираж составлял более 1,5 миллиона читателей, было не только творческой удачей, но и успехом у, по крайней мере, 20–30 миллионов читателей (ибо один номер прочитывало не менее 10–20 человек). Так капитан I ранга В. Шигин вошел в большую литературу, он член Союза писателей России, возглавляет отделение маринистов-баталистов, работает в знаменитом «Морском вестнике». Его романы: «Ингерманланд», «Герои забытых побед», «Громами отражая гром», «Над бездной», «Чесма», «Битва за Дарданеллы», «Тайна исчезнувшей субмарины», «АПРК «Курск» и др.

Его новый роман «Штурм Корфу» – это роман об одной из блестящих операций русского военно-морского флота. Операция под началом адмирала Ушакова решила выдающуюся

задачу. Во-первых, бывшие враги России турки попросили, чтобы именно Ушаков возглавил объединенную российско-турецкую эскадру, направленную против французских якобинских войск на Ионических островах, высадившихся там после взятия Францией Венеции. Во-вторых, его объединенная эскадра освободила все эти острова, изгнав оттуда французов. В-третьих, Ушаков блестяще провел эту операцию, штурмовав и взяв крепость Корфу. Собственно, вокруг этого и выстроено все повествование В. Шигина. Вокруг этого – да, но в поле событий он втягивает всю историческую эпоху. Тут и поход Наполеона в Египет, и мятущаяся эскадра Нельсона, и события в Италии, и козни в европейских дворах, и поход Суворова.

Мне в историческом повествовании «Росс непобедимый» и книге серии ЖЗЛ «Ушаков» пришлось в 80-х годах этого касаться. Могу сказать, что Шигин в своем повествовании дотошен в мелочах, внимателен в исторических панорамах, историчен в изложении событий. Его сильная сторона – внимание к устройству корабля того времени, быту моряков, организации службы. Он вводит в повествование многих героев и не теряет их по ходу изложения. Думаю, что очень важно то, что мы в последнее время показали, что заслуга в создании первого свободного греческого государства после 300-летнего османского ига принадлежит России, принадлежит Ушакову и его эскадре.

Помню, как в 1989 году я был на Керкире (Корфу) и попросил в архиве острова документы 1798–1799 годов о флоте Ушакова. Мне принесли папки, на которых было написано «Русско-турецкая оккупация 1798–1799 гг.». Я вспыхнул: «Побойтесь Бога! А кто освободил эти острова? Кто создал здесь первое государство? Кто дал самую демократическую конституцию? Кто восстановил здесь православную епархию?» Грек-архивист покраснел и сказал: «Извините, здесь после победы над Наполеоном был протекторат Англии, и они дали нам эту периодизацию и хронологию». Вот так, все, что делали уважаемые англичане, это принесение цивилизации и свободы, что делали другие, – это оккупация.

Ныне, после прославления адмирала Ушакова в чине православных святых, на Керкире (Корфу) ежегодно проходит Русская неделя, Ушаковские дни, восстановлен памятник Ушакову. Память об Ушакове утверждается здесь, в Греции, и поэтому свое место здесь и займет роман В. Шигина «Штурм Корфу».

И еще, правильно, что В. Шигин выводит поход Ушакова в Италию. И меня, когда я изучал Ушакова, его поход, поразило то, что мы мало знаем об этой блестящей экспедиции, которая привела ушаковцев к взятию Бари, Неаполя и особенно Рима! Русские брали Рим! Это поразительно, и в Италии-то мало кто об этом знает. Действительно, еще в XIX веке военный министр, историк Милютин писал: «За блеском побед Суворова в Северной Италии как-то забыли блеск побед Ушакова в Южной Италии».

Эту историческую правду мы сегодня восстанавливаем, и роман В. Шигина «Штурм Корфу» способствует этому. В общем, наш любознательный читатель получает интересную познавательную книгу. С чем мы его и поздравляем. Ну а нелюбознательному придется довольствоваться «Пиратами Карибского моря». Думать не надо. И он вполне удовлетворится надписью на архивной папке на Керкире (Корфу) «Русско-турецкая оккупация 1798–1799 гг.». В. Шигин не согласится с этим.

В.Н. Ганичев, автор книг об адмирале Федоре Ушакове, доктор исторических наук, профессор

Часть первая

От бастионов Мальты до пирамид Гизы

Глава первая

Пасьянс императора Павла

Взойдя на престол после внезапной смерти матери императрицы Екатерины Второй, Павел провозгласил невмешательство России в европейские дела и сосредоточение на делах внутренних. Но долго оставаться вне Европы у нового императора не получилось. Уже через год пришлось серьезно задумываться, с кем и против кого дружить. Армии революционной Франции взламывали одну за другой старые границы. Якобинцы сумели отбить австрийское нашествие и изгнать англичан из Тулона, а затем никому еще неизвестный генерал Бонапарт захватил Италию. Было очевидно, что отсидеться за пограничными столбами не удастся. На фоне вражды с Парижем неожиданно для всех наметилось сближение с извечным врагом – турками. Канцлер Александр Андреевич Безбородко по этому поводу иронизировал, имея в виду французов:

– Это же надо быть такими уродами, чтобы подружить нас с турками, чего отродясь не бывало!

Ситуация была на самом деле весьма необычная. Когда российский посол в Константинополе Кочубей получил письмо Павла Первого, он не поверил своим глазам и перечитывал его снова и снова: «По общим делам в настоящем положении, когда непрочное французского правления существование, а притом и не самые решительные воюющих противу нее держав успехи, полагают всю войну сию в число самых неизвестных. Мы охотно согласимся дружественно объясниться с приязненными к нам державами... Из числа приязненных сил держав не изъемлем мы и Порты...»

Впрочем, доказать султану Селиму Третьему, что Россия теперь его союзник, было не просто. Французы тоже не сидели сложа руки и как всегда не уставали подстрекать Константинополь против Петербурга.

Павел I Петрович

К исходу 1797 года Виктор Павлович Кочубей осторожно, но откровенно внушил великому визирю и капудан-паше мысль об опасности владычества французов в Адриатике. При этом существовала опасность, что турки, объединившись с французами, направят объединенный флот в Черное море.

Труды Кочубея медленно, но продвигались. Первым он переманил на свою сторону капудан-пашу Кючук-Гуссейна. В конце концов, тот заявил:

– Как ревностный слуга своего падишаха, я почитаю дружбу с русским царем наиболее полезнейшей для Порты. Посему нахожу необходимыми меры осторожности против вероломства франков.

Кочубея несколько смущало то, что тот же капудан-паша готовился отправиться с войском к российским границам.

– А почему же вы ведете войско в Румелию?

– Причины вы знаете, о досточтимый посол! – вздохнул Кючук-Гуссейн. – Проклятый виддинский паша Пасван-Оглу поднял мятеж, и я поклялся бросить его голову к ногам потрясателя вселенной! Через неделю наступает назначенный астрологами день начала победного похода. Но я скоро вернусь, и мы вернемся к нашему разговору!

Кочубей ответом удовлетворился, судьба виддинского паши волновала его меньше всего.

– Состояние политическое наше столь запутанно, что и не знаешь, с чего начинать! – печалился в эти дни в далеком Петербурге Павел Первый.

– Мы надеемся на лучшее, но готовиться следует к самому худшему! – внушал императору канцлер Безбородко. – Кроме этого надо провести и рокировку послов в Константинополе. Кочубей хорош, но сейчас там нужна новая фигура. Дружбу с турками следует начинать с чистого листа!

Виктор Павлович Кочубей

Пока Кочубей набивался в дружбу туркам, император слал письма старшему Черноморскому флагману адмиралу Мордвинову, требуя «привести флоты и берега наши в безопасность». Командующему корабельным флотом вице-адмиралу Ушакову велено было готовить свои корабли на случай войны с Турцией. Рескрипт гласил: «Вследствие данного уже от нас вам повеления о выходе с эскадрой линейного флота в море и занятия позиции между Севастополем и Одессой, старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море или склонить Порту к какому-либо покушению».

А вскоре Кочубей уже покидал Константинополь, передавая дела приехавшему из Петербурга Василию Степановичу Томаре. Два дипломата, запершись в кабинете, обсуждали сложившееся положение дел, прикидывали, что и как.

Кочубей, более опытный, советовал:

– Порта всегда плясала под французскую дудку, но то было при власти королевской. Ныне все переменялось, особенно, как французы подошли к берегам морейским и албанским. Теперь в Константинополе боятся, что греки и албанцы заразятся желанием вольности!

– Изменилось ли отношение к нам греков после воцарения Павла? – интересовался Томара.

– Они по-прежнему гордятся, что мы единоверцы. Причем ежели раньше греки говорили «наша Екатерина», то теперь так же говорят «наш Павел». Да скоро вы это и сами все увидите!

Между тем Высокая Порта все больше и больше склонялась к союзу с Россией. Вскоре у Томары установились вполне доверительные отношения с рейс-эфенди Измет-беем. Разговоры большей частью они вели о французской угрозе. Посол был откровенен:

– Усиленная подготовка французов к вторжению в Англию составляет предмет наших общих беспокойств. Мечты французов о захвате Мальты, Архипелага и Египта составляют другой предмет.

Упоминание об Архипелаге и Египте озадачило турецкого министра иностранных дел.

– Порта никогда еще не имела такого могучего флота, как сейчас! – заметил он послу. – Если он будет еще усилен и русскими судами, то сколь бы не были сильны французы на море, мы их разобьем.

– Для этого бы не мешало укрепить и оба устья Нила! – добавил Томара.

Рейс-эфенди утвердительно кивнул:

– Русские явные враги франкам, мы же пока только тайные, но в своей вражде не уступаем вам!

Что же, в Константинополе пока все складывалось неплохо.

* * *

Еще весной 1796 года французские войска под началом молодого и агрессивного генерала Бонапарта вторглись в Северную Италию и в течение года захватили ее. После этого была легко сокрушена древняя Венеция, республика купцов и моряков. Венеция пала, но оставались еще ее морские владения – Ионические острова, что протянулись цепью вдоль берегов Адриатики.

Наполеон I Бонапарт

От внимания Бонапарта они, разумеется, не ускользнули. Командующий итальянской армией мгновенно оценил их стратегическую выгоду.

– Я еще и еще раз заявляю, что Ионические острова для меня важнее, чем вся Италия, вместе взятая! – не уставал повторять он своему окружению.

Таковыми же письмами Бонапарт бомбардировал и Париж. Французская оккупация островов становилась лишь делом времени.

Остров Корфу

Главный остров Ионического архипелага был известен мореплавателям как Корфу. Греки, однако, предпочитали называть его Керкирой. Корфу – самый северный в цепочке Ионических островов. Отсюда рукой подать до Италии, а в хорошую погоду виден и албанский берег. Корфу лежит на перекрестке морских дорог, это место встречи Востока и Запада, и неудивительно, что веками он не знал покоя... Римляне и норманны, крестоносцы и венецианцы, турки, французы и англичане, кто только не бывал здесь.

Гористый берег острова изрезан бухточками и заливами. Серо-зеленые склоны поросли оливами и кипарисами. Главный город острова, носящий имя острова – Корфу, по праву считался одним из красивейших в Греции. Византийские церкви и венецианские лестницы, извилистые и узкие итальянские улочки с неизменным бельем на веревках. Наконец, центральная улица, как две капли похожая на парижскую Риволи.

Со склонов к морю сбегали красные черепичные крыши. Самое почитаемое место на острове – церковь Святого Спиридона. В последний раз Спиридоний спас остров во время турецкой осады в 1716 году. Тогда туркам ночью явилась огромная фигура монаха. В одной руке он держал крест, в другой – факел. Турки, испугавшись, сняли осаду и ушли. По крайней мере, так гласила легенда.

Над церковью колокольня с красным куполом. Внутри, в серебряной гробнице, покоятся мощи самого святого. Неподалеку и кафедральный собор, хранящий останки византийской императрицы святой Феодоры.

В целом корфиотам жилось под дланью Венеции спокойно. Местная аристократия была записана в знаменитую «золотую книгу» венецианского дворянства и очень этим гордилась.

Теперь же старый остров пребывал в преддверии новых событий, который мог перевернуть уклад его жителей.

Старшины островных общин не на шутку волновались, и было от чего! Всем было ясно, что былая размеренная жизнь под властью венецианских дождей, которые больше двух веков ни с кем не воевали, закончилась. Теперь острова и их жители оказывались ввергнутыми в круговорот европейских революций и войн.

– Я вижу выход только в покровительстве русского царя! – поразмыслив, высказал мнение старший из корфиотских архонтов.

Его поддержали остальные:

– Иного выхода у нас, кажется, нет! Не к туркам же или якобинцам нам подаваться! И там, и там нас ждут разорение и смерть!

На самом деле, под чье правление еще идти, как не к могучим единоверцам! Коллективное письмо греческих старшин сопровождал запиской майор Соттири – российский резидент в Триесте, а ранее эмиссар императрицы Екатерины на Балканах. В записке Соттири обосновывал все выгоды возможного покровительства для российской короны: «Надеюсь, что Его Императорское Величество всемилостивейше воззрит на желания сего народа, искони преданного по единоверию и природной склонности к российскому императорскому двору и в нынешних удобных обстоятельствах желающего пожертвовать именем и жизнью для славы Российского государства. Осмелюсь притом донести, что город Корфу и заливы Первеза и Левкада выгодны во время войны для содержания знатного флота и сухопутной армии, а Корфу может служить арсеналом, будучи защищаем одною из лучших итальянских крепостей...

Жители острова Корфу... решились сопротивляться французам... коих войска, как слышно, идут к вышеупомянутым областям, куда разослали они уже нарочных, обещали восстановить древнюю вольность. Помянутые жители клятвенно обещались защищаться до самой крайности... Если французы поселятся в Корфу, следовательно, и на всех в Леванте венецианских островах, то, без сомнения, трудно будет всякой воюющей с Оттоманской Портою державе пройти флотом через сии области в Архипелаг».

Увы, от Триеста до Петербурга путь не близкий, к тому же важные политические решения тоже требуют времени.

В Париже к этому моменту было уже все решено. Для захвата Ионических островов Бонапарт определил эскадру в шесть линейных кораблей. На кораблях десантный корпус генерала Джантили. Вместе с ним был отправлен и комиссар директории профессор-эллинист Арно.

На подходе к Корфу Джантили известили, что на берегу в ожидании французов собралось много народа.

– Возможно, это добрый знак, а возможно, и нет! Черт их знает, этих греков, что у них на уме! – досадовал Джантили. – Не хотелось бы начинать освобождение с расстрела, а потому пошлем вперед комиссара, пусть докажет, что знает душу эллинов!

Вперед эскадры был отправлен фрегат с комиссаром Арно. Профессора на берегу встречала большая толпа во главе с местным митрополитом. Тут же на набережной Арно зачитал на греческом языке напыщенное обращение Бонапарта:

– Потомки первого народа, прославившегося своими республиканскими учреждениями, вернитесь к доблестям ваших предков, верните престижу греков первоначальный блеск... и вы обретете вашу доблесть античных времен, права, которые вам обеспечит Франция, освободительница Италии!

Речь Арно произвела должное впечатление, и толпа радостно его приветствовала.

– Отныне мы свободны от власти венецианцев! Теперь мы все свободны и не надо платить никаких налогов!

Отдельные неодобрительные возгласы потонули в общем восторженном крике. Комиссар перевел дух:

– Просигнальте Джантили, он может начинать высадку десанта!

Российский вице-консул на Корфу Демиан Загурийский был раздосадован:

– О, эти переменчивые греки! Еще вчера они желали быть под покровом нашего самодержца, а теперь радуются новому рабству!

В тот же день французы вступили на землю Корфу. Над Старой и Новой венецианскими цитаделями были подняты трехцветные флаги. История древней Венеции окончательно ушла в небытие...

На старых венецианских верфях французам достались пять почти законченных постройкой линейных корабля и несколько фрегатов. Для принятия судов прибыл коммодор Перре. В специальном письме к Перре Бонапарт указывал: «Скажите, что я послал войска в Корфу для удержания его за Венецианской республикой и что отныне ей необходимо деятельно работать над приведением своего флота в хорошее состояние. Под этим предлогом Вы приберете все к своим рукам, проповедуя постоянно на словах единство обеих республик... Я же намереваюсь захватить для Франции все венецианские корабли и всевозможные припасы».

Затем на острове начались торжества. Вначале местные старшины вручили генералу Джантили символ власти – оливковую ветвь. Потом началось шествие. Впереди ехала запряженная квадригой колесница. Из хроники событий: «На колеснице представлена... Французская республика. Подъемлющая угнетенную Грецию и готовящая ее к высоким ее назначениям; на той же колеснице видны... раздробленные оковы Греции и разные гении, представляющие республиканские доброжелатели». За колесницей ехал сам Джантили, далее маршировали войска с лавровыми ветками в ружейных стволах. Далее брел хлебопашец с сохой, украшенный цветами, лаврами и маслинами. Затем все собравшиеся под звуки оркестра спели «Марсельезу», а Джантили публично облобызал греческого хлебопашца. После чего состоялся подъем воздушного шара с французскими и греческими надписями. Далее французские солдаты показывали ружейные приемы и перестроения. На центральной площади Спианада, что напротив Старой крепости, французы торжественно сожгли «золотую книгу» венецианских аристократов и посадили дерево свободы – воткнутый в землю шест, на конце которого болтался красный фригийский колпак. После этого вокруг символа революции напившиеся французы танцевали карманьолу, а завершившие празднество вечерние фейерверки и иллюминация «свидетельствовали о всеобщей радости прекрасного сего дня».

На этом вся свобода для корфиотов и закончилась. Уже через несколько дней на остров была наложена контрибуция в 60 тысяч талеров. Это было намного больше, чем при старой власти. Старшины, надеясь, что Джантили что-то перепутал, пришли к нему за разъяснениями. Генерал старшин попросту выгнал:

– Вы жирные коты, потерявшие нюх! Я нахожусь здесь не для того, чтобы вы грели свои животы, а ради блага Франции! Мы сражаемся против всей Европы и нам не до сантиментов! А потому контрибуцию немедленно собрать! Или деньги, или петля!

Делать нечего, старшины поделили огромную сумму по городкам и деревням, хотя понимали, что это вызовет всеобщее возмущение. Так оно и оказалось. Известие о предстоящем грабеже облетело остров в течение нескольких часов. В домах обывателей стояли плач и ругань. Часть жителей сразу же, собрав пожитки, ушла в горные деревни, чтобы жить вольно. Другие грозились взяться за оружие.

Теперь уже корфиотские старшины зачастили в дом русского вице-консула с просьбой о помощи.

– Прости нас, Демиан, и заступись перед своим царем! – кланялись они Загурийскому.

– Но вы же несколько дней назад так радовались карманьоле? – злорадно хмыкнул вице-консул.

– О, мы так угнетены неправосудием, воздеваем руки к небесам и молим об избавлении от ненавистного племени якобинского! Пусть твой царь шлет к нам свой флот! Мы примем русских как братьев!

– Я отпишу Его Величеству вашу слезницу! – пообещал Загурийский. – Большого не обещаю!

Между тем французы забирали власть все круче. Всюду насаждались шпионы, поощрялось доноительство.

– Мы должны знать мысли каждого, и мы будем их знать! – потирал руки назначенный комендантом острова генерал Шабо. – На подкуп денег не жалеть, ибо цель оправдывает и средства, и затраты! Хлеб мы у греков забрали, но зрелища мы им оставим, пусть развлекаются!

Вскоре каждый из членов нового правления уже ежедневно писал кляузы на своих соратников. Жителям же «ничего другого не оставалось, кроме слез, дабы плакать и помнить во всю жизнь вольность, которую французы им принесли».

Чтобы отвлечь корфиотов от дел насущных, Джантали с подачи Арно объявил о возрождении Олимпийских игр. Игры состояли в том, что мальчишки беднейших семей бегали наперегонки, а французские офицеры и солдаты делали ставки, как на конских бегах. На победителя возлагался трехцветный бант, он получал два талера и разрешение обойти вокруг дерева вольности. Выполняя инструкции Бонапарта, Джантали льстил корфиотам, именуя их не иначе как потомками древних афинян и спартанцев. Но помогало это уже мало.

Заключение в октябре 1797 года Кампа-Формийского мира между Францией и Австрией ознаменовалось окончательным закреплением Ионических островов за Парижем.

Отныне бывшая колония Венеции стала французским департаментом. Местное самоуправление было разогнано. Всю власть поделил командующий гарнизоном и комиссар. Тогда же на Корфу объявили манифест генерала Бонапарта, запрещающий под страхом смерти переписку греков с Россией. В церквях велено было устроить казармы и магазины, а монахам сбрить бороды. Все это вызвало недовольство, а потом и месть. Теперь почти каждое утро на улицах стали находить убитых французских солдат. В ответ начались карательные походы.

Понимая, что четырех тысяч штыков мало для удержания в повиновении столь большого архипелага, Джантели отправился в Рим к генералу Шампионету, просить у него еще хотя бы семь-восемь тысяч солдат. На время своего отсутствия он передал власть герою недавних боев на Рейне дивизионному генералу Шабо, начальнику неглупому и решительному.

Едва Джантели покинул Корфу, Шабо немедленно двинул батальоны в горы наводить порядок. Узкие дороги кружили между гор. Выше всех прочих вершина могучего Понтократора.

Склоны гор покрыты вечнозеленым маквисом – буйным переплетением можжевельника, мирта и фисташки. Далее серо-зеленая листва оливковых деревьев, прорезанная темными пиками кипарисов. Под кронами олив, у толстых узловатых стволов, разложены рыбацьи сети, для сбора оливок. Многим оливам уже по несколько сот лет, они помнили еще знаменитого корсара Барбароссу и дон Жуана Австрийского. Сейчас французы вырубали оливки, чтобы сломить волю мятежников, но вызывали этим лишь еще большую злобу.

В деревнях дома под красными черепичными крышами, белены стены, прикрытые листвою оливковых деревьев. Все дома были пусты. Жители поднялись в горы и сверху наблюдали за французами. Солдаты выкатывали на улицу бочки с вином, ели пригоршнями оливки, ловили кур.

Луи Франсуа Жан Шабо

Почти неделя понадобилась Шабо, чтобы занять самую западную точку острова – Англокастро (крепость ангелов).

Чуть южнее было еще одно убежище недовольных новой властью – монастырь Палеокастро. Там французы срывали золотые и серебряные оклады с икон, силой резали бороды монахам.

Из воспоминаний французского капитана Беллэра: «Генерал (Шабо. – В.Ш.), видя упорное сопротивление греков и желая шадить свои войска, велел бомбардировать Мандухию (пред-местье города Корфу. – В.Ш.) артиллерией с Нового форта, с двух полугалер и бомбардирского судна “Фример”. Огонь этой артиллерии принудил бунтовщиков покинуть дома, которые они занимали. Чтобы отнять у них надежду на возвращение туда и чтобы особенно наказать жителей, генерал приказал сжечь предместье. Вследствие этого гренадеры 79-й полубригады вошли туда. Одни из них сражались с греками, тогда как другие, снабженные факелами и горючими веществами, рассеялись по домам и поджигали их... После семи часов сражения бунтовщики были вытеснены из их позиций, и большинство домов в Мандухию было сожжено».

Затем на Корфу пришел флот вице-адмирала Брюеса в 11 линейных кораблей и 6 фрегатов. Под прикрытием местных фортов он чувствовал здесь себя в безопасности. Местным жителям было велено обеспечить Брюеса всем необходимым. Пребывание французских матросов ознаменовалось дебошами и драками в местных тавернах. Перед отплытием Брюес потребовал у Шабо матросов для пополнения команд.

Франсуа-Поль Брюейс д'Эгалле

– Греков бери, сколько хочешь! А солдат не дам ни одного! – ответил тот. – У меня сейчас нет и полутора тысяч, а местные разбойники только и ждут случая, чтобы изрубить нас в куски!

– Так ты хочешь этих разбойников отдать мне? – даже привстал со стула Брюес.

– Вас ведь все равно рано или поздно перебьют англичане, так пусть греки умрут с пользой для Франции! – пожал плечами Шабо.

– Они раньше перережут моих матросов! – окончательно вышел из себя вице-адмирал. – От такого пополнения меня уволь!

Заполнив трюмы продовольствием, Брюес покинул Корфу, взяв курс на Тулон. Там затеялось нечто грандиозное, и в Тулон стягивался французский флот из всех портов.

А затем на Корфу неожиданно стали пребывать французские полки. В местном адмиралтействе спешно переоборудовали суда для перевозки людей и лошадей. В тавернах заговорили о какой-то морской экспедиции. Корфиотов, честно говоря, эти слухи мало занимали.

– Чем больше французов уберется от нас, тем лучше, а куда и зачем они поплывут, то нам без разницы! – говорили они промеж себя.

Никто еще не предполагал, что скоро, очень скоро Корфу станет ключевой точкой в большой европейской игре. Карты Адриатики изучали уже не только в Париже, но и в Лондоне и Петербурге.

* * *

Вступив на престол, Павел Первый сразу же объявил, что сохраняет за собой звание генерал-адмирала, пожалованное ему матерью в девятилетнем возрасте. А первым распоряжением нового императора было возвращение в Петербург из Кронштадта Морского кадетского корпуса. Уже через девять дней кадеты были на новом месте, и император приехал к ним на новоселье.

Затем Павел объявил, что летом следующего, 1797 года он намерен лично командовать Балтийским флотом. Для этого к неудовольствию англичан даже вернули в Кронштадт эскадру вице-адмирала Макарова, что крейсировала ранее с ними в Северном море.

Портрет Павла I в одеянии гроссмейстера Мальтийского ордена

6 июля Павел вместе с женой, старшими сыновьями и свитой прибыл на корабли, стоящие на внешнем рейде. Через два дня эскадра вышла в море, взяв курс на Ревель. Однако штормовой ветер и большая волна заставили корабли повернуть обратно. Сильная качка стала настоящей бедой для императорской свиты. Молоденькие фрейлины ползали на карачках по палубе и, потеряв всякий стыд, блевали желчью прямо на себя. Говорят, что именно с тех дней

старший сын Павла великий князь Александр (будущий император Александр Первый) на всю свою жизнь возненавидел флот.

Четырех дней хватило и самому императору Павлу, чтобы охота плавать у него исчезла навсегда. Отныне он будет руководить моряками только с берега. Увы, но правнук пошел совсем не в своего великого прадеда, которому он всю свою жизнь пытался подражать.

А в воздухе уже носились тревожные слухи о подозрительном сосредоточении в Тулоне французского флота. Наиболее вероятным все считали вторжение в Англию, для чего еще надо собирать такую армаду?

Российский же флот в ту пору находился в цепких руках вице-адмирала Кушелева, вчерашнего лейтенанта, ничем и нигде себя не проявившего. Волею случая отставной лейтенант был взят наследником Павлом в капитаны гатчинской потешной флотилии, быстро став там капитаном I ранга. С воцарением же Павла карьера Кушелева вообще стремительно пошла в гору. Уже на следующий день он стал контр-адмиралом, а весной 1798 года и вице-адмиралом. За годы проживания в Гатчине Кушелев прекрасно изучил характер своего сюзерена и всегда знал, как с ним себя вести. Может, именно поэтому фаворит императора так быстро и прибрал себе всю власть в адмиралтейств-коллегии. Относительно полезности трудов Григория Кушелева историки спорят до сих пор. Все сходятся в том, что он очень старался, но у него далеко не все получалось. Кушелеву не хватало ни опыта, ни знаний, ни авторитета. Зато хватало недоброжелателей.

Многое, впрочем, стало поначалу меняться к лучшему. В одном из первых указов Павла адмиралтейств-коллегии он с горечью констатировал: «С восшествием нашим на прародительский престол приняли мы флоты в таком ветхом состоянии, что корабли, составляющие оные, большей частью оказались по гнилости своей на службе неспособными».

Во всех портах для надзора за кораблестроением Павел ввел оберсарваеров, чтобы те вели наблюдение за верфями и проверяли расходование средств. Из адмиралтейства были изгнаны мздоимцы, кое-какой порядок был наведен и в снабжении такелажем, парусами, пушками и другими припасами. Были учреждены и форшмейстеры, смотрящие за сохранением корабельных лесов. В Кронштадте вместо деревянной гавани наконец-то начали строить каменную. Введены были и новые увеличенные штаты для кораблей, составлен новый «Устав военного флота». Ушла в небытие роскошь расшитых золотом офицерских кафтанов. На их место пришли скромные вицмундиры. Все офицеры отныне расписывались по дивизиям и судам, и переводы делались только по уважительным причинам и не иначе как с разрешения самого императора. Отныне даже о кратковременных отпусках офицерам из Кронштадта в Петербург надо было докладывать Павлу. Толку от всего этого было немного, но видимость порядка создавалась. Много делалось наспех и второпях. Сам Павел об этом говорил так:

– Я вступил на престол в том возрасте, когда другие уже кончают царствовать, а потому мне все надо успеть!

Переменчивый характер императора был порой совершенно непредсказуем. Так, став императором, Павел сразу же произвел сына знаменитого адмирала Чичагова в капитаны бригадирского ранга, но уже через год изгнал его со службы «за строптивость нрава без пенсии». Впрочем, подумав, уже через несколько месяцев он снова вернул его на службу, но уже контр-адмиралом.

Увы, ничего необычного в происходящем не было. Начиная с Анны Иоанновны, каждое новое царствование в России начиналось именно с того, что флот предыдущего самодержца признавался негодным, отчего создавался очередной комитет для его преобразования. Несколько лет что-то делалось, но потом все шло так, как всегда, до очередного нового восшествия на престол. Уже спустя полтора года царствования Павла все повторилось. Императора стали заботить другие вопросы, и на флоте все постепенно начало возвращаться на круги своя.

Тем временем, готовясь к защите своих берегов от французского вторжения, премьер-министр Вильям Питт был готов ухватиться за любую соломинку. Чарльз Уитворт буквально умолял канцлера Безбородко о помощи Англии Российским флотом. Не поленился захватить посол и к вице-адмиралу Кушелеву. В результате этих визитов появился рескрипт императора Павла: «По отношению к нам Его Величества короля Великобританского в требовании помощи морским нашим силам вследствие заключенного с нами союзного оборонительного договора противу французов, покушавшихся ныне сделать впадение на берега Его Величества короля Великобританского, решились мы послать эскадру нашу, состоящую в 10 линейных кораблях, трех фрегатов и одном катере под вашею командою в соединение с английскими флотами, в число которых повелели мы следующей эскадре от города Архангельского под начальством вице-адмирала Е.Е. Тета иттить прямо к английским берегам для соединения с вами и быть под вашим началом».

Помимо отправленной к английским берегам эскадры Тета, в море вышли еще три эскадры. Так, на всякий случай, прикрыть собственные берега. Первая, под началом вице-адмирала Скуратова, заняла позицию в устье Финского залива, вторая, адмирала Круза – в центре Балтийского моря и, наконец, третья – передовая контр-адмирала Шишкина на траверзе Любекской бухте. Помимо этого, в Кронштадте готовилась еще и резервная эскадра контр-адмирала Карцева. Впрочем, все надеялись, что у французов хватит других забот, чем непонятно зачем лезть в балтийские пределы.

Куда бóльшие опасения вызывала безопасность берегов черноморских.

* * *

О приготовлениях некой операции французского флота в Петербурге стало известно уже в самом начале 1798 года. Слухи о том, куда поплывет французский флот, были самые разные. Более всего вначале говорили об Ирландии, что наших политиков не слишком волновало, но потом адресат возможного вторжения французов изменился. наших политиков более всего пугал вариант вторжения французов через проливы в Черное море. Кто знает, как поведет себя султан Селим, когда ему предложат в качестве подарка Крым и Очаков?

Обеспокоенный всем этим, Павел Первый уже в начале февраля велел Черноморскому флоту ускорить подготовку к новой кампании, которая обещала быть боевой. Кроме этого велено было организовать неусыпное наблюдение за берегами Крыма, Керченским проливом и морским побережьем от Аккермана до Тендры. Хорошо было бы приглянуть за турками и у Босфора, но дабы не раздражать соседа, от этого отказались.

Получив бумагу, командующий корабельным флотом вице-адмирал Федор Ушаков немедленно разослал по морю крейсера и стал поспешно вооружать к плаванию все двенадцать своих линейных кораблей.

Фёдор Фёдорович Ушаков

Между тем лавина слухов нарастала. В начале апреля пришло сообщение, повергшее всех в смятение – французский флот уже втягивается в Мраморное море! Загоня лошадей, в Севастополь помчались фельдъегери. Император требовал: «Вследствие данного уже от нас вам повеления о выходе с эскадрой линейного флота в море и занятии позиции между Севастополем и Одессой, старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море или склонить Порту к каковому-либо покушению».

Читая эту бумагу, Ушаков только затылок чесал. Вице-адмирал никак не мог взять в толк, с кем ему предстоит драться: с французами или с турками, или с теми и другими сразу?

Вскоре выяснилось, что слух о приходе французов в Константинополь не подтвердился, но радости от этого было мало. Напряжение только возрастало. И послы в европейских державах, и лазутчики твердили о том, что французы, вероятнее всего, хотят захватить наши черноморские порты.

– Но зачем им это надо? – пожимали плечами выдавшие виды ветераны екатерининской дипломатии. – Они что, уже все свои дела в Европе переделали? И как можно развязывать войну на востоке, не кончив ее на западе? Это же безумие!

– О чем вы говорите, – усмехались более молодые. – Это для нас таковой пасьянс абсурден, а для якобинских выскочек вполне нормален. Кто знает, какие идеи кипят сейчас в их безумных головах?

13 мая из Петербурга командующему корабельным флотом в Севастополе последовал новый рескрипт: «Господин вице-адмирал Ушаков. Коль скоро получите известия, что фран-

цузская военная эскадра покусится войти в Черное море, то, немедленно сыскав оную, дать решительное сражение, и мы надеемся на Ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флота соблюдена будет, разве бы она (эскадра) была гораздо превосходнее нашей, в таком случае делать Вам все то, чего требует долг и обязанность, дабы всеми случаями мы могла воспользоваться к нанесению вреда неприятелям нашим».

А затем европейские столицы замерли – французский флот с огромным экспедиционным корпусом на борту бесследно исчез из Тулона. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что у директории хватит ума не ввязываться в драку с Россией.

Император Павел, мучаясь неизвестностью, буквально изводил своих близких за обедами, а подчиненных на вахтпарадах.

Глава вторая Дела моряцкие

Над Северной бухтой Севастополя кружили вездесущие чайки. Команды стоящих на внутреннем рейде судов только что отзавтракали и теперь бачковые выкидывали остатки пищи за борт. Бесстрашно подлетая к бортам судов, чайки на лету хватали то, что бросали люди.

На стоящем ближе к Сухарной балке фрегате «Григорий Великая Армения» всюду шла утренняя приборка.

Ныне фрегатом командовал капитан-лейтенант Иван Шостак, принявший его всего пару месяцев назад у капитана I ранга Антона Алексиано, ушедшего с повышением на «Богоявление Господне». Свое достаточно необычное название фрегат Шостака получил в честь священномученика епископа Григория, просветителя Великой Армении, жившего в далеком III веке. Матросы именем фрегата гордились и, хотя о самом священномученике почти ничего не знали, фрегатские всегда с гордостью говорили:

– Мы с Великого!

По своей конструкции, размерениям и вооружению (60 пушек!) «Григорий» относился к тяжелым фрегатам, предназначенным не столько для разведки и крейсерства, сколько для поддержки линейных кораблей в генеральных сражениях. Назначение командиром самого мощного фрегата на флоте было актом особого доверия и последней ступенькой перед должностью линейного капитана – пределом мечтаний каждого флотского офицера. Надо ли говорить, что столь высокое назначение Шостака вызвало не только радость друзей, но и зависть тех, кто также рассчитывал на эту должность, но не получил. Если сказать честно, своим назначением командир «Григория» был обязан вице-адмиралу Ушакову, который еще со времен последней войны с турками благоволил к толковому офицеру.

Проснувшись, Шостак первым делом глянул в окно. Солнце еще не взошло, но рассвет уже был совсем близок.

Поднял глаза к потолку. Там, на потолочном бимсе, только вчера по его приказу закрепили шлюпочный компас, чтобы, даже лежа в койке, командир мог иметь представление о курсе своего судна. Придумка не новая, но в море весьма полезная.

С вахты пробили склянки. На шканцах был слышен хриплый голос Макара Ратманова – старший офицер уже отдавал указания на утреннюю приборку.

Макар Иванович Ратманов

О таком помощнике, как Макар, мог только мечтать, ибо тот прошел и огонь, и воду. Сразу по выпуску из морского корпуса Ратманов отвоевал со шведами, дрался при первом Роченсальме и за отличие был пожалован лейтенантом. За храбрость же в сражениях при Красной Горке и Выборге был пожалован двухлетним старшинством в чине, что ценилось офицерами не ниже ордена. Затем участвовал в перегоне нового линейного корабля из Архангельска в Кронштадт вокруг Скандинавии (дело по тем временам тоже далеко не простое!). На Черном море опыт переведенного туда Ратманова оценили, и он сразу же стал капитанствовать, вначале бригантиной «Ахилл», затем и транспортом «Принцесса Елена». Капитан-лейтенант уже собирался командовать бригом, когда в марте 1797 года «Елена» была застигнута жесточайшим штормом у Одессы и затонула. Председателем следственной комиссии по гибели транспорта определили вице-адмирала Ушакова. Все действия командира транспорта Ушаков нашел правильными и свое-временными. Ратманов боролся за судно до последней возможности, а затем спас команду, не потеряв ни одного человека, сам покинул судно, когда оно уже погружалось, последним, со шканечным журналом под мышкой и шпагой в зубах. Подписав итоговые бумаги, Ушаков вызвал к себе ждавшего решения своей судьбы Ратманова. Долгих разговоров вице-адмирал не любил, а потому сразу перешел к делу:

– Вины твоей в гибели старушки «Елены» нет никакой, так как само плавание на этих дровах уже было подвигом. Как моряк и как капитан ты сделал все возможное. Однако с

капитанством придется все же повременить. Пусть все немного позабудется. Пока же можешь послужить на берегу при адмиралтействе, должность я тебе там подыщу.

– Ваше превосходительство! Я просил бы вас все же изыскать место на судах вашей эскадры, так как без моря не мыслю жизни своей! Согласен на любую, даже мичманскую должность! – срывающимся от волнения голосом обратился к вице-адмиралу Ратманов.

Ушаков молча посмотрел на офицера, покачал головой и сосредоточенно зашелестел судовыми списками.

– Вот, кое-что нашлось. Могу предложить тебе место первого офицера на фрегате «Григорий». Судно сам знаешь, первостатейное. Фрегат только что принял Иван Шостак, а помощника пришлось списать по здоровью. Отплаваешь кампанию на «Григории», а там посмотрим, куда тебя дальше девать. Согласен ли?

– Согласен, ваше превосходительство! – обрадовался капитан-лейтенант.

Так Ратманов на «Григории» и оказался.

С капитаном-лейтенантом Шостаком он сразу нашел общий язык. Зная большой опыт Ратманова, тот своему старшему офицеру во всем доверял, «старшой» же старался это доверие оправдывать и служить на совесть...

* * *

Позевывая, капитан-лейтенант покинул свое жесткое спальное ложе. Скинув ночную рубашку, ополоснулся из умывальника водой. Окинул взглядом свою обитель, вокруг сущий бедлам.

Вчера вечером он вернулся на фрегат, попрощавшись с супругой Натальей Петровной. Та собрала мужу в плавание груду всего, что может пригодиться вдали от дома. Прежде всего целый ворох одежды от теплых чулок до вязанной безрукавки, которую он мог бы поддевать под мундир в ненастье. Особенно оценил Шостак превосходные вязанные перчатки с тремя отделениями для пальцев. Кроме большого они имели персональное отделение и для перста указательного на тот случай, если придется стрелять или что-то писать на палубе в холодную погоду.

Вещи были вестовым уже разложены по их принадлежностям, но еще не распиханы в шкаф. Это Шостак велел ему отложить на сегодня, так как хотел выспаться. В дальнем углу каюты отдельной кучей лежали продукты. По традиции капитаны не питаются в кают-компании, а вкушают пищу в одиночестве. Это и привилегия, и наказание, ибо все приходится закупать самому. Хорошо, когда у тебя где-нибудь имение в рязанской губернии на две-три сотни душ! А когда живешь на одну зарплату, да еще на шее супружница с детками малыми, вот тогда и почешешь затылок, не лучше бы с остальными столоваться в складчину.

Капитан-лейтенант получал в ту пору 400 рублей серебром в год, да в плавании еще деньги на столование. Четыре сотни – деньги немалые, но и небольшие, только-только, чтобы прожить. При уходе в плавание семейные офицеры обычно большую часть денег оставляли по аттестатам женам. Шостак так же оставил супруге аттестат, сам решив перебиваться лишь столовыми деньгами.

Капитан любого судна всегда обречен на одиночество, так как, согласно уставу, должен соблюдать дистанцию с остальной командой. По этой причине даже капитанскую каюту на русском флоте именуют не иначе как ящик отшельника.

Чтобы скрасить это свое одиночество, капитаны, как могли, украшали свои каюты или сами, или же при участии жен, в соответствии с их вкусом и тяжестью кошелька. Занавески на окна, как правило, шили из ситца, те, кто побогаче, – из камчатной ткани, ну а самая нищета – из обычной парусины. Впрочем, даже парусиновые занавеси, сделанные из тонкой ткани, но хорошо выбеленные, смотрелись вполне прилично. Состоятельные капитаны наби-

вали подушки лебяжьим пером, бедные – просто паклей. Особое отношение было к покрывалам. Это был особый культ, где существовали свои каноны и свои модные поветрия. Заботливые жены порой вышивали на покрывалах целые картины. Там были и милые пастушки в кругу овец, и античные нимфы, в которых без труда угадывались черты любимых жен, и уютные домики, из окон которых выглядывали ждущие своих мужей все те же верные жены. У холостяков все было попроще. Как правило, покрывала им расписывали масляной краской судовые маляры в соответствии со своим эстетическим вкусом. Поэтому в каютах холостяков обычно присутствовали чудо-юдо-рыбы-киты, единороги, вещие коты-баюны и прочий сказочный сброд. Особой популярностью пользовались русалки с неправдоподобно огромными формами. Если же маляр не был романтиком, то рисовались просто розочки да листочки.

Что касается Шостака, то у него на покрывале был изображен традиционный домик с садиком и девушкой в окошке. Впрочем, жена у командира «Григория» была не только рукодельницей. Но и вообще женщиной хозяйственной, цену копейке знала, а потому мужа в плавание собирала загодя, соля нежинские огурчики, да варя в огромных тазах варенье вишневое да абрикосовое. Особенно же гордилась капитанша, что по случаю приобрела у одесского купчины за полцены почти фунт отличного чая.

Уже перед расставанием Наталья Петровна подарила Шостаку свой портрет, писанный каким-то местным живописцем.

– Чтобы в море меня не забывал и на мою персону любовался! – сказала, дар свой торжественно вручая.

Живописал портрет мадам Шостак, разумеется, далеко не Боровиковский, а потому с оригиналом он имел сходство весьма относительное, хотя красок художник не пожалел. Особенно ярко были намалеваны щеки, получившиеся больше похожими на два помидора. Жене, впрочем, портрет нравился, а это самое главное. Не спорить же о вкусах в грустный момент расставания.

И вот теперь Шостак вертел парсуну в руках, примериваясь, куда бы ее приладить. Наконец определился повесить в изголовье койки. Проснулся – сразу с супругницей поздоровался, а, засыпая, пожелал покойной ночи. Лучше и не придумать!

Решив вопрос с портретом, намылил щеки и принялся за бритье. Плохо правленая бритва больно царапала щеки. Но на правку времени уже не было.

Еще с вечера на флагманском «Святом Павле» на полдень назначено совещание у командующего. Ничего необычного от совещания Шостак не ожидал – скорее всего, командующий будет ставить задачи на предстоящую морскую кампанию, все как обычно.

На стуле еще с вечера лежали заботливо приготовленные вестовым чистая рубашка и штаны.

– Ваше высокоблагородие, завтрак уже готов, – просунул голову в проем двери и сам вестовой Тимоха, веселый и расторопный ярославец.

На «Григории» капитанская каюта просторная и поделена на два отделения. Ближняя к выходу для работы и общения, дальняя – спальня. Сейчас все бумаги были сдвинуты на столе в сторону, и перед креслом стоял поднос с завтраком: яичница в три яйца, масло да в хлебнице свежий хлеб с румяной корочкой.

Чай был уже заварен и источал ни с чем несравнимый аромат. Шостак сел за стол. Тимоха привычно повязал салфетку. Не слишком свободно, но и не туго.

Поставив перед командиром хорошо прогретую тарелку, вестовой неслышно исчез, как и подобает настоящему вестовому. Намазывая хлеб маслом, Шостак прислушался. Над головой слышался топот ног и команды, это боцмана выстраивали команду на подъем флага.

Отзавтракав, Шостак надел мундир, прицепил кортик. Все привычно рассчитано до мгновения. У него оставалось в запасе еще несколько минут. Глянул на себя в зеркало, висящее на переборке рядом с медным умывальником. Как всегда, остался недоволен, последние

дни подготовки к кампании он был в большом замоте, а потому осунулся. Все, пора! Часовой у дверей каюты отдал честь.

Наверху команда уже стояла вахтами побортно, равняя босые пятки, во главе с урядниками. Офицеры выстроились на шканцах.

– Здравствуйте, господа! – поздоровался с офицерами. – Здорово, братцы! – с командой.

Братцы ответили дружным хором четырех с лишним сотен глотов:

– Здра-жла-ваше-выс-родие!

Вахтенный начальник глянул на истекающую струйку песочных часов.

– До подъема флага одна минута!

С соседних кораблей неслись крики приветствия, там командиры также здоровались со своими командами.

– Господин капитан-лейтенант, время вышло! – громко отчеканил вахтенный начальник.

– Командуйте! – кивнул Шостак.

– На флаг шапки долой! Флаг и гюйс поднять!

Медленно поползло вверх бело-синее полотнище Андреевского флага – самый торжественный и волнующий момент на русском флоте. Певуче запел тонким свистом канарей-блок. С соседних судов вторили другие канарей-блоки, каждый на свой лад. Вот флаг поднят до конца флагштока. Порыв ветра развернул его на всю ширину.

Шостак с удовольствием вдохнул полной грудью свежий севастопольский воздух. Глянул в бездонно-синее небо и в нескончаемую морскую даль. Господи, до чего же хорошо!

* * *

Итак, очередной судовой день начался. Часть команды была сразу назначена на вытяжку такелажа, остальных боцмана развели на молярные работы и погрузку запасных стенов и рей. Штурман съехал на берег в навигационную мастерскую выверять хронометры, а заодно и получить обновленные карты Черного моря. С ним отправился и доктор, у которого тоже оказались какие-то неотложные дела в госпитале.

Свой же день капитан «Григория» начал с осмотра артиллерии. Вначале отправился к кормовой карронаде левого борта. Внимательно осмотрел пушку и даже к некоторому разочарованию не нашел никаких упущений. Расчет стоял тут же, смотря в глаза начальству. Кивнув головой, пошел дальше. Еще пушка, еще... Везде полный порядок. Картузы с порохом, клещи, гандштуги, затравочные перья, банники и пробойники – все было в полном комплекте, все на своих местах. Остановившись у одного из расчетов, придирчиво осмотрел канониров. Те замерли, перестав даже дышать. Пробежал взглядом по лицам. Старых и опытных спрашивать смысла нет, они все знают не хуже его самого. А вот на фланге мальчишка-рекрут. Шостак остановил взгляд на матросике. Тот сглотнул слюну:

– Матрос второй статьи Затехин Иван сын Козьмы!

– Ну, и каковы твои действия, сын Козьмы, в сражении будут?

– Так что я это... это... это... – начал заикаться, краснея от волнения, матросик-рекрут.

Стоявший рядом седой канонир ткнул его в бок локтем.

– Так я это ствол чищу, ваше высокоблагородие! – обрадованно закричал матросик. – А ежели дядька прикажет, что другое делать, так я и рад буду ему во всем помочь!

– Молодец! Дядьке своему помогать и вправду надо, но и про пушку не забывай! – подбодрил матросика Шостак, понимая, что, отругай он сейчас рекрута, тому потом достанется на орехи. А мальчишка шустрый и толк со временем, видимо, будет.

Обойдя орудия, заслушал содержателя трюмов, переловлены ли крысы. И хотя и Шостак, и содержатель понимали, что переловить этих вездесущих тварей невозможно, унтер-офицер с готовностью доложил:

– Так что, ваше высокородие, почти всех перебили. Ежели и остались, то самую малость!

На это капитан-лейтенант лишь кивнул. Что поделывать, пройдет пару месяцев плавания, и крысиное племя снова будет властвовать в трюме до следующего побоища. Помимо крыс у моряков парусного флота была и еще одна напасть – клопы. С ними тоже велась никогда не прекращающаяся война, в которой верх попеременно брала то одна, то другая сторона. Сейчас по всему фрегату матросы искали гнезда клопов, найдя, тут же выскабливали, заливали скипидаром, а затем закрашивали краской в несколько слоев, но часто, когда уже, казалось, что все покончено, неподалеку обнаруживались новые и новые гнезда.

Затем Шостак остановил старшего боцмана. Еще раз напомнил, что все на верхней палубе должно знать свое место и быть надежнейшее закреплено. Боцман в том клялся, хотя и прибавил от себя:

– До первого шторма, вашевысокородие, никогда до конца не узнаешь, что может сдуть да смыть с палубы!

– Это у плохого боцмана не узнаешь, а у хорошего все всегда на своем месте! – слегка пристыдил старого моряка Шостак. – Проверь все крепления ежедневно и спрашивай с виновных без всякого снисхождения.

– В энтот вы не сумлевайтесь! – улыбнулся ветеран. – Как цепкой дудочной по заднице наддам, враз ум да память у любого восстановятся!

После этого вместе со старшим офицером капитан-лейтенант отправился посмотреть крьюйт-камеру, все ли готово к завтрашнему приему пороха. Фонарь над световым люком светил ровно столько, чтобы подносчики пороха видели заряженные картузы, передаваемые им через двойной саржевый полог, отделяющий пороховое хранилище от остального судна. Днища фонарей в крьюйт-камере залиты водой, но все равно пользоваться ими стараются как можно меньше, огонь он и есть огонь, с ним шутки плохи.

Внутренность крьюйт-камеры – вотчина ее содержателя унтер-офицера Василия Кирвиля. Он здесь царь и бог. Но зато с него за все и спрос. Должность содержателя особая и назначают на нее самых ответственных и толковых. Завидев командира и старшего офицера, содержатель выставил перед ними пампуши – бумажные тапки, без подков и гвоздей, чтобы ненароком никто искры не высек. Надев тапки, Шостак с Ратмановым разом вывернули на-изнанку карманы. Это тоже правило, обязательное к исполнению, независимо от чина и должности. Вдруг по забывчивости у кого-то в кармане кресало какое-то затерялось, а потом он еще случайно им и чиркнет. Если же хоть одна искра попадет на порох рассыпанный, тогда взлетишь в небеса, прежде чем скажешь «аминь». Крьюйт-камера – место особое, и требования устава морского здесь исполняются особо неукоснительно, ибо вопрос всегда стоит о жизни и смерти сотен людей.

Сам содержатель с помощником в таких же пампушах и в бумажных фартуках были заняты тем, что вымывали палубу, стараясь выковырять из пазов весь скопившийся там старый порох с грязью.

– К завтрашнему успеете приготовиться? – поинтересовался Шостак.

– Успеем, ваше высокородие! – хмыкнул Кирвель. – И не сумлевайтесь!

– Полоки уже вычистили? – поинтересовался Ратманов, оглядывая стеллажи, на которых будут расставлять пороховые припасы.

– Сверкают, что у кота яйца, ваше высокородие! – отозвался Кирвель.

Содержатель входит вместе со старшим писарем, старшим коком и боцманом в судовую унтер-офицерскую элиту, а потому может позволить себе некоторую вольность в общении с офицерами, хотя и самую малость. Пусть скобящие палубу матросики порасскажут потом дружкам, каков он, унтер-офицер Кирвиль, бойкий на язык перед самим капитаном!

Но Шостак юмора не оценил.

– Ты бы лучше за исправностью мытья смотрел, чем шутки со мной шутить! – сказал хмуро и направился на выход.

Ратманов подозвал растерянного содержателя к себе:

– Как закончишь, сразу доклад, спушись и самолично проверю!

– Так точно! – закивал пристыженный унтер-офицер.

Тем временем в глубине бухты показалась небольшая баржа, следующая к «Григорию». Это везли мясо только что забитого скота. Бычьи и коровьи туши обычно рубили пополам, чтобы легче таскать, баранов же и свиней грузили целиком.

– Макара Иванович, проследите, чтобы мясо приняли и солью просолили надлежаще! – напомнил старшему офицеру Шостак, хотя прекрасно понимал, что Ратманов и так все знает, но напомнить лишний раз никогда не помешает.

Затем командир «Григория» занялся самым муторным и нелюбимым делом – бумагами. Всего несколько дней он откладывал их в сторону, а, поди, уже накопилась целая куча. По флоту уже много лет ходила байка об адмирале Полянском, который еще в правление императрицы Елизаветы, вконец измученный бумагами, велел собрать их на всех судах Балтийского флота и сжечь. Надо ли говорить, с каким удовольствием исполнили капитаны эту команду. Но уже через какой-то месяц на их столах высились еще большие пирамиды из меморий, ордеров, всевозможных запросов и неизбежных ответов. Урок был усвоен хорошо и более уже никто на сожжение казенных бумаг не покушался, чего жечь, коль чинуши адмиралтейские сейчас же новые настроят!

Взяв в руки перо, поморщился – перо было из левого крыла гуся. Такие перья стоили гораздо дешевле правых, так как верхний конец «левых» все время тыкал в глаз пишущему. Но что поделывать, дражайшая Наталья Петровна считала покупку правых перьев неразумной тратой денег, и с этим приходилось мериться. По стенам каюты прыгали веселые солнечные зайчики, а грустный Шостак читал и расписывался, отвечал на письма и сам писал бесконечные заявки. По старой своей привычке Шостак время от времени покусывал конец пера, раздумывая над какой-нибудь затейливой фразой – бумаги он писал официальные и каждое слово в них должно быть выверено.

За час до назначенного командующим времени командир фрегата велел подать к трапу разъездную гичку. За полчаса сошел в нее и велел править на стоявший напротив Южной бухты «Святой Павел». Над фок-мачтой корабля был поднят вице-адмиральский флаг, это значило, что Ушаков уже вступил в командование практической эскадрой. Отныне ни один из командиров вверенных ему судов не имел права покидать палубы без письменного разрешения вице-адмирала. Теперь только он бог, царь и судья семи тысячам офицеров, матросов и солдат.

* * *

Со всех стоящих на рейде судов к «Павлу» торопились катера и шлюпки, то съезжали вызванные капитаны. Над 74 - пушечным кораблем «Захарий и Елисавет» с утра на верхней оконечности брам-стенги грот-мачты поднят широкий вымпел – знак того, что командир корабля капитан I ранга Селивачев с сегодняшнего дня вступил в права командира отряда. Значит, вправду среди командиров судачили, что в нынешнюю кампанию именно Селивачев возглавит эскадренную арьергардию. Стало быть, через год-два выйдет Селивачев в контр-адмиралы.

Оглянувшись, оценил Шостак со стороны и свой фрегат. Сейчас «Григорий» еще недогружен, а потому видна вся ватерлиния, при полной же боевой загрузке осадка составит целых 13 футов. Отметил, что фрегат несколько сидит носом в воду, и надо будет сказать Ратманову, чтобы часть наиболее тяжелых грузов переместили ближе к корме, а то судно будет слишком рыскать на курсе.

На подходе к правому парадному трапу Шостак велел табанить весла, чтобы пропустить вперед линейных командиров. Вот катер со «Святого Петра». На его кормовой банке по-хозяйски сидит Дмитрий Сенявин один из самых блестящих черноморских капитанов, умный, но злой на язык. По возрасту, они ровесники, но за Сенявиным стоит весь его знаменитый морской род, адъютантская служба у Потемкина, дружба с самим Мордвиновым, да и немалые связи в самой столице. По этой причине Сенявин со всеми и держится независимо, может позволить себе даже демонстративно своевольничать, что же касается Ушакова, то командир «Святого Петра» откровенно с ним фрондирует. У Шостака с Сенявиным дружбы нет, но оба относятся друг к другу уважительно. Вот и теперь, увидев друг друга, они обменялись кивками головы. В соответствии со старшинством, Шостак пропустил катер с «Петра» вперед себя. За Сенявиным к вываленному трапу причаливали другие катера. Последним капитан 74-пушечной «Марии Магдалины» Гришка Тимченко. Он хоть и в одних чинах с Шостаком, но уже капитан линейный.

Наконец, катера линейных кораблей высадили капитанов. Теперь уже и самого Шостака пропустили вперед капитаны фрегатов, стоящие ниже его на служебной лестнице. Вот приподнял шляпу известный на флоте джентльмен командир «Счастливого» Григорий Белли.

Высоченный борт «Святого Павла» навис над головой. Отказавшись от помощи фалрепных, Шостак легко перепрыгнул на трап. Едва его голова поравнялась с верхней палубой корабля, барабанщики ударили марш, а стоящие на верхней площадке четверо морских солдат разом вскинули мушкеты «на караул». Тут же подошел и вахтенный офицер.

– Прошу пройти в адмиральский салон!

С бака «Павла» гулко выстрелила полуденная пушка. В адмиральском коридоре застыл безмолвный часовой, у входа в адмиральскую обитель вестовой так же молча принял шляпу. Переборки ушаковского салона были оббиты голубой камчатной тканью, у стола – полка с книгами в кожаных переплетах, лоции, переводы гостовские, да жития святых. В дальнем углу два задрапированных орудия. Молоденький мичман объявил, что командующий дописывает некие важные бумаги и с минуты на минуту выйдет. То был племянник Ушакова Иван. Официально Иван числился адъютантом командира флагманского корабля, но фактически состоял при своем дядюшке.

Командиры судов коротко здоровались между собой и рассаживались за столом также в порядке старшинства. Свое место в капитанском списке каждый из них знал, как «Отче наш», впрочем, как и старшинство любого другого из присутствующих.

Наконец, из кормовой каюты показался Ушаков с какими-то документами в руках. С ним и младший флагман контр-адмирал Овцын.

– Господа офицеры! – скомандовал капитан «Павла» Евстафий Сарандинаки.

Загрохотали отодвигаемые стулья. Все разом встали. Ушаков нетерпеливо махнул рукой:

– Господа офицеры!

Снова движенье стульев – расселись.

– Я собрал вас, чтобы огласить расписание судов на нынешнюю морскую кампанию. На сей год нам предстоит крейсерство на широте Севастополь – Очаков. Мой флаг будет и впредь поднят на «Святом Павле», младшим флагманом корабельной эскадры определен контр-адмирал Овцын. Его флаг на «Святой Троице». Начальствовать же арьергардией определяю капитана Селивачева с поднятием ординарного вымпела на корабле «Захарий и Елисавет».

Зачитав состав авангарда, кордебаталии и арьергарда, командующий перешел к заслушиванию самих капитанов. Каждый доложил о готовности к плаванию, о том, что уже им получено и что еще недополучено. Ушаков всех внимательно слушал, с чем-то соглашался, с чем-то нет, но все аккуратно записывал в тяжелую шнуровую книгу, которую эскадренные остряки не без ехидства именовали «книжкой добрых дел». Затем флаг-офицер ознакомил командиров с

очередностью подхода пороховых и продовольственных барж, получения запасного такелажа на ближайшие дни.

О том, что уже имеется высочайшее повеление быть готовым к встрече с французским флотом, Ушаков пока командирам не объявил, так как бумага была секретной. У французов везде шпионы и перестраховаться никогда не помешает. Зато для каждого командира уже были приготовлены секретные пакеты, в которых все самым подробным образом изложено. Пакеты эти командиры вскроют уже по выходу в море по его сигналу.

Расписываясь у флаг-офицера в получении, командиры по очереди брали тяжелые парусиновые пакеты. Каждый пакет был полностью просмолен, чтобы защитить корреспонденцию от морской воды, в каждый вложена еще и горсть шрапнели, чтобы в случае крайней необходимости его можно было быстро утопить, и враг не узнал того, что знать ему не положено.

После совещания Ушаков, как хлебосольный хозяин, пригласил всех капитанов отобедать у него чем бог послал. От ушаковских приглашений отказываться не было принято. Потому остались все, включая даже фрондера Сенявина.

Из воспоминаний современника: «Федор Федорович Ушаков был гроза турок, именуемый ими паша Ушак, приобрел все чины и звания, знаки отличия без всякого покровительства, храбростью и усердием; был роста среднего, сухощав. В плечах широк; лицо имел моложавое, приятное... Нрава был чрезвычайно вспыльчивого: беспорядки, злоупотребления заставляли его выходить из приличия, но гнев скоро утихал».

Обеды у Ушакова всегда были простые, но сытные, да и держал командующий всегда себя за столом по-домашнему радушно. Сам почти не пьющий, он, тем не менее, всегда имел запас хорошей водки, которым с удовольствием и в меру потчевал гостей. Хлебное вино у Ушакова было действительно знатным. После перегона в кубе «надлежащим образом», адмиральский кок настаивал его на истолченной корице, а затем еще и на мелко изрезанной померанцевой корочке, отчего водка приобретала соответствующий и запах, и вкус.

Посреди стола медные хлебницы, искусно сделанные в виде транспортных судов, наполнены свежими сухарями. На тарелках изображение флагманского корабля, летящего куда-то в неизвестность на всех парусах.

– Ваш тост, господин лейтенант! – поднял первую рюмку Ушаков, оборотившись к командиру посыльного судна «Ирина» Анастасию Влито.

По старой традиции первый тост за офицерским столом всегда говорит младший по чину.

– За здоровье государя нашего императора Павла Петровича! – поднявшись, провозгласил смущенный всеобщим вниманием Влито.

Капитаны разом поднялись, тост за императора всегда пьется только стоя. После первого тоста дело пошло повеселее.

Испили капитаны адмиральской водочки, под грибочки и огурчики соленые, похвалили. Затем, вооружившись ложками, закусили горячими щами и кашей мясной.

Ушаков первым густо намазал лежавший на его тарелке кусок мяса горчицей. За ним потянулись к горчице и командиры кораблей. Именно так в море отбивали запах у не слишком свежей солонины. И хотя сейчас мясо было самым свежим, привычка у всех осталась.

Беря сухари, офицеры, как по команде, застучали ими о край обеденного стола. Делалось это, чтобы выбить засевших в сухарях жучков. Разумеется, сейчас все знали, что адмиральский вестовой перед накрытием стола заранее простучал каждый сухарь, но привычка сказалась и в этом. Командующий на это нисколько не обиделся, более того, он и сам постучал сухариком.

Перекусив, командиры начали собираться по своим судам. До выхода в плавание оставались считанные дни, дел у всех еще было невпроворот – кто-то порох не загрузил, кто-то продовольствие. При этом еще никто не наливался водой. Дело в том, что воду каждый командир старался брать в самый последний момент, чтобы та как можно дольше хранилась в свежести. Когда же десятки шлюпок со всей эскадры одновременно начинали черпать пресную водицу

в устье Черной речки, то там порой возникали недоразумения. Посему на этот раз Ушаков загодя определил туда офицера, который бы и правил всей очередностью заливки.

Командующий никого из капитанов не задерживал. Видно было, что и сам он не склонен затягивать обеденные посиделки. Дел хватало и у него. Взять только продовольствие, ведь без малого семь тысяч человек команд нуждались в ежедневном питании. Для этого, помимо всего прочего, необходимы были тысячи пудов сухарей, да не простых, а тех, что делали только из особого сорта муки, а потом еще и соответствующе закаливали. На солонину в Севастополь гнали сейчас целые стада скота крупного и мелкого. В одной из балок устроили бойню. Туда же с Перекопа возами везли соль и бочки для засолки. Процесс засолки тоже не так прост, как кажется. Если засаливать будет настоящий мастер, то мясо получится и вкусным, да и храниться будет куда дольше. Поэтому здесь присмотр тоже нужен немалый. Часть скота на корабли и суда надо грузить живьем, чтобы хотя бы первые недели у команды было свежее мясо. Особая проблема – бочки. Их нужно тысячи и тысячи, как для солонины, так и для воды. Лучшие из всех бочек – это дубовые, но где в Крыму найдешь столько хорошего дуба! Поэтому бондари делали их из другого дерева, стремясь придать, по возможности, прочность и герметичность. Каждую из бочек надлежало проверить и принять. Кроме того, надлежало закупать, привезти и загрузить всевозможные крупы, специи, вино и зелень. И это только продовольствие. А порох и ядра? А холстина для картузов? А дерево для починки рангоута? А сам рангоут? А такелаж – многие версты различных канатов, которые так же надо было проверить на прочность, ибо от этого зависела жизнь людей. А многопудовые чугунные якоря, доставка которых в Севастополь так же была весьма непроста? Кроме всего этого команды надлежало еще и одеть, да денежным довольствием и лекарствами обеспечить. Помимо всего этого надо было подготовить и сами суда: откилевать, заменить гнилое и вызывающее сомнение дерево, выкрасить и вычистить. И за все от выверенности навигационных инструментов до качества матросской махорки отвечал он – командующий эскадрой.

На выходе от командующего Шостак наскоро переговорил с командиром фрегата «Михаил» Сорокиным. У обоих назавтра была назначена погрузка боезапаса. Договорились, что до обеда красная (пороховая) баржа пойдет к Сорокину, а уже после обеда перетянется к «Григорию». Время же до обеда Шостак планировал занять погрузкой шкиперского имущества, которое было уже получено и сложено на стенке Артиллерийской бухты.

– Сдается мне, что нынешняя кампания будет столь же тоскливой, что и предыдущая, – недовольно пробурчал Сорокин, обменявшись с Шостаком прощальным рукопожатием.

– Поживем – увидим! – ответил тот, уже спускаясь в свою гичку.

Корабельные оркестранты разом задудели в трубы, а литавщик от всей души ударил в тарелки. Это провожали младшего флагмана Овцына. Но едва голова контр-адмирала оказалась на уровне палубы, музыка столь же резко оборвалась. Так велит провожать российских адмиралов морской устав, и никто не вправе что-либо в этом менять. Командирам кораблей и судов первых рангов при подъеме и сходе оркестр не положен по чину, им бьет барабан, и свистят дудки, командиры же мелких судов и вовсе обходятся одной дудкой.

* * *

1798 год вообще выдался для Черноморского флота не простым. Уже в январе у входа на Севастопольский рейд был снесен ветром и выброшен на берег у Артиллерийской бухты транспорт «Березань» под командой лейтенанта Ивана Сытенского. Люди, слава богу, остались живы и командира по суду оправдали.

В июле флот постигла уже куда более страшная трагедия. Возвращавшийся из-под Евпатории кирлангич «Ахилл» под командой лейтенанта Кононовича был опрокинут жестоким шквалом. Погибла вся команда из 76 человек. Чудом уцелел лишь один матрос Ермолай Лаза-

рев. Уцепившийся за обломок мачты, он был выброшен на берег, там подобран дозорными казаками и привезен в Севастополь с вестью о трагической гибели «Ахилла». Впрочем, мало ли и раньше гибли моряки в штормах да бурях?

К моменту прибытия фельдгегеря корабли уже вытягивались на середину Севастопольской бухты, заканчивая загрузку припасов и последние приготовления к повеленному плаванью. Письмо императора произвело на вице-адмирала должное впечатление. И было от чего! В новом рескрипте уже ни слова не говорилось о турецкой угрозе, зато черным по белому значилось, в случае прорыва французов в Черном море дать им генеральный бой.

«Мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство, – писал император Павел, – что честь нашего флага соблюдена будет...»

– И мужество, и храбрость, и искусства нам не занимать! – прочитав бумагу, вздохнул Ушаков. – Ну а что касается чести флага, то оную черноморцы всегда выше иных доблестей ставили!

В те дни Севастополь напоминал разворошенный муравейник. Все куда-то бежали, что-то везли, что-то грузили. Один за другим корабли и суда эскадры вытягивались на внутренний рейд, где окончательно приводили себя в порядок и отработывали корабельную организацию.

В последнюю очередь на корабли началась погрузка солдат черноморских батальонов полковника Скипора, майоров Буаселя и Бриммера. Солдаты грузились с песней:

*Не бушуйте вы, ветры буйные, вы буйные ветры, осенние.
Успокойся ты, море синие, не волнуйся ты, море Средиземное.
Ты стой, стой, лето теплое, не теки стой, солнце красное!
По указу царя Белого наказать врага вероломного...*

* * *

Свой флаг вице-адмирал Ушаков поднял на 84-пушечном «Святом Павле». Младшим флагманом к себе просил он контр-адмирала Гавриила Голенкина, командовавшего в ту пору Херсонским портом. С Голенкиным Ушакова связывала старая дружба и боевые дела. Но Мордвинов демонстративно отказал, причем не по необходимости, а из вредности. Младшим флагманом к Ушакову он определил своего человека – контр-адмирала Овцына.

Командиром флагманского корабля стал давний соратник и товарищ Ушакова капитан I ранга Евстафий Сарандинаки. Никакого образования у Сарандинаки не было, зато опыта хватало. Еще в 60-х годах под началом знаменитого капера Качиони дрался он с турками на Средиземном море. Затем со своей фелюкой прибыл к адмиралу Спиридову и поступил на русскую службу, чтобы снова воевать, но уже под Андреевским флагом.

В войну 1787–1791 годов с турками Сарандинаки уже командовал фрегатом, воевал храбро и умело и за Калиакрию получил заслуженный Георгиевский крест.

С Ушаковым командир «Святого Павла» просто дружил, а потому и на его корабле пребывать ему было приятно.

Несмотря на все старания, Ушакову не удалось отстоять второго близкого к нему командира – капитана I ранга Ознобишина, командовавшего новым кораблем «Захарий и Елисавет». Ознобишина Мордвинов просто списал на берег. Вместо него командиром «Захария и Елисавет» был определен старейший из черноморских капитанов 50-летний Иван Андреевич Селивачев, лишь немного уступавший в старшинстве самому Ушакову. Уже начало прошлой войны с турками он встретил в чинах капитанских и в должности командира линейного корабля «Слава Екатерины». Имел и Георгиевский крест за Калиакрию. В последние время Селивачев уже частенько прибаливал и тяготел к береговой службе, а потому последние два года служил

презусом генерального военного полкового кригсрехта (председателем гарнизонного трибунала). Должность считалась почетной, но пенсионной. Новое назначение стало для Селивачева неожиданностью, однако моряк отказываться не стал. Тем более что, помимо командования кораблем, Селивачев назначался и начальником арьергардии, с правом поднятия брейд-вымпела.

Вторым новостроенным линейным кораблем «Святой Петр» командовал самый молодой из капитанов I ранга 36-летний Дмитрий Сенявин, бывший генеральс-адъютант Потемкина, герой набега на Синоп, любимец Мордвинова и недруг Ушакова. Впрочем, при всем этом Сенявин был выдающимся моряком и честным человеком. Отметим и то, что и Ушаков, и Сенявин, при всей личной антипатии друг к другу, признавали профессионализм и талант друг друга. Как известно, на такое способны весьма немногие!

Дмитрий Николаевич Сенявин

Историк Д.Н. Бантыш-Каменский так вспоминал о командире «Петра»: «Дмитрий Николаевич Сенявин росту высокого и стройного; имел прекрасные черты и много приятности в лице, на котором изображалась доброта души и всегда играл свежий румянец. Наружность его вселяла любовь и почтение. Будучи крепкого сложения, никогда не жаловался он на болезни, и лечение его состояло в домашних простых средствах. Он отличался веселым, скромным и кротким нравом; был незлопамятен и чрезвычайно терпелив; умел управлять собою; не предавался ни радости, ни печали, хотя сердце чувствительное; любил помогать всякому; со строгостью по службе соединял справедливость; подчиненными был любим не как начальник, но как друг, как отец; страшились более всех наказаний – утраты улыбки, которою сопровождал он

все наказания свои и с которою принимал их донесения. Кроме того, он был исполнен преданности к престолу и дорожил всем отечественным. В обществах Сенявин любезен и приветлив. С основательным умом он соединял острый, непринужденный разговор; знал языки немецкий, французский, английский и италийский, говорил ни на одном из них и с иностранцами всегда объяснялся посредством переводчика». Пройдет совсем немного времени и Дмитрий Сенявин станет одним из самых выдающихся флотоводцев в истории России...

74-пушечным «Богоявление Господне» командовал хорошо известный на Черном море капитан I ранга Антон Павлович Алексиано. Еще в молодости Алексиано отслужил пять лет матросом в британском флоте, поплавав от Америки до Индии. Затем дрался капером с турками, был принят адмиралом Спиридовым на русскую службу и снова воевал под началом своего старшего брата Паниотти, будущего контр-адмирала российского флота и героя Очаковского сражения. Младший Алексиано также отличился под Очаковым, имел орден Владимира 4-го класса за Тендру и Георгиевский крест за 18 морских кампаний. Как и Сарандинаки, Алексиано никогда ничему не учился, а все постигал сам. При этом он был прекрасным моряком, знал английский, итальянский и испанский языки. В послужном списке его значится: «В поведении и должности хорош и рачителен, но по совершенной слабости здоровья часто бывает болен».

74-пушечной «Святой Троицей» командовал Иван Степанович Поскочин. В 1781 году он начальствовал галерой во время путешествия императрицы Екатерины Второй по Днепру. Затем воевал на Дунае, имел Георгия за Измаил. Но в чинах продвигался плохо. Не имея никаких взысканий, отбарабанил восемь лет капитан-лейтенантом. Говорили, что виной тому был его вспыльчивый и прямой характер. Но Ушакову Поскочин нравился и в 1796 году он забрал его с галер к себе на линейный флот, сразу произведя в капитаны II ранга. А накануне отправки эскадры в Средиземное море Поскочин наконец-то стал и капитаном I ранга.

Наконец, 74-пушечной «Марией Магдалиной» командовал еще один питомец ушаковской школы капитан II ранга Григорий Иванович Тимченко, имевший Георгиевский крест за Фидониси.

На самом мощном из черноморских фрегатов 60-пушечном «Григорий великая Армения» капитанствовал уже известный нам капитан-лейтенант Иван Шостак. В 1787 году он вместе с Поскочинным сопровождал императрицу Екатерину по Днепру. В турецкую войну отчаянно дрался в Лимане, за взятие Тульчи и Исакчи получил первого Георгия, а за штурм Измаила – особый золотой знак с прибавлением старшинства в три года. Затем достойно показал себя при обстреле Гальца и Браилова, удостоившись за это еще одного Георгия, уже 3-го класса. Шостак был единственным из черноморских капитанов, имевших сразу два Георгиевских креста. Весь флот знал, что Шостак любимец Ушакова, но сам капитан-лейтенант, несмотря на это, всегда держался предельно скромно, за что и был уважаем особо.

Теперь, командуя тяжелым фрегатом, он был первым кандидатом в командиры линейного корабля. Все зависело от того, как Шостак проявит себя в ближайшей кампании.

50-пушечным фрегатом «Святой Михаил» командовал капитан II ранга Александр Сорочкин. Как и все остальные капитаны, хорошо показал себя в турецкую войну, воевал в Лимане, штурмовал Очаков, получив капитан-лейтенанта «за отличие». Затем, служа старшим офицером на корабле «Мария Магдалина», участвовал во всех сражениях Ушакова: при Тендре, под Керчью и при Калиакрии. За Тендру получил Владимирский крест.

Хороши были и остальные капитаны: Фома Мессер с 46-пушечной «Богородицы Казанской», Кирьяк Константинов с «Сошествия Святого Духа», племянник бывшего черноморского флагмана граф Дмитрий Войнович с «Навархии», капитан «Святого Николая» Павел Марин и фрегата «Счастливый» Григорий Белли.

Каждого из них Ушаков знал не один год, с большинством прошел не одно сражение. Неплох был и младший офицерский состав, большая часть которого тоже была крещена огнем.

В последние два года команды пополнились рекрутами. Но старые матросы все же имелись еще в достатке.

Вперед эскадры к Тамаре был отправлен авизо «Панагия» лейтенанта Тизенгаузена – сообщить о выходе эскадры из Севастополя.

Черноморский флот России начинал очередную морскую кампанию, которая обещала быть весьма насыщенной плаваниями. Однако никто еще не предполагал, что она получится и на редкость боевой.

Глава третья

Погоня за Бонапартом

В самом конце 1797 года в Париж вернулся генерал Бонапарт. Только что он собственноручно продиктовал австрийцам условия Кампо-Форминского мира, предварив его каскадом своих ошеломляющих побед в Италии. Всем было очевидно, что над Европой возшла новая полководческая звезда. В столице директория французской республики устроила триумфатору торжественную встречу. Пока один директор республики Баррасс говорил напыщенную речь, второй – Бурьен рыдал в объятьях генерала. Еще недавно почти никому не известный Бонапарт был теперь нужен всем. С ним искали встреч и на этих встречах без всякой меры заискивали самые влиятельные политики.

– Нашему герою всего двадцать восемь лет, а он уже выиграл двадцать сражений! – восхищались обожатели. – Что же он наделает к шестидесяти? Дойдет до Индии или покорит весь мир?

Женщины, видя маленького и худого юношу с бледным лицом и длинными волосами, падали от возбуждения в обморок. А вскоре генерал Бонапарт выступил с пылкой речью:

– Сограждане! Приложим все наши усилия в сторону моря и уничтожим Англию! После этого вся Европа будет лежать у наших ног!

Когда первые страсти улеглись, Бонапарт, как новый командующий армией вторжения в Англию, объехал порты вдоль Ла-Манша. Результаты поездки были неутешительны. Состояние французского флота не оставляло никаких шансов благополучно добраться даже до недалекого враждебного берега.

Вторя ему, французский посол в Генуе Сотен публично заявил, поглядывая на английского посланника:

– Наша экспедиция направлена против Англии, а потому пусть они заранее готовятся к капитуляции. У Франции осталось теперь лишь два противника: Англия и собственное естество!

Что подразумевал посол под «собственным естеством», так и осталось для всех загадкой.

Некоторое время французы думали высадить десант прямо в Англии и одним махом покончить с ней и со всеми проблемами. Для этого на побережье они расположили армию генерала Луи Шарля Дезе. Начали понемногу собирать в Бресте и флот. Перебросили туда с Корфу эскадру вице-адмирала Брюеса, начали строить и мелкосидящие канонерские лодки. Однако пыл нетерпеливых остудил генерал Бонапарт. Его авторитет после блистательных побед в Италии был непререкаем.

– Мы уже имеем печальный опыт ирландской экспедиции 1796 года, когда кроме потерь и позора не было больше приобретено ничего! Пока мы не завоюем господство на море, о вторжении в Англию лучше и не мечтать! – внушал он народным депутатам. – Мы нанесем удар, но там, где англичане его ожидают меньше всего! Угрозу же вторжения непосредственно в Англию будем использовать лишь как дезинформацию!

– Куда же мы ударим? – спросили решительного генерала депутаты.

– А ударим мы по британским колониям!

Бонапарт мечтал о славе Александра Македонского. Директория, в свою очередь, уже начала опасаться этого не в меру энергичного и тщеславного генерала, считала за лучшее слышать о его победах в далеких пустынях, чем видеть в Париже. Кроме этого далекий поход флота и армии непременно оттянул бы за собой часть британского флота и, тем самым, облегчил подготовку к вторжению на Британские острова через пролив.

В узком кругу членов директории, куда призвали и Бонапарта, решали, что делать дальше.

– Увы, мы не можем сейчас ничего противопоставить Англии! – сокрушался директор Бурьенн. – Льву трудно драться с китом!

– Отнюдь! – тут же возразил ему Бонапарт. – Да, мы пока не можем атаковать саму Англию, но мы вполне можем испортить кровь англичанам в других местах. Наш враг силен своими конюшнями-колониями, и как только он почувствует, что мы поджигаем эти конюшни, то сразу примет все наши условия!

– Что же вы конкретно предлагаете? – подал голос велеречивый Баррас.

– Нанести удар там, где англичане его меньше всего ожидают! – усмехнулся генерал.

– И где же? – даже привстали в своих креслах члены директории.

– В Египте! Захватив его, мы возьмем англичан за горло! Мне хватит шести лет, чтобы добраться до Индии!

Несколько мгновений в зале заседаний царила полная тишина, зато потом начался шум и гвалт. Мнения собравшихся сразу же разделились, и теперь каждый старался доказать соседу правоту своего.

Впрочем, для многих идея молодого и честолюбивого генерала неожиданностью не стала. О вторжении в Египет мечтал еще четверть века назад великий Лейбниц в своем секретном докладе Людовику Четырнадцатому. О том же мечтал в свое время и всемогущий министр Шуазель. Тогда был даже заключен договор с мамелюкскими беями об открытии французам торгового пути в Ост-Индию. С началом революции об этих замыслах, казалось, забыли и вот теперь о Египте снова заговорили.

Спустя несколько дней решение о подготовке египетской экспедиции было принято. Так как в стране то и дело открывали роялистские заговоры, а агенты, как Бурбонов, так и англичан шныряли всюду, было решено цель похода хранить в большом секрете. Тогда же главнокомандующим еще не существующей Восточной (Египетской) армии был назначен Бонапарт.

Итак, подготовка к секретной экспедиции началась. В Тулон потянулись войска и обозы. Везли продовольствие и фураж, ядра и порох. Везли все, что только могло понадобиться солдатам в тысячах лье от Франции. По раскисшим от грязи дорогам маршировали войска. Помимо регулярных батальонов в армию были включены несколько особых отрядов «*colonnes mobiles*», укомплектованных убийцами и насильниками. Приговоренным к гильотине во Франции предложили на выбор – смерть или экспедицию в Египет, почти все выбрали последнее. Преступники не скрывали своих намерений:

– Нам главное добраться до ближайшего города, а там мы покажем, на что способны! Уж мы-то сумеем развязать языки обывателям, выбивая из них золото и камешки!

Тем временем слухи о цели французской экспедиции все множились и множились. Газеты цитировали речь директора Жана Барраса: «Мы просто обязаны увенчать столь прекрасную жизнь нашей Франции завоеванием, которое удовлетворило бы оскорбленное достоинство великой нации!»

От таких заявлений становилось не по себе. Затем вместо первоначальных известий, что французы нацелились на Гибралтар, Сицилию или Сардинию, стали говорить, что директория решила идти на помощь турецкому султану против России, чтобы помочь ему вернуть Крым и вольность Польше.

– Зачем сейчас французам Россия? – недоумевали наиболее здравомыслящие. – У них что, нет других проблем?

– Это же якобинцы! – отвечали им. – А у этих все не как у людей!

Англичане тешили себя робкой надеждой, что Париж оставит их в покое. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Вскоре с целью дезинформации Бонапарт потребовал от директории принять обратно на службу всех бывших морских офицеров, изгнанных за годы революции. В Англии опять заволновались:

– Французы готовятся высаживать десант через Канал!

Началось спешное укрепление берегов. Туда стягивались войска и свозились пушки. Боевых кораблей англичанам для выполнения одновременно всех задач уже не хватало. Пришлось идти на поклон к российскому императору Павлу Первому. Тот милостиво согласился помочь.

Командующему эскадрой на Балтике вице-адмиралу Макарову доставили императорский рескрипт: «По отношению к Нам Его Величества Короля Великобританского в требовании помощи морскими Нашими силами вследствие заключенного с Нами союзного оборонительного договора противу французов, покушающихся ныне сделать нападение на берега Его Величества Короля Великобританского, решились Мы послать эскадру Нашу, состоящую в 10 линейных кораблей, 3 фрегатов и одном катере под вашею командою в соединение с английскими флотами, в число которой повелели Мы следующей эскадре от города Архангельского под начальством вице-адмирала Е.Е. Тета иттить прямо к английским берегам для соединения с вами и быть под вашим началом».

Одновременно Павел Первый подписал указ организовать крейсерство в Балтийском море еще трех эскадр: адмирала Круза, вице-адмирала Скуратова и контр-адмирала Шешукова. В Кронштадте помимо них готовилась еще и резервная эскадра контр-адмирала Карцова.

А посол Сотен тем временем уже вешал в Генуе, что Бонапарт хочет перерезать Суэцкий перешеек, затем прорыть канал из Средиземного моря в Красное, чтобы затем переправить флот на Индию. В самом же Париже распускали слух, что десант Бонапарта будет высажен в Вест-Индии. Европа терялась в томительном ожидании, а французы, тем временем, заканчивали свои последние приготовления.

Для участия в экспедиции был собран 36-тысячный корпус. Французский военный флот состоял из 72 судов, а транспортный – из 400. Помимо французских судов в его состав было включено множество захваченных венецианских. Республика Святого Марка прекратила существование, но ее большой торговый флот сразу же обрел нового хозяина.

В самом Тулоне спешно переделывали линейные корабли под транспортные суда, складировали боеприпасы, амуницию и медикаменты.

Помимо всего прочего, с подачи Бонапарта, директория распорядилась определить в экспедицию 167 академиков – весь цвет тогдашней французской науки. Кого там только не было: математики и астрономы, натуралисты и химики, художники и архитекторы, медики и историки, геологи и механики, музыканты и даже поэты. Среди тех, кому предстояло прикоснуться к древним тайнам, были светила мировой науки: великий геометр Гаспар Монж, великий химик Клод Беролле, великий математик Жан Фурье и многие другие. Была подобрана и научная библиотека экспедиции – более 500 томов. Не жалея денег, закупалось и научное оборудование.

Во главе флота был определен чудом выживший при якобинцах вице-адмирал Брюес, храбрый и опытный. Генералитет Бонапарт подобрал из своих соратников по Италии тех, кому он лично доверял.

28 апреля в Тулон для проведения генерального смотра войскам прибыл Бонапарт. Обойдя полки, он взобрался на близлежащий холм.

– Солдаты! – обратился он к своей армии. – Я принял над вами команду, когда вы были голы и безоружны! Я обещал вам, что обогашу вас и приведу к победам! Сдержал ли я свое слово?

– Сдержал! – глухо отозвались батальоны.

– Я повел вас в Италию, где вы сверхмеры получили награды за вашу храбрость! Теперь я поведу вас в другую страну, где все вы станете еще богаче, а Отечество познает вкус новых побед. Вернувшись, каждый из вас сможет купить шесть десятин лучшей земли! Верьте мне, я и теперь сдержу свое слово!

Речь командующего была встречена неподдельным восторгом.

– Да здравствует республика! – кричали солдаты.

Уже перед самым отплытием был пущен новый слух, что экспедиция отправляется к Дарданеллам, чтобы изгнать турок из Европы в Азию. Для чего понадобилось вдруг французам изгонять турок, не мог понять никто, однако все усвоили твердо, что «якобинцы» твердо желают «огрбить области, принявшие их перемену и отнять у них все золото и серебро».

Вскоре началась посадка войск на суда, и 8 мая флот вышел в море, взяв курс мимо Генуи на Корсику.

– Наша сабля, наконец-то, удалась! – с облегчением произнес директор Баррас, получив известие об отплытии Бонапарта из Тулона.

Сам же Бонапарт поднял свой флаг на 120-пушечном линейном корабле «Ориент», где находился и командующий флотом вице-адмирал Брюес.

Стоя на четвердеке флагманского корабля, генерал вглядывался в уходящую за горизонт вереницу кораблей и транспортов.

– С такой силой мы непобедимы! – довольно заметил он, убрав от глаз зрительную трубу.

– Пока не напоремся на англичан! – сухо заметил Брюес.

На траверзе Аячо состоялась встреча с еще одним подошедшим отрядом судов. Затем потянулись однообразные дни плавания. На флагманском «Ориенте» Бонапарт коротал время в кают-компании в окружении генералов и ученых. После обеда они вели многочасовые разговоры от вопросов политических до религиозных. Об англичанах старались не думать. Душой компании был генерал-инженер Каффарелли, одаренный не только умом, но и чувством юмора. Что касается Бонапарта, то он любил слушать споры о Боге набожного математика Монжа с материалистом химиком Бертолле, принимая в большинстве случаев сторону первого.

* * *

Английские газеты тех месяцев пестрели тревожными статьями о победном марше французов по Италии, о растерзанных австрийских дивизиях, об изгнанном с престола римском папе Пие Шестом. Затем Англия вздрогнула, получив известие о том, что властолюбивый и талантливый Бонапарт публично грозит нанести удар Англии там, где она его меньше всего ожидает. Это не сулило для Туманного Альбиона ничего хорошего. И точно! Вскоре стало известно о большом флоте, энергично вооружаемом в Тулоне. Лазутчики доносили об отборном корпусе, который уже сосредоточен в лагерях под Тулоном. Говорили, что и сам Бонапарт объезжает южные порты Франции, усиленно занимаясь военными приготовлениями. Было совершенно ясно, что настоящая битва за Средиземное море еще впереди. Французы явно что-то затевали в южных водах, но что именно и где? Необходимо было срочно усилить военно-морские силы в Средиземноморских пределах. Желавших возглавить вновь формируемую эскадру было хоть отбавляй. Седые и заслуженные флотоводцы буквально толпились в коридорах адмиралтейства в надежде на столь престижный и ответственный пост. Командующий Средиземноморским флотом адмирал Джервис требовал назначить на эту должность своего любимца контр-адмирала Нельсона. В кампанию обсуждения кандидатур включилась и пресса. Решение журналистов было однозначным: новую эскадру должен возглавить Нельсон – однорукий герой недавней победы над испанцами при мысе Сент-Винсенто.

Джон Джервис, 1-й граф Сент-Винсент

Так как отказать герою в сложной политической ситуации было нельзя, Нельсон вскоре и получил назначение одним из младших флагманов на флот адмирала Джервиса (ставшего после одержанной победы графом Сент-Винсентом). Его флот должен был осуществлять блокаду Кадиса и крейсировать по Средиземному морю.

Назначению предшествовала долгая беседа первого лорда Спенсера со своим помощником лордом Минто о политической обстановке. Поводом к разговору послужила статья «Таймс», где говорилось о непонятных военных приготовлениях французов в Тулоне.

– Французы, кажется, замышляют что-то весьма серьезное! – озабоченно поделился своими соображениями первый лорд адмиралтейства. – А потому нам сейчас следует как можно быстрее усилить флот Джервиса, чтобы он мог быть готовым к любому повороту событий! Туда мы сейчас будем отправлять лучшие корабли и лучших офицеров!

– Именно туда следует отправить и нашего общего знакомого сэра Нельсона! – затянувшись трубкой, кивнул лорд Минто. – Героя Сент-Винсента и Тенерифа!

Лорд Спенсер неопределенно мотнул плечами. Поняв этот жест, как неуверенность, лорд Минто вынул трубку изо рта:

– Он так хорошо знает Средиземное море, как вы, ваша светлость, знает комнату, в которой мы сейчас сидим!

– Да, я знаю Нельсона только с лучшей стороны! – кивнул наконец первый лорд. – Но сможет ли он драться без глаза и без руки?

– Не волнуйтесь, ваша светлость! – снова затянулся трубкой лорд Минто. – Он уже почти здоров и прямо-таки рвется в бой! Кому, как не ему, разобраться с Тулонской интригой!

– Что ж, – немного поразмыслив, согласился лорд Спенсер. – Я согласен!

На следующий день в кабинете лорда Спенсера был уже и сам Нельсон. Первый лорд объяснил контр-адмиралу все тонкости его назначения. Затем выразил надежду, что граф Сент-Винсент использует Нельсона именно так, как планирует адмиралтейство. После этого первый лорд перешел уже непосредственно к разъяснению задачи.

Лорд Гилберт Минто

– Самое главное – это слежение за каждым шагом тулонцев. Ни один из них не должен выскользнуть в море незамеченным! Вы должны знать о каждом их шаге и немедленно принимать ответные меры! Кораблей у вас, конечно, меньше, чем у французов, но ведь на них английские команды, – разъяснил Нельсону суть его задачи Спенсер.

– Я вас понял, сэр! – вскинул голову Нельсон. – На меня вы можете полностью положиться!

– Я и не сомневаюсь! – кивнул первый лорд.

Буквально на следующий день первый лорд был приглашен премьер-министром. Вильям Питт-младший был озабочен.

– Сведения из Тулона с каждым днем все тревожнее! – начал он разговор, сухо поздоровавшись со Спенсером. – Кроме этого мы не можем рассчитывать на создание сильной анти-французской коалиции, пока не восстановим полностью нашу репутацию на морях! Нужна генеральная победа над французским флотом!

– Я уже отдал соответствующие указания графу Сент-Винсенту! – кивнул головой Спенсер. – Думаю, что возвращение нашего флота в Средиземное море явится тем фактором, от которого будет зависеть судьба Европы!

– Усилили ли вы графа кем-нибудь из опытных высших офицеров? – спросил премьер-министр.

– Да, сэръ! Только вчера я подписал указ о назначении в его распоряжение контр-адмирала Нельсона.

Вильям Питт немного помолчал:

– Я не являюсь поклонником этого безрукого безумца, но в данном случае считаю его кандидатуру вполне уместной! Надеюсь, выбор окажется удачным!

Горацио Нельсон

В те дни по Лондону ходила злая шутка, что лорд Спенсер не смог найти лучшего наблюдателя и ловца французов, чем одноглазого и безрукого Нельсона. Особенно много спорили и обсуждали новое назначение в портовых трактирах, где собирался люд, морское дело знающий и обо всем свое собственное суждение имеющий.

– Видно совсем уж плохи наши дела, коли таких убогих в море посылать начали! Куда уже дальше! – говорили одни, далеко не первую кружку пива в себя пропуская.

– Для адмирала убогость не главное! – отмахивались другие, только что заказавшие себе по первой.

– А что же тогда главное, коль слепой да однорукый?

– А чтобы удача была. Будет удача, тогда и глаз с рукой ни к чему! Все само придет!

– Ну, а если ли у вашего Нельсона удача? – не унимались заядлые спорщики.

– А кто ж его знает, поживем – увидим! – приходили к общему выводу те и другие и, громко сдув пузырящуюся пену, припадали к вожделенному ячменному напитку.

На вооружение корабля, вербовку команды, загрузку припасов ушло еще пара месяцев, и только в апреле 1798 года Нельсон смог оставить за кормой Спитхедский рейд. Его синий контр-адмиральский флаг трепетал на бизань-мачте «Вэнгарда».

Прощание Нельсона с женой было грустным и трогательным. Последнее ранение Горацио и забота о нем Фанни очень их сблизили.

Прощаясь с женой, Нельсон нежно ее обнял:

– Дорогая, как ты знаешь, мое честолюбие уже удовлетворено и теперь мне хотелось бы только возвысить тебя до того положения, которого ты достойна! Именно поэтому я хочу прославиться в грядущих битвах, заслужить титул пэра Англии, который бы обеспечил тебе прочное положение!

– Ах, мой милый Горацио, как ты добр ко мне! – только и всплакнула преданная Фанни.

74-пушечный «Вэнгард» покидал Портсмут. Впереди его ждали нелегкие боевые будни, шторма и блистательная победа.

* * *

Переход в Средиземное море прошел вполне успешно. У Кадиса «Вэнгард», под салютационные залпы верхних деков, присоединился к флоту, и Нельсон поступил под начало графа Сент-Винсента.

Адмирал Джервис встретил своего старого соратника радушно.

– Обстановка не располагает к безделью! – сразу же пред-упредил он младшего флагмана. – Только что я получил донесение консула из Ливорно. Французы собрали до четырех сотен вымпелов в портах Прованса и Италии. Готов к выходу и весь военный флот и 40-тысячная армия. Куда двинет Париж эту армаду, нам неизвестно: может, в Португалию или Ирландию, возможно, к Сицилии или в Мальту, а может, даже в Египет!

– Какова вероятность последнего пункта? – спросил Нельсон.

Сент-Винсент пожал плечами:

– Маловероятно! Зачем французам лезть в Африку, когда у них еще полно дел в Европе, впрочем, если Директория решила низвергнуть нас из Индии, то тогда она готова будет пожертвовать и половиной своей армии!

– Чем мне предстоит командовать?

– У Кадиса тебе пока делать нечего. Я справлюсь здесь и сам. Возьмешь для начала три линейных корабля и несколько мелких судов! Отправишься к южным французским портам и попробуешь на месте разобраться в ситуации. Держи меня постоянно в курсе дел. Когда потребуется, я немедленно вышлю к Тулону еще десять линейных кораблей!

– Кто будет ими командовать? – сразу насторожился Нельсон.

Сент-Винсент ухмыльнулся. Нельсон явно не желал идти в подчинение к кому бы то ни было, кроме главнокомандующего. Но дело в том, что на флоте, блокировавшим Кадис, были еще два младших флагмана, причем оба значительно старше Нельсона выслугой: контр-адмирал красного флага Уильям Паркер и контр-адмирал белого флага Джон Орд. При этом оба имели безупречные послужные списки. Нельсон же со своим третьеклассным синим флагом

был самым младшим, а значит, имел наименьшее количество прав на самостоятельное командование.

– Отдельной эскадрой будешь командовать ты! – стукнул кулаком по столу Сент-Винсент. – В критические для страны моменты я должен верить передовую эскадру не старейшему, а достойнейшему!

С остальным же разберемся после, сейчас же важен результат! А я в тебя верю!

– Сэр! – порывисто вскочил Нельсон со своего стула. – Я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие! Когда начинать движение?

– Только что мы перехватили французский бриг из Тулона. Матросы проболтались, что туда прибыл известный генерал Бонапарт. Он якобы назначен командовать экспедицией. На рейд уже выведены и вооружены пятнадцать линейных кораблей под флагом адмирала Брюэ. Войска также готовы к посадке на транспорты. Не сегодня, завтра экспедиция будет начата, а потому вам, Горацио, следует спешить к Тулону немедленно!

Остановившая свой выбор именно на кандидатуре Нельсона, умный Сент-Винсент предварительно посоветовался в письме с первым лордом, предлагая ему разделить ответственность за назначение самого младшего из флагманов на столь ответственный пост. Лорд Спенсер намек понял.

«Если вы полны решимости послать эскадру в Средиземное море, – написал в ответ первый лорд, – я думаю, что нет нужды давать вам советы о целесообразности поручить командование ею сэру Горацио Нельсону, чье знание этой части мира, равно как и его активность, и характер, кажется, делают его особенно подходящим для выполнения данной задачи».

Как и предвидел Сент-Винсент, его откровенное протезирование самому младшему из флагманов обернулось серьезным скандалом. Обиженные Паркер и Орд немедленно написали возмущенные протесты на действия своего главнокомандующего в адмиралтейство. Узнав об этом, разъяренный Сент-Винсент велел обоим немедленно спустить свои флаги и убраться в Англию.

– Мне не нужны клязники! Мне нужны боевые офицеры! – бросил обоим контр-адмиралам на прощание.

Но и на этом дело не кончилось. В Англии оба обиженных развернули большую кампанию против наглого попрания всех флотских правил и традиций вероломным Сент-Винсентом и его любимчиком Нельсоном. В скандал должен был вмешаться первый лорд. После этого Уильям Паркер несколько поутих, но его коллега Джон Орд только еще больше вошел в раж. Он продолжал шумно протестовать против нанесенных ему незаслуженных обид, налево и направо давал обличительные интервью газетчикам. Когда позднее Сент-Винсент вернулся в Англию, Орд немедленно вызвал его на дуэль. Главнокомандующий принял вызов своего бывшего подчиненного. Чтобы предотвратить адмиральское смертоубийство, должен был вмешаться сам король. Орда подвергли домашнему аресту, а Сент-Винсенту велели некоторое время не покидать своего дома.

И все же граф Сент-Винсент ни разу впоследствии не усомнился в правильности своего выбора. Он был непоколебим: эскадрой, отправленной в Средиземное море, мог командовать только Нельсон!

* * *

А в это время эскадра Нельсона на всех парусах уже мчалась на перехват французского флота. В ее состав входили 74-пушечные линейные корабли: «Вэнгард» Эдвара Берри, «Орион» Джеймса Сомареца и «Александр» Джона Белла. Помимо этого, имелось еще четыре легких фрегата и бриг для ведения разведки.

В целях сохранения тайны корабли Нельсона отделились от основного флота глубокой ночью. Вскоре они уже миновали Гибралтар. Затем сразу повернули на норд-ост к южным берегам Франции. Здесь англичанам не повезло. На них обрушился жесточайший шторм. Поменявшийся норд-вестовый ветер отнес корабли Нельсона от французского побережья и разбросал по морю. «Вэнгард» потерял в битве со стихией фок-мачту и две стены. Ни мастерство флаг-капитана Берри, ни опыт самого Нельсона, сутками не сходившего с четвердека, не могли исправить ситуации.

HMS Agamemnon HMS Captain Контр-адмирал сэр Эдвард Берри

– Это не случайный шторм, а небесная кара за мою непомерную гордыню! – признался в минуту отчаяния Берри одорукий контр-адмирал.

Ветрами флагманский корабль отнесло к Сардинии. «Александр» под командой храброго капитана Белла успел взять своего флагмана на буксир, перед тем как того едва не выбросило на скалы. Некогда Нельсон познакомился с Беллом во Франции, куда ездил изучать язык.

Тогда Белл Нельсону почему-то не понравился. Не был он в восторге и от назначения Белла в свой отряд. Зато отныне контр-адмирал сразу же объявил Белла своим лучшим другом.

Повреждения «Вэнгарда» были столь велики, что требовали трехмесячного докового ремонта. Но этого Нельсон позволить не мог. Обстановка требовала иного решения, и он приказывает чиниться прямо на переходе. Что-что, а мобилизовать команду Нельсон всегда умел. К счастью, на корабле оказался некто Джеймс Моррисон – лучший плотник всего королевского флота, под началом которого матросы за каких-то четыре дня поставили стены и соорудили временную фок-мачту. Теперь «Вэнгард» был вполне способен выполнять свои задачи.

Но на этом испытания Нельсона не закончились. Прибыв в условленное место randevу, он не обнаружил там ни одного из своих фрегатов. Как оказалось, их капитаны, видя бедственное положение уносимого к Сардинии «Вэнгарда», не сомневались, что тот будет вынужден идти для ремонта в Гибралтар, а потому направились туда. Нельсон рвал и метал. Фрегаты – это глаза и уши любой эскадры. Теперь же он остался без таковых, причем в самый ответственный момент!

Пока контр-адмирал собирал свои потрепанные корабли в точке условленного randevу и пока они затем добрались до Тулона, там было уже пусто. Огромный транспортный флот Бонапарта с десантным корпусом на борту и в сопровождении военного флота скрылся в неизвестном направлении.

Как оказалось, впоследствии, противники прошли буквально в паре миль друг от друга, но взаимному обнаружению помешал сильный туман и отсутствие у Нельсона разведывательных судов. Пока удача была полностью на стороне Бонапарта.

Немедленно преследовать ускользнувшего противника Нельсон не мог. Корабли все еще нуждались в ремонте. Разбитую волнами обшивку также латали прямо в открытом море. Это было чрезвычайно трудно, но иного выхода не было. Кроме этого Нельсон поджидал обещанный ему резервный отряд от адмирала Джервиса.

25 мая, когда отряд Нельсона был на широте Корсики, его настиг бриг «Мутайн» капитана Томаса Гарди. Прибыв на борт «Вэнгарда», Гарди бойко доложил:

– За мной следуют одиннадцать кораблей под брейд-вымпелом капитана Трубриджа!

– Отлично! – обрадовался контр-адмирал. – Теперь наступает время самых активных действий!

Вскоре на горизонте показались и паруса эскадры Трубриджа.

Прибыв на «Вэнгард», Трубридж вручил контр-адмиралу пакет. Нельсон разорвал сургучные печати. Приказ графа Сент-Винсента был предельно выразителен и краток: «Уничтожить!»

– Их сиятельство приказал искать и топить неприятеля всюду, куда бы он ни направился, вплоть до Черного моря! – дополнил содержание послания на словах Трубридж.

Присланное Нельсону пополнение было настолько мощным, что позволяло теперь схватиться со всем французским флотом. Однако среди присланных ему судов тоже не было ни одного фрегата. А значит, контр-адмирал по-прежнему оставался слеп и в поисках французов, и мог надеяться только на свои умозаключения, да еще на везение. Необходимо отметить и то, что английская эскадра не имела на всем Средиземноморье ни одной базы. Одновременно с поиском французов Нельсону надо было провести переговоры с дружественными Англии Королевством Обеих Сицилий и Тосканским герцогством. Время не ждало. Дорога была каждая минута.

Пока корабли выбирали якоря и ставили паруса, Нельсон написал короткую записку своему главнокомандующему: «Даже если он (Бонапарт. – В.Ш.) направится к Антиподам, вы можете быть уверены, Ваша Светлость, что я не упущу возможности навязать ему бой».

Одновременно Нельсон пишет письмо в Неаполь тамошнему английскому послу Гамильтону. Письмо официальное и деловое. Нельсон напоминал послу об их былом знакомстве и

просил помощи в деле установления местонахождения французского флота. Несколько лет назад, будучи командиром корабля, Нельсон познакомился как с послом, так и с его очаровательной женой. Недавно посол с женой сами напомнили о себе письмом Нельсону.

Что любопытного в письмах четы Гамильтон? Сам посол, и это совершенно очевидно, торопится возобновить дружеские отношения с новым командующим эскадрой, которого некогда знал еще рядовым капитаном. Гамильтон намекает на старое знакомство, напоминает об обязанности Нельсона по отношению к защите Королевства Обеих Сицилий. Помимо всего прочего, помня, какое впечатление на молодого, не слишком искушенного в любви Нельсона произвела его красавица жена, скромно передает от нее неформальный привет.

Как раз в эти дни в Неаполь зашел пополнить запасы воды фрегат «Бон Ситоен», где служил пасынок Нельсона Джосаи Нисбет. Фрегат искал эскадру Нельсона. На правах старого знакомого Джосаи посещает Гамильтонов, и те передают ему новое послание для контр-адмирала.

Обстановка в Неаполе к этому времени была крайне напряженная. Париж демонстративно назначил своим послом в Королевство Обеих Сицилий одного из членов суда над Людовиком Шестнадцатым и его женой Марией-Антуанеттой. И теперь королеве Марии-Каролине приходилось улыбаться на приемах убийце своей родной сестры. А из Северной Италии к Неаполю уже двигались победоносные французские войска, и их приход тоже не сулил королевству ничего хорошего. Вся надежда была только на английский флот, но он где-то гонялся за флотом французским. Надежд на благополучный исход оставалось с каждым днем все меньше и меньше.

Неожиданно для Нельсона он получает письмо от жены посла Эммы. В письме та умоляет адмирала одержать победу, откровенно намекая, что готова в этом случае стать его любовницей.

Играющий в свою игру Гамильтон прилагает к письму жены свое: «Нам ничего другого не остается, как горячо молить Бога за ваши успехи, а Эмма, с тех пор как вы появились в нашей гавани, носит ленту, на которой вышито: “Да поможет Нельсону Бог”».

Эмма Гамильтон

Последнее утверждение – явная и откровенная ложь. С какой стати жене посла носить в течение пяти лет ленту, посвященную какому-то рядовому капитану, которого она толком-то и узнать не успела? Однако ситуация настолько тревожна, что Гамильтон врет напрапалу, лишь бы вызвать у Нельсона положительные воспоминания о пребывании в своем доме и о своей жене.

* * *

Еще надеясь настигнуть французский флот, Нельсон разделил свою эскадру на три колонны. Первую из них составили: флагманский «Вэнгард», «Минотавр», «Леандр», «Одасъез» и «Дефенс». Вторую: «Зилеос» (брейд-вымпел капитана Гуда), «Орион», «Голиаф», «Меджестик» и «Беллерофонт». Эти две колонны должны были атаковать боевые корабли

и связать их боем. Третья же колонна: «Куллоден» (брейд-вымпел капитана Трубриджа), «Тезей», «Александр» и «Свифтшур», должна была в это время уничтожить транспорта с войсками.

Однако пока у Нельсона ничего не получалось. Куда бы ни направляли форштевни своих кораблей англичане, море по-прежнему оставалось пустынным.

– Я прекрасно понимаю, что репутации многих больших особ приколоты гвоздями к верхушкам моих мачт, но что поделать, если детям дьявола дьявольски везет! – невесело иронизировал Нельсон в те дни.

Нервничал и граф Сент-Винсент, нервничал и лорд Спенсер, не находил себе места и премьер-министр Вильям Питт. Чувство тревожного ожидания витало над всей Англией.

В отчаянных попытках разыскать хоть какие-то следы французской армады Нельсон завернул к Неаполю. На берег он там не сходил и никакими записками с Гамильтонами не обменивался. Было не до того. На берег съехал лишь капитан Трубридж. К послу у него было лишь три вопроса:

– Где находится флот Бонапарта? Предоставит ли неаполитанский король свои фрегаты во временное распоряжение Нельсону? Могут ли британские корабли заходить в неаполитанские порты?

На эти вопросы был получен более чем лаконичный ответ:

– Не знаю. Нет. Нет.

Политическая ситуация в Средиземноморье менялась явно не в сторону Англии, и неаполитанский двор быстро в том сориентировался. Чтобы хоть как-то умиловить разъяренного Нельсона, ему неофициально было сообщено, что король Фердинанд не будет возражать, если корабли английского флота будут заходить в его порты, но только по одному, на короткое время и тайно.

Король Неаполя Фердинанд IV

– Впрочем, по Неаполю ходят непроверенные слухи, что французы отправились на захват Мальты! – завершил свой доклад Трубридж.

– Спасибо хоть на этом! – кивнул ему контр-адмирал. – Поднимаем якоря! Курс на Мальту!

Чтобы не дать магистру мальтийского ордена застать себя врасплох, Нельсон с самым быстрым кораблем посылает ему письмо, в котором предупреждает о грозящей опасности и советует, как можно скорее выслать навстречу ему весь свой флот, до последних фелюк включительно, чтобы, объединившись, разгромить французский флот.

Намерения Нельсона были правильными, но, увы, запоздалыми. Тем временем 27 мая французская армада приблизилась к Сицилии, приведя в трепет все тамошнее население. Обыватели начали вооружаться, готовясь к защите своего острова. Однако Бонапарт послал на берег своего адъютанта поляка Сулковского.

– Я уполномочен сообщить вам, что наш флот приблизился к сицилийским берегам исключительно по причине противных ветров! – заявил он местному губернатору. – А потому никаких неприятельских намерений мы не имеем!

– Куда же, если не секрет, вы направляетесь? – с невинной улыбкой поинтересовался итальянец.

– В том-то и дело, что секрет! – усмехнулся Сулковский. – Однако ждать уже осталось не долго, и вы непременно все узнаете!

Спустя несколько дней, к всеобщему облегчению сицилийцев, французский флот действительно исчез с горизонта.

– Передайте в Неаполь королю, что французы удалились на зюйд-ост, а о намерениях их мы ничего не знаем! – велел губернатор.

Глава четвертая Падение Мальты

Тем временем французский флот подошел к острову Мальта, вот уже более двухсот лет принадлежавшему ордену рыцарей-госпитальеров. Некогда госпитальерам принадлежал Родос, но потом они вынуждены были перебраться на более западную Мальту. Все века госпитальеры были самыми непримиримыми врагами мусульман на Средиземном море и по праву гордились своими победами над турками и алжирцами.

Ла-Валетта – столица ордена мальтийских рыцарей (названная в честь знаменитого великого магистра XVII века) славилась своими бастионами на всю Европу. Укрепления Ла-Валетты начали возводить еще в XVI веке и все время достаивалась и укреплялась. На всем Средиземноморье с ней могли сравниться только цитадели Корфу. Гарнизон цитадели: 3 тысяч солдат да 10 тысяч ополченцев. Штурмовать Ла-Валетту дело безнадежное. В XVI веке под ее стенами турки целую армию положили, но так с позором и ушли. Великим магистром ордена госпитальеров в ту пору был барон Фердинанд Гомпеш, уроженец Дюссельдорфа, первый немец в таком сане. До своего избрания великим магистром он был послом австрийской империи на Мальте. Особым авторитетом магистр не пользовался, так как слыл человеком нерешительным и посредственным. Всем в ордене верховодило французское лобби.

Мальта была слишком лакомым кусочком, чтобы ведущие державы не обращали на нее внимания. Сам орден, давно переживший свое время, никакого интереса не представлял. Кому нужны несколько сотен чванливых дармоедов? Но стратегическое значение острова, контролирующего все Средиземноморье, заставляло относиться к рыцарям с должным почтением. Когда революция лишила французских рыцарей их владений, то Англия немедленно предложила им свою протекцию, а Россия деньги. Рыцари не отказались ни от того, ни от другого. Не сидели сложа руки и австрийцы, тоже бывшие не прочь прибрать остров к своим рукам. К венскому двору склонялся, прежде всего, сам Гомпеш.

Остров Мальта

Решение о захвате Мальты Бонапарт вынашивал уже давно и деятельно к этому готовился. Он заранее наводнил Мальту своими шпионами, которые не столько собрали нужные ему сведения, сколько склоняли рыцарей на союз с их родиной. Одних госпитальеров уговаривали, взывая к голосу крови, других к золотому звону. Еще осенью 1797 года на острове появились агенты Бонапарта француз Пусьельгэ и мальтиец Винченцо Барабара. При содействии французского консула Карюсона они тайно обследовали укрепления Валлетты и состояние гарнизона. Вскоре их отчет уже внимательно читал Бонапарт.

Уговаривая членов директории на захват Мальты, Бонапарт был убедителен:

– Остров имеет решающее значение на все Средиземное море. Взяв его, мы разу станем властвовать над всеми торговыми путями, и англичанам придется потесниться. Но и это не все! Католический мир и клир оскорблен тем, что орден нашел себе покровителя в лице русского царя! Переметнувшись к схизматику Павлу, госпитальеры предали идеалы и должны быть за отступничество наказаны! Впрочем, орден давно пережил себя и Мальте давно следовало бы принадлежать Франции!

– Мы убеждены и согласны на отмщение! – кивали головами члены директории.

Дело в том, что еще со времен революции рыцари-госпитальеры предоставляли убежище всем желающим аристократам-эмигрантам. Мало того, они демонстративно давали им самые высокие должности! В отместку революционеры конфисковали все владения ордена во Франции. В ответ на это Мальтийский орден подтвердил все привилегии французских дворян. Кроме этого орден объявил, что готов сдать остров стране, которая воюет с Францией. О какой именно стране идет речь, рыцари не пояснили, вое-вали же тогда с Францией сразу три дер-

жавы: Англия, Австрия и Россия. Однако в любом случае вызов Парижу был уже слишком дерзким, чтобы на него можно было закрыть глаза. Сразу Париж ответить Мальте не смог, было не до этого. Но вот теперь, наконец, час расплаты настал. Поэтому директория с радостью подписала указ о захвате острова и уничтожении госпитальеров.

* * *

Бонапарт внимательно рассматривал в зрительную трубу форты неприступной Ла-Валетты. Затем послал адъютанта Сулковского к великому магистру, с просьбой впустить в гавань французский флот для пополнения запасов воды. Уловка была столь прозрачна, что на нее не клюнул даже Гампеш. Вместо этого магистр собрал совет. Рыцари (всего их было 332) решали, что им делать – сдаваться или драться? Одни утверждали, что, имея сильный гарнизон, большие запасы продовольствия и боеприпасов, крепость может выдержать трехлетнюю осаду. Иные взывали к сдаче, памятуя, что орден Святого Иоанна Иерусалимского был призван воевать с мусульманами, но никак не с соотечественниками-христианами. В довершение всего влиятельный командор Буаредон де Рансюэ объявил, что отказывается поднимать оружие против Франции. Командора и еще нескольких согласных с ним рыцарей тут же отправили в тюрьму.

Из хроники осады: «10 июня Доломье, который находился на борту одного из французских кораблей в группе ученых, сопровождавших Бонапарта в египетской экспедиции, передал своему другу, командору овернского языка Жану де Басредону-Рансижа, письмо, содержащее весьма великодушные условия капитуляции. Басредон передал их Гомпешу, добавив, что “отказывается воевать с оружием в руках против своей родины”. По приказу Гомпеша он был немедленно арестован и посажен в тюрьму. Однако по примеру Басредона ряд французских рыцарей отказались стрелять в своих соотечественников... В этот момент, по свидетельству очевидцев, Гомпеш полностью потерял волю к сопротивлению. А между тем, оказавшись он более решительным полководцем и организатором, французам пришлось бы нелегко!»

Большинством голосов рыцари решили все же защищаться. Торговый представитель Каруссон передал Бонапарту волю совета – рыцари разрешили войти в гавань лишь четырем судам.

Бонапарт деланно рассердился:

– Я возмущен отказом рыцарей дать нам воды. А потому мы возьмем силой то, что должны были получить по закону гостеприимства!

Французские корабли подошли ближе к крепости, в открытые порты выглянули жерла пушек. А утром следующего дня начался штурм. Пока корабли обстреливали Ла-Валетту, сам Бонапарт с тремя тысячами солдат тем временем беспрепятственно высадился между городом и бухтой Святого Павла. С фортов некоторое время отстреливались, затем рыцари предприняли смелую вылазку, которая, впрочем, была легко отбита. На этом боевой пыл госпитальеров иссяк. Потери ордена составили три убитых и шестеро раненых, среди которых не было ни одного кавалера, а лишь слуги.

Историк пишет: «Орден располагал всего лишь 200 французскими рыцарями, 90 итальянскими, 25 испанскими, 8 португальскими, 5 баварскими, 4 германскими. Едва ли не четвертая часть их состояла из больных и стариков, не способных носить оружие. К бойницам были выкачаны пушки, которые не использовались более века. Порох отсырел, опытных канониров не хватало. Солдаты городского ополчения выполняли приказы без энтузиазма, сама мысль о предстоящем сражении против французской армии, считавшейся лучшей в Европе, казалась им неприемлемой». Однако спрашивается, кто виноват во всей этой ситуации, как не сами обленившиеся и разжиревшие на дармовых хлебах рыцари? Уже за две сотни лет к обороне подготовиться было можно!

Впоследствии Бонапарт писал в своих мемуарах: «Мальта не могла бы выдержать 24-часовой бомбардировки; остров, несомненно, обладал громадными физическими средствами к сопротивлению, но был абсолютно лишен моральной силы. Рыцари не сделали ничего постыдного; никто не обязан добиваться невозможного».

Только шестнадцать рыцарей оказались верны традициям ла Валетта. Когда ополченцы покинули позиции, кавалер де Ля Тур де Пенем лично подносил порох к пушкам на стенах Валлетты. Кавалер де Лорас организовал ту самую единственную контратаку французских войск. А кавалер Томмази пытался удержать позиции, возглавляя отряд из трех десятков рыцарей. Пример храбрости показал и 80-летний бальи де Тинье. Неспособный двигаться без посторонней помощи, он приказал вынести себя на носилках на оборонительную стену.

– Во время битвы каждый рыцарь должен быть на поле боя! – заявил старец, когда в руки ему вложили не менее старый меч.

Но эти единичные примеры храбрости уже не могли ничего изменить.

В городе к тому времени уже началась паника. Взбунтовавшаяся чернь растерзала четырех рыцарей, пытавшихся было навести порядок. «Из-за каждой двери можно было услышать, – писал современник, – плач женщин, проклинающих и французов, и великого магистра». Не переставая, звонили колокола. Наконец огромная рыдающая толпа устремилась к дворцу великих магистров. На носилках жители несли статую заступника острова апостола Павла. А вечером во дворце появилась депутация от местного дворянства.

– Мы не понимаем, почему должны сражаться против христианской державы, с которой мы никогда не ссорились! – объявили мальтийские дворяне.

– Если бы я был великим магистром, я бы повесил этих негодяев немедленно! Схватился за меч бальи Каравальи, из итальянцев.

– Вешают грабителей и убийц. Депутатов нации, которая может все потерять и ничего не приобретет в войне, следует выслушать», – был ответ Гомпеша, из немцев.

– Депутаты говорят истину, и мы не имеем права драться с единоверцами! – подали голос сразу несколько членов капитула из французов.

Утром следующего дня мальтийцы начали скопом покидать боевые позиции. В начавшейся неразберихе был ранен российский поверенный в делах ордена шевалье О'Хара. Вскоре побросали мечи и рыцари. На этом оборона одной из неприступных крепостей Европы закончилась.

Пару часов спустя французский эмигрант Милан уже поднялся на борт «Ориента» с посланием магистра Бонапарту и частным письмом к Доломье. В письме секретарь магистра кавалер Миари умолял его помочь ордену, используя свое влияние. Бонапарт вскрыл оба письма собственноручно. А прочитав, поручил Доломье вместе с бригадиром Жюно и агентом Пусьельгэ провести переговоры о перемирии:

– Будьте решительней и как можно жестче с этими трусами! Дело уже сделано и остались лишь некоторые формальности!

И вскоре над легендарными фортами Сент-Эльмо и Рикасолли были подняты белые флаги.

Соглашение о перемирии Бонапарт велел подписывать на борту «Ориента». Пока кавалеры добирались до флагманского корабля, их сильно укачало. Посланцев так отчаянно тошнило, что Бонапарт к ним даже не вышел.

– Зачем мне смотреть на мальтийскую блевотину, когда я тут и французской насмотрелся! – скривился он, узнав, в каком состоянии прибыли переговорщики.

Акт о капитуляции он подписал не глядя, прямо в постели. При этом Бонапарт подписал акт капитуляции как генерал-аншеф... Индийской армии. И прилепнул особую печать: с изображением пирамиды с пальмовым деревом.

– Рыцари выставили много оговорок! – осторожно заметил ему бывший тут же начальник штаба армии Бертье.

– Это не имеет для меня никакого значения! – отмахнулся Бонапарт. – В случае необходимости мы отменим все оговорки несколькими залпами!

В ту ночь безутешный барон Гомпеш оставил потомкам скорбную запись: «Удивительно и прискорбно, что столь славная мальтийская крепость под защитой кавалеров должна была сдаться в 24 часа».

На следующий день над Ла-Валеттой подняли трехцветный французский флаг. Победителям достались фантастические трофеи: 1200 пушек, 40 тысяч ружей, 500 тысяч фунтов пороха, два линейных корабля, фрегат, галеры и большое количество корабельного леса.

По условиям капитуляции Гомпеш получил 30 тысяч гульденов годовой пенсии и княжество в Германии, а каждый из кавалеров по 35 луидоров. Всем рыцарям было разрешено выехать, куда они хотят. Впрочем, директория впоследствии не утвердит выдачу луидоров кавалерам, и те останутся без ничего. К сдавшимся без боя рыцарям, французские офицеры отнеслись с нескрываемым презрением. Всю жизнь готовиться к подвигу и в конце концов струсить! Такое же отношение ждало бывших госпитальеров и в Европе, где вчерашних рыцарей перестали пускать в приличные дома.

Помимо важнейшего стратегического пункта Бонапарту досталось почти 1,5 тысячи пушек, 40 тысяч ружей, 500 тысяч фунтов пороха. Пополнился и французский флот. В порту были захвачены два линейных корабля, фрегат и несколько галер.

– Я смел взять, и я взял! – с гордостью говорил Бонапарт, осматривая неприступные бастионы.

На что начальник штаба армии Бертье, усмехнувшись, заметил:

– Нам просто повезло, что мы нашли того, кто открыл ворота этой крепости!

Подумав, Бонапарт решил остаться благодарным к главному изменнику орденового дела – великому магистру Гомпешу. Ему было обещано командорство в Германии и 300 тысяч франков ежегодной пенсии. Однако лично встретится с предателем генерал так и не пожелал.

Сам Гомпеш, покидая остров, прихватил из собора Ла-Валетты три христианские святыни: кусок дерева от креста, на котором был распят Иисус Христос, мощи правой руки Иоанна Крестителя и чудотворную икону Богородицы Палермо, а также орденовые печать, корону и «кинжал верности». На австрийском судне он прибыл в Триест, откуда разослал депеши, оповещая великих приоров о постигшем госпитальеров несчастье. Затем бывший магистр перебрался в Рим, где и затаился, проживая французские деньги.

* * *

В течение последующих нескольких дней Бонапарт полностью перекроил жизнь острова. Первым делом он разогнал сам орден, изъяв все его ценности. На острове были отменены титулы, рыцарские гербы сбили с фронтонов зданий. Из тюрем были освобождены и отправлены восвояси более двух тысяч невольников-мусульман, в основном разбойников и пиратов. Мальтийцы поначалу радовались нововведениям французов. Кому неприятно, когда унижают твоих вчерашних угнетателей! Но скоро их восторги поубавились. Французы разогнали большинство священников, закрыли большую часть церквей. Все улицы, носящие имена чтимых на острове святых, были переименованы в улицы Братства, Свободы и Равенства. Никак не могли взять в толк местные крестьяне и то, почему им отныне запрещено праздновать дни памяти апостолов Петра и Павла, а велено веселиться в день взятия какой-то неведомой Бастилии, которую наивные мальтийцы почему-то считали французской Богородицей.

В общем, на Мальте произошло то же самое, что ранее и на Корфу. Едва французы заняли остров, как там начался вселенский грабеж. Тащили все, что попадало под руку, одних только

книг вывезли во Францию более миллиона. Прежде всего, обчищен был дворец магистров, потом церкви.

– Истинные христиане должны быть бедны как Христос! – назидательно говорили гренадеры, выкидывая иконы из золотых окладов.

Но особенно поживились французы в соборе Святого Иоанна, где были собраны все драгоценности, накопленные за восемь веков существования ордена. Казначей Бонапарта оценили их в 27 239 520 мальтийских лир. Сумма по тем временам просто фантастическая! Судьба этого богатства до сих пор в точности неизвестна. Придет время, и мы еще вспомним о нем...

Часть рыцарей сразу же поступили офицерами во французский флот. Еще с полсотни кавалеров записались в армию, образовав особый Мальтийский легион. Остальные были изгнаны на материк. Орден в третий раз за свою историю оказался «бездомным».

3 июня в честь бескровной победы были организованы торжества с выпивкой и салютом. Затем французы начали подготовку к дальнейшему походу. Надо было поторапливаться, так как пришло известие о появлении в Средиземном море эскадры Нельсона. Не дожидаясь отплытия главных сил, генерал Бонапарт распорядился выслать вперед отряд фрегатов, чтобы захватывать все попадающиеся на пути английские, турецкие и российские торговые суда для сохранения в тайне маршрута плавания. Одновременно был обнародован манифест, запрещающий под страхом смерти всем грекам с бывших венецианских островов вести переписку с Россией.

Вечером в каюте «Ориента» Брюес откровенно беседовал за фужером вина со своим бывшим сослуживцем рыцарем командором Буаредоном де Рансюэ.

– Мы имеем перед Нельсоном выигрыш по времени всего в две недели!

– Как ты оцениваешь свои шансы в бою с англичанами? – спросил командор.

В ответ вице-адмирал махнул рукой:

– Шансов у нас нет никаких. Мои офицеры храбры, но мало кто соответствует своему месту. Старые и опытные уничтожены якобинцами, новые слишком молоды. Что говорить о сложных маневрах, когда я не могу научить их плавать даже кильватерной колонной! Немногим лучше дело и с матросами. Их у меня не хватает шесть тысяч.

Буаредон де Рансюэ пообещал помочь в вербовке матросов среди местных жителей.

– Много не наберем, но несколько сотен, пожалуй, здесь найдется! Главное, что это вполне опытные люди!

– Ну а как сам Бонапарт? – поинтересовался после очередного фужера де Рансюэ. – Какие у тебя с ним отношения!

– Генерал молод и честолюбив. Возможно, он гений в сухопутных делах, но, к сожалению, в морских полный невежа! – покачал головой Брюес. – Бонапарт написал приказ при встрече с английской эскадрой идти на abordаж и в рукопашной драке захватывать их корабли!

– Но это же откровенная глупость! – поразился рыцарь-моряк.

– Я ему сказал так же, но Бонапарт ответил мне, что об этом плане он сообщил в директорию и там его уже одобрили. Остается надеяться, что нам повезет, и мы разминемся с англичанами!

Перед отплытием с Мальты Бонапарт отправил вперед крейсерский отряд. Капитанам судов было велено топить все английские, турецкие и русские суда, которые они встретят на пути. На самом же острове был оставлен гарнизон в четыре тысячи солдат во главе с генералом Вобуа.

8 июня французский флот покинул Мальту. Французам по-прежнему везло во всем, в том числе и с погодой. Как и прежде, им дул самый попутный ветер при весьма небольшом волнении. Что же касается оставленного на Мальте гарнизона, то он спустя какой-то месяц станет почти небоеспособен. Почти треть солдат, дорвавшаяся до местных проституток, свалилась от «французской болезни». Что же, на войне бывают и такие потери...

Во Франции взятие Мальты вызвало, разумеется, самое бурное ликование. Газеты называли Бонапарта «величайшим героем нынешнего века». Сам остров же было велено считать еще одним французским департаментом.

Реакция европейских мальтийских рыцарей на известие о позорном падении Мальты была молниеносной – лишить изменника Гомпеша его сана. Шеф немецкого «языка» ордена, старый герцог Хайтерсхайм в гневе заявил, что считает сдачу Мальты оскорблением, и потребовал подвергнуть своего земляка публичному суду рыцарской и христианской чести.

Как ни странно, но первым начал сводить счеты с разгромленным орденом тот, кто раньше более всего перед ним заискивал. Неаполитанский король Фердинанд, узнав о случившемся, немедленно выставил из своей столицы мальтийского посланника и приказал сбить орденский герб с резиденции иоаннитов. В Великом герцогстве Тосканском и Сардинском королевстве все имущество Мальтийского ордена было немедленно разграблено. Что касается Вены, то австрийский император милостиво разрешил посланнику ордена, как и прежде, представлять его интересы, но при этом госпитальеры потеряли все свои права на имущество и земли. Папа римский Пий Шестой публично осудил Гомпеша за сдачу Мальты и подчеркнул, что земные дела трусов иоаннитов понтифика более не интересуют. Верность злополучному великому магистру сохранила только Бавария, где родственники Гомпеша занимали довольно высокие посты при дворе курфюрста.

В Санкт-Петербурге известие о взятии Мальты вызвало праведный гнев императора Павла. Потеряв всякое приличие, он сорвался: бегал по дворцу и брызгал слюной.

Павел I в короне, далматике и знаках Мальтийского ордена.

– Неслыханная наглость! – кричал он канцлеру Безбородко. – Этот выскочка Бонапарт не мог не знать, что я покровительствую ордену.

Немного успокоившись, император начертал декларацию протектору ордена, в которой выразил свое негодование изменой Фердинанда Гомпеша и других «рыцарей церкви». Декларация заканчивалась словами: «Мы приглашаем все языки и великие приорства священного ордена Святого Иоанна Иерусалимского и каждого его отдельного члена присоединиться к нашему решению с целью сохранения этого достойного похвалы братства и восстановления его во всем прежнем блеске».

– Я, как рыцарь ордена иоаннитов, просто обязан выступить против похитителей тронов! – объявил Павел за обедом. – Я приведу Францию в ее старые пределы и отниму охоту беспокоить других.

Присутствующие (супруга Мария Федоровна и старшие сыновья Александр и Константин) молча внимали, зная, что Павел должен выговориться.

– Тогда я предлагаю тост за спасение тронов и алтарей! – поднял бокал, присутствовавший на обеде хитрый Ростопчин.

– Вот-вот! – закивал головой император и пригубил свой бокал. – Я выкорчую якобинскую заразу и обеспечу спокойствие Европы!

* * *

К моменту подхода Нельсона к Мальте остров уже находился в руках противника. Над фортами Ла-Валетты развевались французские флаги. В бойницы выглядывали жерла сотен пушек. Французский гарнизон – это вам не рыцарское сборище! Французского флота у острова тоже не было. Капитан торгового генуэзского судна, сам чудом избежавший французского плена, сообщил Нельсону, что генерал Бонапарт с флотом и армией направился куда-то на юго-восток.

– Итак, Неаполь, как цель нападения, окончательно отпал, ибо если был таковой, то давно подвергся бы атаке! – рассуждал Нельсон, собравши у себя капитанов и нервно расхаживая перед ними по каюте. – Не была конечной целью экспедиции и Мальта, так как после ее захвата французский флот и армия не вернулись в Тулон! Спрашивается, куда мог направиться Бонапарт? Ответ остается только один – в Египет!

Того же мнения были и его капитаны: Сомарец, Трубридж, Бель, Дарби и Берри.

Контр-адмирала Томас Трубридж

И снова эскадра Нельсона спешит на всех парусах, чтобы перехватить и уничтожить французов.

Отечественный историк пишет: «Напряжение и нервозность Нельсона нарастали, он плохо владел собой. Контр-адмирал днем и ночью жил только предстоящим сражением с французами. Он вынашивал планы битвы на все возможные случаи, вызывал капитанов и обсуждал с ними свои замыслы. Через некоторое время капитаны уже подробно знали, как их командующий поступит в любой из возможных ситуаций, знали и свои задачи. Эскадра превратилась в единый организм, способный четко действовать и мгновенно реагировать на все маневры противника. В свою очередь, капитаны в походе вели непрерывные артиллерийские учения, неустанно тренируя офицеров и матросов».

Наконец, показались берега Египта. И снова разочарование: французов в Египте нет! Так где же Бонапарт?

Увы, но судьба еще раз сыграла с Нельсоном злую шутку. Он настолько спешил догнать Бонапарта, что по дороге обогнал его и примчался в Египет раньше французского флота. Хитрый Бонапарт, понимая, что англичане ищут его по всему морю, решил идти в Египет не кратчайшим локсодромическим курсом, а кружным путем мимо африканского побережья. Что касается Нельсона, то он конечно же мчался к Египту самым коротким путем. И снова промахнулся! В Египте все было тихо, ни о каких французах там и слыхом не слыхивали. Вот тут-то бы неугомонному Нельсону передохнуть дня два-три! Если бы он поступил именно так, французы бы сами приплыли к нему в руки. И английскому контр-адмиралу не оставалось бы ничего, как топить их суда и пленять беспомощную армию. Но Нельсон был слишком нетерпелив. Он рассуждал так:

– Если французов нет в Египте, значит, они еще в пути, так как обременены большим количеством тихоходных транспортов. Но, возможно, я опять ошибся в цели экспедиции! В таком случае остается последнее – Сицилия! Впрочем, Бонапарт может нанести удар и прямо по Константинополю! Поэтому вначале осмотрим остров, а затем и Дарданеллы!

– У нас почти не осталось воды! – напомнили Нельсону капитаны.

– Мы не можем задерживаться! Сократить нормы выдачи вдвое и курс на Сицилию! – решает он, и английские корабли, словно свора изможденных гончих, продолжила свою погоню за французским призраком.

На обратном пути от Египта противники вновь разминулись ночью, на этот раз, едва не прорезав походные порядки друг друга. Дистанция была настолько мала, что адмирал Фрэнсис Брюес слышал даже сигнальные выстрелы английских пушек, но благоразумно отмолчался. Французские матросы было запаниковали, однако офицеры быстро навели порядок. Что касается Бонапарта, то он велел Брюесу не менять курса, а сам провел ночь в чтении книги о кругосветных плаваниях капитана Кука.

Можно только представить, что стало бы с французским флотом, обремененным большим количеством транспортов, набитых войсками. Это был бы настоящий погром, после которого звезде будущего императора Франции вряд ли суждено было подняться. Но вновь удача была на стороне Бонапарта, и Нельсон опять проскочил мимо, так ничего не заметив.

Итак, противники в который уже раз разминулись. Англичане торопились на северо-запад, чтобы проверить, не направился ли Бонапарт на покорение Константинополя, а тот продолжил неспешный путь к египетским берегам. Спустя всего три дня после ухода Нельсона с александрийского рейда, Бонапарт был уже там. Он совершенно беспрепятственно высадил армию, занял Александрию.

Оставив в Александрии небольшой гарнизон, Бонапарт велел вице-адмиралу Брюесу отвести флот в Абукирскую бухту, расположенную в двадцати милях от Александрии.

– Если бухта окажется для стоянки неудобной, то следуйте на Корфу! – сказал он Брюесу, уезжая к армии.

Вскоре с 13 кораблями и 4 фрегатами Брюес перешел в Абукирскую бухту, встал там на якорь.

А Нельсону тем временем снова не повезло. Его эскадра попала в длительную полосу противных ветров и едва продвигалась вперед в утомительных лавировках. Но вот наконец и Сиракузы, где о французах тоже никто ничего не знает.

– Я чувствую, что в чем-то ошибся! – в сердцах говорит капитану Беллу Нельсон. – Но в чем?

Он показывает Беллу свое письмо Сент-Винсенту, где кается в совершенных ошибках и просит прощения за то, что не смог отыскать французский флот.

К удивлению Нельсона, Белл рвет его письмо в мелкие куски:

– Сэр! Никогда не надо оправдываться до того, пока вас не стали обвинять!

Из Неаполя доставили почту. Из писем было ясно, что в столице королевства объединенных Сицилий царил настоящая паника. Все ждали французского десанта. Среди прочей корреспонденции Нельсон нашел и письмо жены английского посла. Леди Гамильтон писала: «Я боюсь, что здесь все потеряно... Я надеюсь, что вы не уйдете из Средиземного моря, не захватив нас».

Но сразу покинуть Сиракузы Нельсон не мог. Надо было налиться водой, пополнить запасы продовольствия. Губернатор Сиракуз, однако, оказать помощь англичанам не торопился.

– Сейчас я обеспечу ваши корабли мясом и овощами, а затем придут французы и вздернут меня за это на веревке! – честно признался он посланному на переговоры Трубриджу.

Пришлось Нельсону слать письмо в Неаполь и просить посла Гамильтона воздействовать на короля. Вместе со своей женой сэру Уильяму удалось уговорить короля Фердинанда отдать распоряжение о тайном обеспечении эскадры припасами. Одновременно в письме Нельсон вновь просил посла склонить короля к союзу с Англией и войне с Францией, а заодно поговорить и о предоставлении в его распоряжение нескольких неаполитанских фрегатов.

Пока все это тянулось, уходили драгоценные дни. Нельсон метался по своей каюте, но ничего ускорить не мог. Но вот, наконец, трюмы забиты бочками со свежей водой, а в палубных загонах мычат стреноженные быки. Фрегаты король дать отказался. Как бы то ни было, но в море выходить было уже можно. После долгих сомнений, контр-адмирал решает еще раз посмотреть французов у Египта, а затем уже идти к Дарданеллам.

Глава пятая Пески Марабута

В конце XVIII века в Египте властвовали храбрые мамелюки. То было уникальное сообщество бывших рабов, ставших властителями огромной страны и правивших ею на протяжении пяти столетий.

Вот что писал о мамлюках впоследствии сам Бонапарт: «Мамелюки рождаются христианами, покупаются в возрасте 7–8 лет в Грузии, в Мингрелии. На Кавказе доставляются константинопольскими торговцами в Каир и продаются беям. Они – белые и являются красивыми мужчинами. Начиная с самого низшего положения при дворе бея, они постепенно возвышались, становясь мультазимами в деревнях, киашифами или губернаторами провинций и, наконец, беями. В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками... Количество мамлюков-мужчин, женщин и детей исчислялось в 1798 году 50 тысячами».

Османам мамелюки подчинялись только формально. Сам султан был им не указ, а турецкий паша в Египте являлся больше заложником. Всеми властвовали два мамлюкских соправителя Ибрагим-бей и Мурад-бей. Первый правил в Александрии, второй в Каире. За мамлюками многовековая слава непобедимых воинов Азии. Теперь же им предстояло встретиться с лучшей армией и лучшими полководцами Европы.

Вечером 30 июня флот Бонапарта подошел к египетскому берегу у песчаного прибрежного островка Марабута. Повинуясь сигналу с флагмана, почти три сотни кораблей и судов перестраивались из походного ордера в стояночный, шумно бросая якоря. Перед французами была легендарная Александрия.

С подошедших лодок сообщили, что англичане были здесь всего два дня назад.

– Высадку начинать немедленно! – заторопился Бонапарт. – Дорог каждый час!

Вице-адмирал Брюес пытался отговориться:

– Гражданин Бонапарт, не лучше ли дожидаться утра, суда отдалены от берега. Над морем туман и мы не знаем, куда кого высаживать!

Но гражданин Бонапарт был непреклонен:

– Фортуна дала нам всего два-три дня, и если мы не успеем высадить армию, мы погибли!

Между тем погода быстро портилась, и вскоре море уже кипело пеной. А высадка еще только началась. До рассвета высаживали в основном пехоту. Лошадей просто бросали в воду, и они плыли к берегу сами. Добравшись до пляжа, солдаты собирались в кучи и ждали утра, коротая время за разговорами. Всех мучила жажда, так как в горячке высадки о воде просто забыли. Инженера Каффарелли, имевшего вместо одной ноги деревяшку, солдаты вынесли из шлюпки на руках.

Садясь в шлюпку, Бонапарт тепло попрощался с Брюесом. Глядя вдаль уходящей к берегу шлюпки, вице-адмирал тяжело вздохнул:

– Это покидает меня моя удача!

Увы, слова командующего французским флотом оказались пророческими...

Из воспоминаний Наполеона: «Ярко светила луна. Беловатая сухая почва Африки была освещена как днем. После долгого и опасного плавания люди очутились на взморье Древнего Египта, населенного восточными народами, чуждыми нашим нравам, нашим обычаям и нашей религии. Сколько опасностей, сколько событий, сколько случайностей, сколько утомительных трудов впереди!»

– Когда-то именно здесь высадились рыцари Людовика Святого! – вытер платком пот с лица Каффарелли.

– Тогда французы слишком много молились, а потому были разбиты в первом же сражении! На этот раз все будет иначе! – усмехнулся подошедший к нему Бонапарт.

Едва встало солнце, Бонапарт принялся рассматривать Александрию в подзорную трубу. До города было рукой подать, но на берег еще не была свезена артиллерия, а потому генерал решил вступить в переговоры с мамлюками. Но из этого ничего не вышло, гордые владельцы Египта отказались говорить с пришельцами. Вместо этого из города выбежала толпа людей, потрясающих саблями. С крепостных стен ударили пушки.

– Мы не можем ждать! На штурм! – объявил Бонапарт.

Наскоро сбитые батальоны двинулись вперед. Атака была дерзкой без артиллерийского прикрытия. Впереди атакующих колонн встали генералы Мену, Клебер и Бон. Отбросив выбежавшую из города толпу, французы сами ринулись на стены и овладели ими. Боев в городе почти не было. Мамлюки ускакали прочь, а остальные сложили оружие. Очевидец пишет, что французы вошли в Александрию «убивая все, что им в глаза ни попадало». Вскоре на башне города был поднят трехцветный флаг.

А в гавань захваченной Александрии уже входили транспортные суда. Началась выгрузка артиллерии и припасов.

Тем временем Бонапарт принимал вождей местных арабских племен. Те откровенно радовались бегству мамлюков и обещали генералу свою помощь.

– Всякий, кто назовет себя моим другом, будет жить хорошо. А тот, кто перебежит к моим врагам, погибнет! – говорил генерал притихшим вождям.

Историк В. Овчинников пишет: «Пробыв в Александрии, Бонапарт взял с жителей 75 тысяч талеров, поменял на деньги тамошним откупщикам все драгоценности, взятые из церквей на Мальте, и раздал их жителям Кокары, тем самым обезоружив их. С лицемерным коварством он объявил жителям, что вошел в Египет, как друг Порты и с ее согласия, но при этом разорил греческую и католическую церкви, избив и повесив их священников, после чего в католическом храме последовали многие неистовства и мерзости».

Спустя несколько дней, оставив в Александрии комендантом Клебера (во время штурма тот был ранен в голову), Бонапарт с главными силами двинулся через пустыню на Каир. Мешки с припасами везли на верблюдах и ослах. Там же в Александрии из мелких судов была спешно сформирована и речная флотилия во главе с младшим флагманом Брюеса контр-адмиралом Перре, которая немедленно двинулась к Каиру вверх по Нилу.

Переход по пустыни был невероятно тяжел для непривычных к такой жаре солдат. В суконных синих мундирах они тащили на себе ружья и ранцы, патроны и провизию. Ноги утопали в песке, градом катил пот, и каждый шаг давался с трудом. На третьи сутки похода у многих от жары начиналось помешательство, и седые ветераны рыдали как дети.

Попадавшиеся на пути редкие деревушки были сожжены и не могли дать ничего. Фелахи, убегая, засыпали песком немногочисленные колодцы. Вдоволь было только арбузов, которые росли всюду. Солдаты поглощали их в таком количестве, что началась неизбежная дизентерия.

Возглавлявший авангард генерал Дезе слал Бонапарту короткие записки: «Ради Бога, не оставляйте нас в этом положении. Войско теряет бодрость и ропщет. Велите нам быстрее идти вперед или отступить...» Вокруг бредущей армии, точно стервятники, кружили бедуины, стараясь напасть на отставших.

– Здесь круче, чем в Вандее! – сетовали ветераны далекого девяносто третьего года.

– Это не Италия! – вздыхали те, кто были помоложе.

Ехавший рядом с командующим французский консул в Египте Магеллон нахваливал каирские красоты:

– Чего там только нет! Это настоящая жемчужина Африки! Красивейшие дворцы, утопающие в садах и увенчанные сотнями минаретов, подпирающие небо пирамиды и великий каменный человеко-лев!

Бонапарт рассеяно слушал. Пока перед ним до горизонта расстиралось лишь безбрежное песчаное море.

Несколько дней тяжелейшего пути по Дамангурской пустыне – и солдаты начали роптать.

– Какого черта нас занесло в этот Египет? – спрашивали они у офицеров. – Кроме песка, тут ничего нет. Где все обещанные богатства?

Особенно раздражали солдат бестолковые ученые, которые на каждой стоянке мчались что-то смотреть и исследовать. Ученых приходилось вместо отдыха охранять и, что уж совсем плохо, откапывать для них какие-то старые развалины. Все видели, как командующий опекает этих несуразных людей. Едва рядом с бредущими дивизиями показывались неуловимые мамлюки, как Бонапарт командовал:

– Ослов и ученых в середину!

Затем кто-то упустил слух, что вся экспедиция была организована вообще для этих нелепых очкариков, а потому на ученых смотрели уже с неприкрытой ненавистью. Учеными командовал одноногий Кафарелли. Остроумный и обаятельный, он шутками пытался отвлечь солдат от тяжелых дум.

– Ребята! Согласитесь, что мне намного легче, чем всем вам! – говорил он, ковыляя на своей деревянной культяшке рядом с бредущей колонной.

– Это почему же? – поворачивали к нему головы хмурые гренадеры.

– А потому, что у меня одна нога в Египте, а другая во Франции!

Ответом был дружный хохот.

Если солдаты только роптали, то среди офицеров возник самый настоящий заговор. Во главе его стал бригадный генерал Мирер. Заговорщики выставили Бонапарту ультиматум, требуя возвращения в Александрию. Но тот бумагу разорвал, а недовольных велел арестовать. Не дожидаясь развязки, Мирер пустил себе пулю в лоб.

Плавание вверх по Нилу тоже было не из легких. Река была французам неизвестна, а ветер не постоянен, меняя направление то и дело по всей картушке. По этой причине флотилия то обгоняла бредущую вдоль берега армию, то, наоборот, отставала.

Безрадостной были и новости из только что оставленной Александрии. Вожди племен подписавших мировую с французами, получили фетфу улемов и шейхов Каира, приказывавшую им снова браться за оружие во имя веры. Пока вожди еще придерживаются мира, но все могло измениться в одно мгновение.

Нервы у всех были на пределе. Во время ночевки у деревни Даманхуру солдаты едва не перестреляли друг друга в ночной суматохе. Тем временем местный шейх-аль-белед пригласил Бонапарта с Дезе в свой шатер. Там генералов угостили печеным в золе хлебом и чашкой козьего молока. Когда оба вышли наружу, Дезе усмехнулся:

– И это обещанная изысканная восточная кухня!

У селения Рахмании армия вышла на берег Нила. И тогда все, от мальчишек-барабанщиков до почтенных генералов, не раздеваясь, толпой бросились в воду. В тот день несколько человек умерли, опившись.

* * *

Когда первые слухи о высадке французской армии в Египте достигли Лондона, они вызвали шок. Это было неслыханно: запертый и блокированный со своими кораблями в Тулоне, генерал Бонапарт сумел вырваться из западни, трижды обмануть Нельсона и без всяких потерь перевезти армию в Египет, откуда его теперь не так-то просто выковырнуть. Главным виновником позора всей нации в одно мгновение стал ее недавний всеобщий любимец Нельсон. С таким же усердием, с каким еще вчера пресса нахваливала добродетели контр-адмирала, с таким она теперь поливала его грязью. Нельсону сразу припомнили все. Если

раньше его раны почитались как свидетельства геройства, то теперь газеты на перебой писали, что слепым и безруким следует сидеть дома, а не воевать на морях, где и здоровым-то приходится не сладко.

Обойденные Нельсоном в чинах и должностях, тоже подняли шум. Лорд Спенсер только перекрестился, что вовремя перевел стрелки от себя на адмирала Джервиса, который тоже стал виновником неудачи, так как именно он выдвинул на пост командующего эскадрой своего протеже.

Больше иных злорадствовал все еще не сложивший оружия контр-адмирал Джон Орд, который публично заявлял:

– Вот что бывает, когда зарвавшегося сопливному мальчишке дают взрослые поручения!

Озадаченные беспрепятственным плаванием Бонапарта в Египет и кажущимся бездействием (или неумением) Нельсона, лорды Адмиралтейства уже прикинули текст письма об отстранении не-удачливого контр-адмирала от командования эскадрой и назначение на эту должность более опытного.

– Проникновение французов мимо нашей эскадры настолько вопиюще, что нуждается в судебном разбирательстве, ибо по своим последствиям равно тяжелому поражению! – говорили самые нетерпеливые из лордов. – Давно пора уже почистить конюшни Сент-Винсента!

* * *

Пока в Лондоне злословили и интриговали, эскадра Нельсона вновь возвращалась к египетским берегам. Первый пункт осмотра – Александрия. Но Александрийский рейд оказался пустынен. Для Нельсона это было ударом. Упадок духа произошел и на всей эскадре. Корабли потеряли строй и сгрудились в одну кучу.

Затем Нельсон решает не задерживаться подле города, а направляет эскадру вдоль берега на восток. Так как французов нигде не было видно, на эскадре объявили обед. Капитан «Ориона» Джеймс Сомарец впоследствии вспоминал: «Уныние чуть не захватило меня, и я никогда еще не чувствовал себя так скверно и так не в духе, как когда мы сели за обед».

В час тридцать пополудни 1 августа впередсмотрящие с салингов передового «Зилеса» хором прокричали:

– Прямо по курсу видим большой флот! Это французы! У них полтора десятка «боевых повозок»!

– Слава, Господу! – снял шляпу Нельсон. – Кажется, догнали!

Из воспоминаний капитана «Зилеса» Самуила Гуда: «В исходе первого часа человек с фор-салинга дал знать на низ, что видит корабль, и через несколько минут потом донес, что целый флот стоит на якоре. Я послал с трубою на салинг, и тогда могли ясно различить 18 больших судов, из которых 14 казались линейными кораблями. Сигналом известил я об этом адмирала. Он немедленно поставил все паруса и сделал сигнал по способности построиться в линию и приготовиться к сражению».

Известие об обнаружении противника вызвало бурю ликования. И снова воспоминания капитана Сомареца: «Посудите, какая произошла перемена в настроении, когда в конце обеда прибежал вахтенный офицер и доложил: “Сэр, только что сделан сигнал, что неприятель находится на якоре в линии баталии в Абукирской бухте”. Офицеры вскочили и подняли бокалы, чтобы выпить за успех предстоящего боя, а затем поспешили наверх».

Когда же поднялся на квартердек сам Сомарец, ожидавшая его команда встретила своего капитана криком восторга. То же происходило и на других кораблях. Эта стихийная матросская радость была хорошим знаком для скорой битвы.

Вскоре Нельсон уже с удовлетворением рассматривал лес корабельных мачт в Абукирском заливе. Там отстаивался на якорях весь линейный французский флот.

Над «Вэнгардом» взлетела россыпь флагов: «Приготовиться к сражению». А сам командующий в прекрасном расположении духа распорядился подать себе обед, пригласив на него капитанов. Поднимаясь из-за стола, он с присущей ему прямоотой громко объявил:

– Завтра к этому времени я заслужу или титул лорда или Вестминстерское аббатство! Третьего мне не дано, да и не надо!

* * *

У селения Шебриз французская армия впервые столкнулась с войском мамлюков. Восемь тысяч отборных всадников бешено атаковали ошестинившиеся штыками каре. Атаковавшие были отбиты с большими потерями. Их просто расстреляли картечью и из ружей. Мамлюки были изумлены своей неудачей. Особенно поразила их небывалая организованность французов, когда тысячи воинов одновременно перестраиваются и стреляют.

– Их шейх настоящий чародей. Он держит своих воинов на невидимых нитях и управляет ими, дергая эти нити! – говорили они между собой.

Спустя неделю французы достигли селения Улем-Динара. Вдалеке в дымке виднелись великие пирамиды. Вокруг французских походных колон кружили мамлюки, и их число прибывало с каждым часом.

– Теперь до Каира рукой подать, какие-то пятнадцать миль! – уведомил Бонапарта консул Магеллон.

– Войскам день на отдых и готовиться к генеральному сражению. Мамлюки Каир без драки не отдадут! – объявил Бонапарт.

Среди ночи французская армия двинулась вперед. На рассвете авангард Дезе столкнулся с большим отрядом мамлюков. Но тот рассеялся после нескольких орудийных залпов.

Мамлюк-армянин Рустам Раза, телохранитель и оруженосец Наполеона Бонапарта.

А затем двадцать тысяч французов разом закричали, что было мочи. Еще бы, на фоне восходящего солнца они увидели все четыреста каирских минаретов! Это значило конец изнурительного похода и богатую добычу.

Между тем войско мамлюков под началом Мурад-бея изготовилось к решающему сражению. С правого фланга у укрепленного лагеря у деревни Эмбаба расположились двадцать тысяч янычар, арабов и каирских ополченцев. Там же стояло сорок пушек. На левом фланге, примыкавшем к пирамидам, еще восемь тысяч замотанных в бурнусы бедуинов. В центре же, сдерживая горячих скакунов, расположились двенадцать тысяч отборных мамлюков, каждый из которых имел при себе несколько вооруженных слуг. На Ниле тоже было тесно, там готовились к бою три сотни египетских судов. Большинство из них были простыми лодками, но несколько имели весьма внушительные размеры. Особенно флагман, ощетинившийся тремя десятками пушек. Помимо всего прочего, на правом берегу реки собралось и почти все население Каира, чтобы поглазеть на побоище грозными мамлюками чужеземцев, а заодно и поживиться грабежом в конце сражения.

Шейхи и беи, разъезжая среди воинов, кричали:

– Неверные пришли сюда, чтобы сразиться с нами. У них огромные ногти, огромные пасти и свирепые глаза. Они одержимы дьяволом-Иблисом, а в бой идут, скованные цепью!

Бонапарт, оглядев боевые порядки противника, нисколько не огорчился:

– Опасность для нас представляет лишь мамлюкская конница. Пехотинцы-ополченцы разбегутся после первого же залпа. Не многим больше стоят и янычары, которые со своими кривыми саблями будут бессильны против наших штыков. Итак, мы атакуем!

Выехав перед марширующими колоннами, он выхватил из ножен саблю:

– Солдаты! Сорок веков взирают на вас с вершины этих пирамид!

Первой продвигалась вперед дивизия Дезе. Пройдя мимо укрепленного лагеря, она развернулась против мамлюков. За колонной Дезе в некотором отдалении дивизии Ренье, Дюгуа, Виалья и Бона. Никто не стрелял, и французы шли в полном молчании.

Мурад Бей

В боевых порядках мамлюков была личная гвардия Мурад-бея, отряды всех двадцати четырех эмиров, и свободные наемники-халки. Каждый из них в совершенстве владел своим оружием и был отличным наездником. Каждый прошел многолетнее обучение-фуруссию и не ведал страха в бою. На всадниках – кольчуги и доспехи-джавшаны. Если у простых всадников на голове тюрбаны, то у богатых мамлюков металлические шлемы. У каждого в седельных сумках по четыре заряженных пистолета, а за плечом мушкет. Помимо этого, копье, сабля и булава. У каждого помимо двух-трех лошадей еще и пара верблюдов для перевозки снаряжения и припасов, а также по два-три слуги. Один слуга всегда бежит вслед за своим хозяином. В бою он заменяет ему оружие, поит водой, а в случае ранения вытаскивает из боя. Каждый мамлюк старается выделиться среди остальных одеждой, не жалея на это денег. Главным отличием предводителей являются богато украшенные золотом, серебром и драгоценными кам-

нями пояса. На востоке считается, что каждый мамлюк может справиться с пятью противниками. При этом если мамлюки встречали на поле боя более малочисленного противника, то всегда старались его окружить. Этой тактики они решили придерживаться и теперь.

Перед боем всадники, по своему обычаю, выстроились в боевой порядок. Вперед под воинственные крики выехал сам Мурад-бей и громко прочитал молитву. Вместе с ним помолилось и все войско. Затем Мурад-бей воскликнул: «О Аллах! Пошли нам победу!», первым помчался навстречу французам. Атака мамлюков была стремительной. Восемь тысяч отборных наездников вихрем пронеслись между дивизиями Дезе и Ренье, взяв их в кольцо. Дезе едва успел перестроить своих солдат в каре. По коннице был немедленно открыт ружейный и пушечный огонь. В ответ нападавшие на всем скаку метко палили из седельных пистолетов. Пока мамлюки отважно, но безрезультатно атаковали две передовые дивизии французов, дивизия Дюгуа во главе с Бонапартом придвинулась к Нилу и зашла мамлюкам в тыл. Впрочем, Дюгуа также был атакован и в течение часа отчаянно отбивался. Храбрые всадники кидались на штыки и гибли на них сотнями. Мурад-бей сам первым атаковал французов, стараясь ворваться внутрь ближайшего каре. Во время этой атаки он был ранен и вынесен с поля битвы слугами.

Отдельные храбрецы даже врубались в боевые порядки французов и на всем скаку проскакивали каре насквозь, но это были лишь отдельные успехи, которые не меняли общей картины. Французские каре по-прежнему стояли нерушимыми бастионами среди бушующего моря неприятельской конницы.

Одновременно началось сражение и на реке. Там флотилия Перре атаковала египетский флот. Вскоре удачным выстрелом был взорван флагман неприятеля и весь флот стал в беспорядке уходить вверх по реке. Преследуя противника, французские суда из-за обмеления реки вылезли на мель.

Перре, оглядев суда противника в трубу, не слишком расстроился:

– Египтянам от нас все равно никуда не уйти, они тоже сидят на мели! Подождем подъема воды и снова атакуем!

...Наконец мамлюки утомились и отхлынули. Большая часть всадников во главе с Мурад-беем ускакала к Гизе по дороге в Верхний Египет. Другая часть конницы пыталась защитить укрепленный лагерь. Когда же дивизия Бона пробилась к лагерю, а генерал Рампон захватил ров и дамбу между селом Эмамбой и Гизой, остатки конницы бросились к реке, где многие утонули. Лагерь египтян был захвачен без всякого сопротивления. Арабы, видя разгром дотолы непобедимых мамлюков, просто разбежались. Ближе к вечеру Мурад-бей еще несколько раз атаковал, но каждый раз был отбиваем с большими потерями. Уже в темноте Мурад-бей окончательно ушел на юг, предварительно велел сжечь свой севший на мель флот. Впрочем, в Верхний Египет ушли не все мамлюки. Полторы тысячи храбрых воинов остались в Каире во главе со вторым правителем Ибрагим-беем, в надежде отстоять столицу. Однако, видя, что арабы разбежались, и понимая, что Каир уже не защитить, Ибрагим-бей в последний момент увел свою конницу в Сирию.

Сражение закончилось. Темные южные ночи – самое лучшее время для мародеров. Всю ночь французские солдаты обшаривали группы мамлюков, находя в их поясах порой до трехсот золотых монет. В Каире, в преддверии смены власти, население вовсю грабило дома беев.

24 июля Бонапарт торжественно вступил в Каир. Каирские шейхи послали навстречу делегацию. Генерал ее милостиво принял. Резиденцией Бонапарт выбрал дворец Эльфи-бея на окраине города.

Довольные солдаты отдыхали от понесенных трудов. Городские склады были полны провизии и других припасов. На площадях глашатаи читали призывы Бонапарта сохранять спокойствие. Впрочем, уже через несколько дней в пригородном селе Алькам жители убили нескольких мародеров. Село было немедленно сожжено, а его жители перебиты.

– Пусть каждый знает, что поднявшего руку на француза ждет смерть! – самодовольно заметил Бонапарт, выслушав доклад об итогах карательной экспедиции.

Командующий был горд собой. Противник разгромлен, его столица захвачена. Вдогонку Ибрагим-бею уже послан неутомимый Дезе, который вскоре добьет его в битве при Седимане. Дельту Нила к этому времени привел в повиновение Клебер. Теперь у ног Бонапарта лежал весь Египет. Отныне он был уже не просто генерал республики, а султан Кебир (великий султан!). Что можно желать еще? Увы, торжество нового султана было недолгим. Беда пришла откуда, откуда он ее меньше всего ждал...

В те дни при встрече с английским министром иностранных дел наш посланник граф Воронцов высказался так:

– Даже если этот дерзкий корсиканец успел сделать высадку в Африке, я верю, что его эскадра не избежит кавалера Нельсона, и он получит, что заслуживает.

* * *

Известие о высадке Бонапарта в Египте было воспринято с удивлением. Никто никак не мог взять в толк, зачем директории понадобилось вдруг воевать с турками, с которыми у французов всегда были дружеские отношения? Вся отлаженная десятилетиями система союзов и альянсов в одно мгновение полетела в тартарары.

– Возможно, во всем виноваты марсельские купцы, испугавшиеся, что купцы английские приберут к рукам всю торговлю в Ливанте? – шептались в европейских политических салонах. – А может быть, французы замахнулись и... на Индию?

От последней фразы становилось дурно английским посланникам, которые тут же мчались домой составлять срочные послания о страшных слухах, гуляющих по Европе.

На Певчем мосту нападению Бонапарта на турок были, честно говоря, рады. Лучше уж пусть французы воюют в неблизких пустынях египетских, чем будут распевать «Марсельезу» под Николаевом и Екатеринославом! Поразительно, но волей какого-то дивизионного генерала Турция – этот многовековой враг России в одно мгновение превратился в союзника. Но определенная тревога все же оставалась. От Египта рукой подать до Константинополя, а это уже угроза Крыму и всему Причерноморью. Но пока до этого еще далеко, да и смогут ли французы еще дойти до Черного моря?

Посланник Томара извещал вице-канцлера, что султан весьма боится за свои владения и весьма надеется на помощь России в вой-не с коварными франками.

– Из всех известных мне союзов этот будет, вероятно, самым внезапным! – не без удовольствия констатировал Безбородко, прочитав очередное письмо Томары и отложив его в папку для доклада императору. – Теперь осталось только ждать, когда турки слезно запросят нашей помощи.

– А долго ли ждать? – поинтересовался император Павел после доклада вице-канцлера.

– Чем быстрее Бонапарт будет шагать по пустыням египетским, тем раньше мы получим султанскую слезницу. Не думаю, что это займет много времени! Во всяком случае, нам следует быть готовыми.

В тот же день император продиктовал новый рескрипт вице-адмиралу Ушакову: «По получении сего имеете вы со вверенной в команду вашу эскадру немедленно отправиться в крейсерство около Дарданелл... Ежели Порты потребует помощи, где бы то ни было, всю вашу эскадру содействовать с ними буде от министра нашего получите уведомление о требовании Блистательной Порты вашей помощи, то имеете тотчас следовать и содействовать с турецким флотом против французов, хотя бы то и далее Константинополя случилось».

Теперь дело оставалось за малым, ждать, чтобы объединить флоты для действий в Средиземном море, пожелали сами турки. Ждать этого, впрочем, долго не пришлось.

Глава шестая

Ночь Абукира

Было бы наивно думать, что вице-адмирал Брюес не понимал, чем ему грозит стоянка на таком незащищенном рейде, как Абукирский. Французский командующий намеревался в Абукирской бухте лишь передохнуть и пополнить припасы, а затем уйти на Корфу, где под защитой неприступных фортов можно было бы чувствовать себя в полной безопасности.

В первый же день своего нахождения в бухте Брюес собрал капитанов. Обсуждался вопрос, что делать в случае появления англичан. Все присутствующие высказались единодушно:

– Принимать сражение следует, только стоя на якоре!

Особое мнение объявил лишь младший флагман контр-адмирал Бланке.

– На якоре выгодно сражаться лишь в том случае, когда само якорное место защищено огнем береговых батарей! – сказал он веско.

Но большинство капитанов младшего флагмана не поддержало.

– Разумеется, без береговых батарей драться на якоре плохо, но маневрировать во время боя с нашими неукомплектованными и плохо обученными командами будет еще хуже! – возразили они.

– К тому же я отдал приказание, чтобы на берегу немедленно начали возведение артиллерийской батареи! А потому кое-какое прикрытие у нас все же будет! – подал свой голос и командующий.

Бланке ничего иного не оставалось, как согласиться.

– Я поддерживаю решение большинства! – сказал он, тряхнув головой. – Однако хотел бы просить командующего поставить мой «Франклин» рядом с флагманом, чтобы я мог прикрыть его в бою!

– Решено! – кивнул Брюес. – Будем драться на якоре!

Позднее исследователи тех далеких событий придут к выводу, что в тогдашних условиях решение принимать бой на якоре было единственно верным. Однако приняв верное решение, Брюес по непонятной причине не сделал ничего, чтобы укрепить свою позицию. Он не додумался выгрузить орудия тыльного борта с кораблей, а их самих перевести на мелководье к самому берегу. Освободившиеся при этом орудия можно было бы с успехом использовать для береговой обороны. Именно так, вполне успешно, поступили турки в 1790 году под Анапой, когда отряд русских крейсеров под началом Ушакова приблизился к берегу.

Помимо этого, на эскадре так по-настоящему и не была начата подготовка к отражению возможной атаки, а часть экипажей и вовсе была свезено на берег для пополнения запасов воды и отдыха.

Да, на прикрывающем рейд островке Абукир была установлена одна батарея, но она имела всего лишь две мортиры да четыре 12-фунтовые пушки, которые были совершенно бесполезны против сотен и сотен стволов английской эскадры!

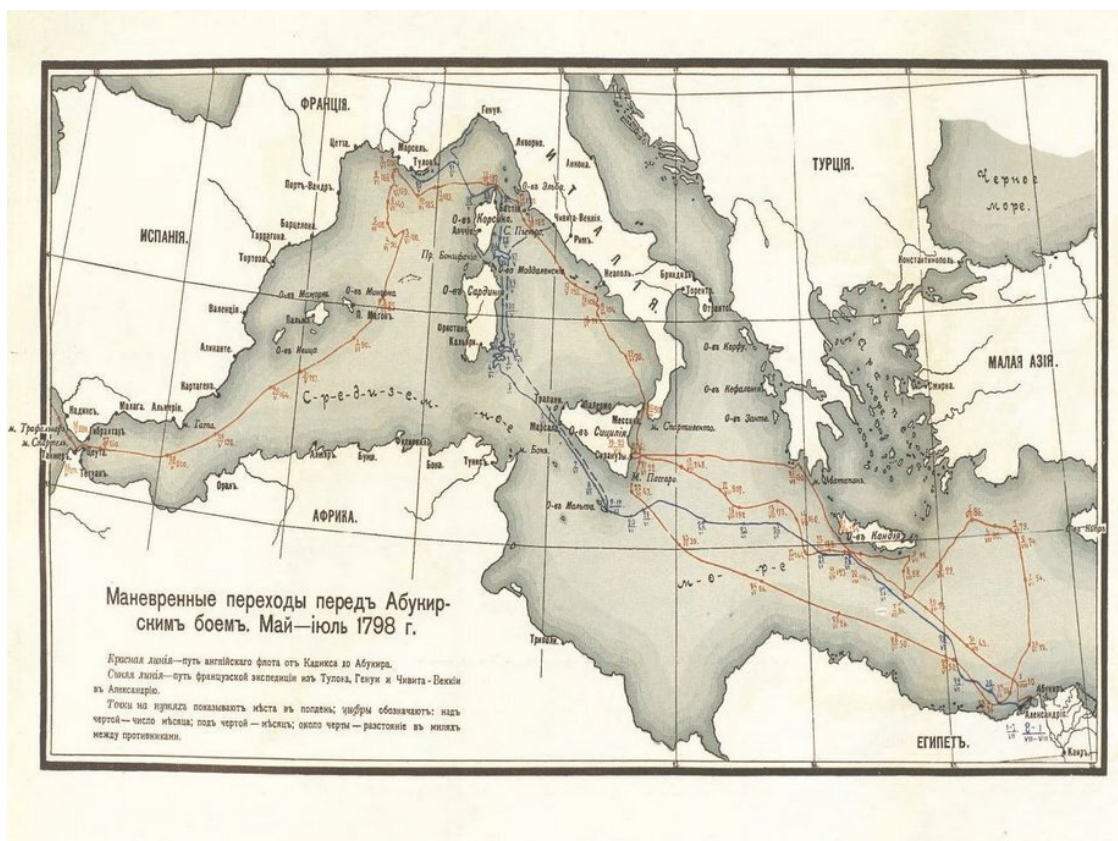
Помимо всего прочего Брюес не позаботился даже о том, чтобы поставить свои корабли на шпринг!

Это была уже не служебная небрежность, а преступная халатность!

* * *

Держа курс в Абукирскую бухту, Нельсон принял решение атаковать, прежде всего, авангард и центр французского флота. Свежий норд-норд-вест вполне способствовал быстрому сближению.

Подойдя к бухте, Нельсон оценил диспозицию французов. Весь французский флот стоял на якоре, построенный в единую линию протяженностью в милю. Линия при этом была достаточно изогнута. Ближе к берегу располагались четыре фрегата. С правого крыла обороняющихся прикрывала небольшая береговая батарея. Акватория вокруг французского флота была окружена песчаными отмелями, не позволяющими кораблям подходить к берегу ближе трех миль.

Когда эскадра подошла к траверзу первой отмели, Нельсон приказал лечь в дрейф, а сам в жестяной рупор окликнул капитана передового «Зилиеса»:

– Достаточно ли далеко мы держим к осту от мели и можем ли ее обогнуть?

В ответ Гуд прокричал своему командующему в точно такой же рупор:

– Сейчас нахожусь на 77 футах глубины. Карты залива не имею! Однако если мне будет позволено, то я спущусь и со всем вниманием буду обозначать глубины, чтобы провести эскадру как можно ближе к мели и в то же время безопасней!

– Хорошо, Гуд! – прокричал Нельсон. – Действуйте, но будьте осторожны!

Было около четырех часов дня. Брасопя паруса, «Зилиес» медленно двинулся по самой кромке отмели. Следом за ним подвернул и «Голиаф» Томаса Фоля.

– Держать на подветренный крамбол переднего мателота! – велел Фолей вахтенному лейтенанту.

– Есть, сэр! – с готовностью отозвался тот.

Пока передовые линейные корабли медленно втягивались в Абукирскую бухту, капитан Гард на своем юрке «Мутайне» перехватил местную рыбацью фелюгу. Предприимчивый Гарди тут же снял с суденышка рыбаков и шлюпкой переправил их на «Вэнгард», чтобы Нельсон мог использовать рыбаков в качестве лоцманов.

В это время «Зилиес» и «Голиаф» продолжали быстро сближаться с противником. Заметив, что эскадра заметно отстала от них, на кораблях несколько поубавили парусов.

– Что это они там заробели? – тут же увидел происходящее Нельсон. – Поднимите немедленно: «Продолжать движение. “Голиафу” быть первым».

Отрепетовав сигнал, капитан Фолей еще раз подвернул свой «Голиаф» и, обойдя французский флот с носа, протиснулся между стоящими на якоре неприятельскими кораблями и берегом.

«Благородный и храбрый поступок этот, – вспоминал позднее один из офицеров “Голиафа”, – примеру которого немедленно последовал капитан Гуд, решительность продолжать идти под всеми парусами, между тем как прочие корабли английской эскадры привелись в дрейф, поджидая шлюпки с “Мутайна”, все это имело весьма важные последствия».

– Сейчас поглядим, у кого «боевые повозки» крепче! – в запале кричали матросы на двух передовых британских линкорах.

* * *

Появление английской эскадры и сигнал с корабля «Эре»: «Неприятель приближается и держит к заливу», были для французов громом среди ясного неба. На их кораблях все еще не были заведены шпринги, а часть команд по-прежнему пребывала на берегу.

На тот момент французский флот был построен в следующем порядке: передовым 74-пушечный «Геррье» (под началом Жана-Тимотэя Трюллета-старшего), затем 74-пушечные «Конкеран» (Этьена Дальбарда), «Спартанец» (Мориса-Жюльена Эмерио), «Аквилон» (Генриха Тевенарда), «Пепле-Суверен» (Пьера-Поля Раккорда), 80-пушечный «Франклин» (Мориса Жильета), 120-пушечный «Ориент» (командора Коза-Банка), 80-пушечный «Тоннант» (командора Дюпти Туара), 74-пушечные «Эре» (Жан-Пьера Этьена) и «Меркурий» (Камбона), 80-пушечный «Вильгельм Тель» (Сольнье), 74-пушечные «Женере» (Лежойля) и «Тимолеон» (Жана-Тимотэя Трюллета-младшего). Сам вице-адмирал Брюес держал свой флаг на трехдечном «Ориенте». Там же находился начальник его штаба контр-адмирал Гонорэ Гантома. Авангардом, составлявшим семь передовых кораблей, командовал контр-адмирал Бланке-Дюшайла, флаг которого развевался над «Франклином». В главе арьергарда был поставлен контр-адмирал Сильвестр Вильнев, расположившийся на «Вильгельме Теле».

Стоящие под берегом фрегаты: 44-пушечные «Диана» и «Джустик», 36-пушечные «Артемз» и «Сэръез», возглавлял контр-адмирал Дионисий Декре.

Сегодня считается, что суммарный бортовой залп французской эскадры составлял 1186 орудий против 1030 орудий у англичан.

Обнаружив приближение противника, Брюес велел быстрее перевозить людей с берега на корабли. Но было поздно, большей части из них так и не удалось до конца боя попасть на свои боевые посты. И они стали лишь свидетелями грандиозной картины сражения. Чтобы хоть как-то восполнить команды линейных кораблей, пришлось передать часть команд с фрегатов. Но это внесло больше неразберихи, чем принесло пользы.

Навстречу английской эскадре устремились два брига: «Алерт» и «Райлер». Они должны были своим ложным маневром навести передовые английские линкоры на мель. Капитан «Алерта» действовал особенно отчаянно. Он почти вплотную приблизился к «Голиафу», затем

дерзко развернулся прямо перед ним и, поставив все паруса, помчался прямо на каменный риф. «Алерту» чудом повезло и он, благодаря своей малой осадке, проскочил через риф невредимым. На французском флоте, затаив дыхание, смотрели: клюнут англичане или нет. Англичане не клюнули! Нельсон быстро разгадал эту незамысловатую хитрость и приказал своим капитанам не отвлекаться на подобные штучки.

А день уже медленно клонился к закату. И снова надежда! Заметив, что английские корабли ложатся в дрейф, Брюес решил, что свою атаку Нельсон, по-видимому, отложил до следующего утра. Кто же нападает в сумерках! Если все будет обстоять именно так, то в течение ночи он вполне успеет подготовить свой флот к обороне и уж тогда утром англичанам не поздоровится!

– Впрочем, – советовался со своим начальником штаба Брюес, – ночи здесь весьма темные, а потому мы вполне можем попытаться выскользнуть из бухты и уйти на Корфу!

– Думаю, что это верный шанс и на этот раз оставить их одноглазого героя в дураках! – кивнул контр-адмирал Гантом.

На французских кораблях дружно заскрипели блоки, то начали поднимать тяжелые брамреи, верный признак того, что флот готовится вступить под паруса.

Однако то, что было понятно французским адмиралам, было столь же очевидно и для Нельсона, а потому он своей атаки откладывать не пожелал. И в шестом часу вечера движение английской эскадры было продолжено. Первым, как и прежде, резали форштевнями волну «Голиаф» с «Зилиесом», за ними следом: «Орион», «Одасьез», «Тезей», «Вэнгард», «Минотавр», «Дефенс», «Белерофон», «Межестк» и «Леандр». Английская эскадра, выстроившись в линию, шла в галфвинд правым галсом, т. е. под углом в 90 градусов к ветру, дующему справа.

Несколько севернее продвигался «Куллоден», а далее на значительном удалении к западу «Александр» и «Суфтшюр», посланные Нельсоном в свое время для разведки александрийского порта и теперь отчаянно догонявшие своих ушедших вперед товарищей. Быстрота, с какой англичане сумели выстроить боевую линию, была просто изумительна. Это не скрылось от глаз французских офицеров и особого оптимизма им не прибавило.

Теперь вице-адмиралу Брюесу стало окончательно ясно, что сражение последует незамедлительно, как только английские корабли сблизятся на дистанцию залпа. Никаких отсрочек до завтра быть уже не может! Теперь из последних сил, торопясь, французы выправляли свою боевую линию, заводили дополнительные якоря, клали свои стоп-анкеры за кормою задних мателотов, чтобы была хоть какая-то возможность разворачиваться бортом к противнику во время боя. Однако среди спешки и всеобщей неразберихи успели сделать далеко не все.

Тем временем передовые «Голиаф» и «Зилиес» уже проследовали мимо французской береговой батареи на острове Абукир. С берега по англичанам палили, но без особого успеха. Затем, сблизившись с передовым французским линкором «Геррье», английские корабли убрали все паруса, кроме крьюселя.

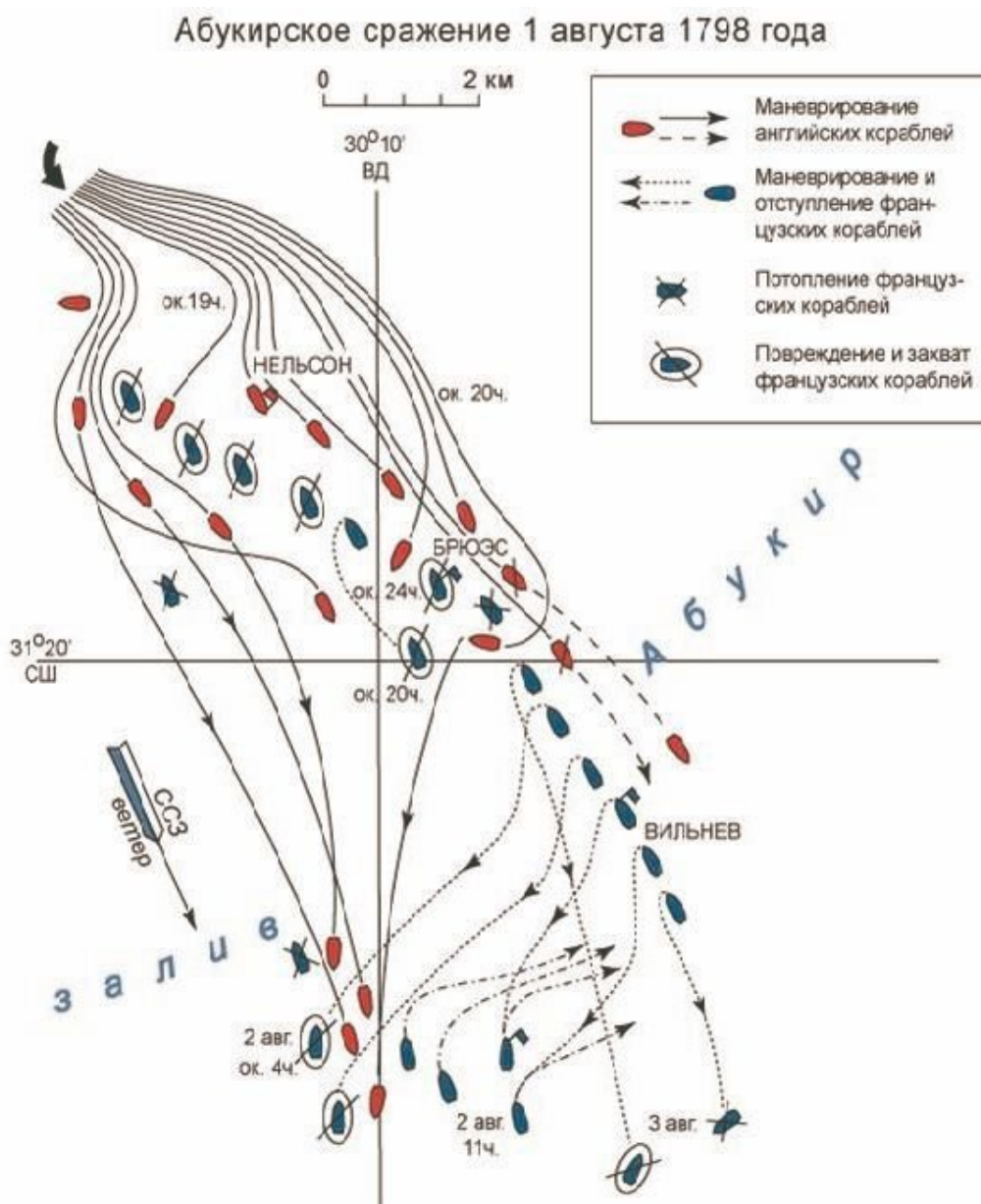
* * *

Итак, сражение началось. «Конкеран» и «Спартанец» разрядили по англичанам орудия своего правого борта, но ядра их легли в воду. «Голиаф» уже успел проскочить зону поражения, а «Зилиес» еще до нее не дошел. Пока же французы перезаряжали пушки, мимо них благополучно проскочил и «Зилиес». «Геррье» же так и не сделал ни одного выстрела вообще. Как оказалось, столь безграмотная стрельба передовых французских линкоров произошла из-за отсутствия на своем месте командира авангарда. Контр-адмирал Бланке-Дюшайла в это время спешил к своим кораблям на катере с «Ориента», где получал последние указания на сражение. Прибудь французский адмирал на свой корабль на каких-то десять минут раньше или же

хоть немного задержись с началом атаки Нельсон, Абукирское сражение началось бы с больших потерь для англичан, но Бог в тот день был явно на их стороне!

За двумя передовыми английскими кораблями тем временем подтянулась вся остальная эскадра. И сразу же несколько кораблей обрушили шквал своего огня на передовой «Геррье».

Наконец, опомнились французы. Свою первую порцию ядер получил от них «Голиаф». На нем сразу же был перебит бегучий такелаж. Пришлось отдавать якорь и, расположившись со стороны берега между вторым и третьем французскими линкорами, вступить в бой сразу с двумя. Неподалеку от «Голиафа» бросил якорь и «Зилиес».

Вдвоем драться с французами им было легче! И снова англичане не могли нарадоваться тому, что французский огонь был так слаб. «Такое быстрое исполнение маневра надобно приписать отчасти тихой погоде и отчасти неготовности неприятеля встретить нас с левой стороны. На “Геррье” пушки нижнего дека с этой стороны не были выдвинуты за борт, и порта других деков были завалены кистями и разными вещами!» – писал позднее один из участников сражения.

Именно поэтому на один залп «Зилиеса» «Геррье» мог отвечать только одним. Результат такого поединка не замедлил сказаться. В тот момент, когда заходящее солнце коснулось горизонта, фок-мачта «Геррье» упала за борт. Первое серьезное повреждение противника вызвало целую бурю ликования на английской эскадре. В честь героев «Зилиеса» на всех кораблях трижды прокричали «ура». Чтобы поднять дух своих команд, французские капитаны заставили кричать «ура» и своих матросов, но из этой затеи ничего не получилось. «Ура» вышло жиденьким и вызвало у английских матросов только громкий смех, а у французских еще большее уныние. Спустя каких-то пять минут с «Геррье» упали грот- и бизань-мачты. Почти одновременно рухнула в волны и грот-мачта «Конкерана», удачно перебитая артиллеристами «Голиафа».

К этому времени основная часть английской эскадры уже приблизилась к французской линии вплотную и стала обходить ее со стороны моря, беря тем самым противника в два огня. В шесть часов сорок минут вечера флагман Нельсона «Вэнгард» бросил якорь напротив «Спартанца» и «Аквилона», открыв сразу же по обоим яростный огонь. По кратчайшему пути достигли своих мест боя «Одасьез» и «Тезей».

– Передайте Гульдону и Миллеру, чтобы не вздумали бросать носовые якоря! – велел Нельсон, внимательно наблюдая за развитием ситуации. – Пусть бросают только кормовые!

Опытным взглядом Нельсон увидел, что если только «Одасьез» с «Тезеем» отдадут носовые якоря, то пройдет немало времени, пока течение развернет их в нужном направлении. За эти минуты французы смогли бы несколько раз пройти по их палубам всеокрушающими продольными залпами. Отдав же кормовые якоря, корабли почти сразу же вступили в бой. «Одасьез» расположился между изувеченным «Геррье» и «Конкераном», сразу же начав палить по обоим почти в упор.

Тем временем со стороны моря французов уже обходил третий корабль – это был «Орион». Разрядив мимоходом свои орудия в многострадальный «Геррье», Сомарец двинулся дальше, чтобы завершить окружение французского авангарда.

Капитан Сомарец направлял свой «Орион», тщательно выбирая противника. Описав большой круг, он прошел по правому борту «Тезея», который к тому времени уже вовсю дрался с французским «Спартанцем». В ходе этого маневра «Орион» подвергся храброй, но безрассудной атаке маленького фрегата «Сэръез», капитан которого отважно бросился спасать свои линейные корабли.

Старший лейтенант «Ориона» подошел к Сомарецу:

– Сэр! Давайте отгоним этого наглеца!

– Ни в коем случае! – повернулся к нему Сомарец. – Со стрельбой пока следует повременить! Пусть наш маленький друг наберется еще храбрости и подойдет как можно ближе! Прикажите убавить парусов и зарядить орудия правого борта двумя ядрами!

Когда фрегат сошелся с «Орионом» почти вплотную, последовала команда: «Огонь!» Десятки ядер устремились к цели. Минута и на месте храброго «Сэръеза» плавала лишь куча обломков.

Впрочем, честь уничтожения фрегата впоследствии оспаривала команда «Голиафа». Голиафцы утверждали, что это именно они нанесли «Сэръезу» решающие повреждения, а «Орион» только добил это обреченное судно.

Как бы то ни было, но без четверти семь вечера «Орион» отдал свой якорь между кормой «Пепль-Суверена» и носом «Франклина». Таким образом, теперь французский авангард был полностью окружен и спасти передовые французские корабли не могло уже ничто!

Команда «Ориона» была в полном восторге, их капитан так удачно поставил корабль, что они могли теперь драться сразу с двумя противниками, да к тому же еще и постреливать в сторону флагмана французского флота, стоявшего неподалеку.

Один из центральных моментов Абукирского сражения

– Первый залп по «Франклину»! – распорядился Сомарец. – Поглядим, насколько тверды барабанные перепонки у адмирала Бланке-Дюшайла!

Нельсон, расхаживая по квартердеку «Вэнгарда», некоторое время озабоченно поглядывал на корабли французского арьергарда, но затем махнул на них рукой.

– Думаю, что, находясь под ветром, они никак не смогут оказать помощь своим передовым собратьям! – сказал он капитану Эдварду Берри. – Не будем их пока даже трогать! Арьергард – это наш десерт!

– Думаю, сэр, что все именно так у нас и получится! – ответил капитан.

Как раз в это время произошла и первая накладка с английской стороны. Линейный корабль «Куллоден», намереваясь обойти «Леанр», плотно сел на каменный риф у острова Абукир. На большой зыби он быстро потерял руль, а вместе с рулем упустил и возможность участвовать в сражении. Капитан Трубридж рвал и метал. Но, что поделать, теперь ему надо было думать уже не об атаке противника, а о спасении собственного корабля.

В это время напротив французского «Аквилона», помимо «Вэнгарда», бросил якорь и «Минотавр», а следовавший за ним «Дефенс» проложил внешнюю английскую линию, встав далее напротив «Пепль-Суверена». Что касается шедших следом за ним «Белерофона» и «Межестика», то они прошли дальше с твердым намерением атаковать французскую кордебаталию. В скором времени «Белерофонт» несколько опрометчиво бросил якорь против 120-пушечного «Ориента», а «Межестик» борт в борт с «Тоннантом».

* * *

Над Абукирской бухтой быстро опускалась густая темнота, и с каждой минутой опознавать противника становилось все трудней. Чтобы капитаны не потеряли ориентиры и не спутали свои корабли с французскими, Нельсон распорядился поднять белые Георгиевские флаги и вывесить на бизань-мачтах по четыре зажженных фонаря.

Несчастный «Геррье», три часа подряд нещадно избиваемый со всех сторон, уже являл собой бесформенную грудку развалин, на которой едва успевали тушить пожары, но трехцветного флага, гордо развевающегося на обрубке грот-мачты, упорно не спускал. Капитан «Зилиеса» Гуд уже в какой раз кричал своему французскому коллеге капитану Трюллету предложения о сдаче, но тот молчал и отстреливался из последних пушек. Но с каждым залпом «Зилиеса» ответный огонь становился все слабее. И только когда в девять часов вечера Гуд направил к Трюллету шлюпку с офицером, чтобы еще раз предложить сдаться, его предложение было, наконец, принято.

Последнее, что успел сделать капитан Трюллет перед сдачей, это пустить брандер на палящий в отдалении по его собрату «Аквалону» «Орион». К этому времени «Орион» потерял уже почти все свои плавсредства. И его команда с ужасом ждала приближения самодвижущегося снаряда. На счастье «Ориона», брандер прошел всего в двадцати метрах от его левого борта.

Когда англичане взойшли на сдавшийся им «Геррье», их взору предстала жуткая картина: бушприт и корма разбиты вдреизг, борт вырван огромными кусками, вся палуба завалена рангоутом и такелажем, повсюду горы трупов и реки крови. При всем этом якорный канат французского линкора остался цел и крепко держал разбитый корабль под огнем английских пушек.

Почти одновременно с «Геррье» пришла и очередь его ближайшего соседа «Конкерана». Против этого бедолаги дрались «Голиаф» и «Одасьез», причем последний расстреливал его непрерывными продольными залпами. Вскоре после начала сражения был тяжело ранен капитан «Конкерана» Дальбрад. Спустя четверть часа интенсивного обстрела «Конкеран» потерял все свои мачты и выбросил белый флаг пощады.

Следующий во французской линии корабль «Спартанец» сошелся в поединке с «Тезеем». Однако вскоре с правой стороны его атаковал еще и «Вэнгард». В довершение всего огонь по «Спартанцу» из своих кормовых орудий открыл и «Минотавр». А едва сдался «Конкеран», как в «Спартанец» полетели ядра и с «Одасьеза». Выстоять в таком огне было просто невыносимо. Некоторое время «Спартанец» кое-как держался, но затем потерял все мачты, большую часть команды и вынужден был также спустить свой флаг.

Морское сражение при Абукире

На помощь «Спартанцу» пытался было прийти «Аквилон». Не имея против себя конкретного противника, он удачно вытянул шпринг и начал расстреливать продольными залпами «Вэнгард». Флагман английской эскадры в считанные минуты получил тяжелые повреждения и потерял больше сотни человек. Впрочем, «Вэнгарду» повезло: у него уцелели все мачты. Отлетевшей щепой был ранен в голову Нельсон. На некоторое время ему пришлось даже сдать командование эскадрой. Однако обстановка для англичан улучшилась. Вскоре на «Аквилон» обрушил всю мощь своего огня «Минотавр», а с левого борта по нему почти одновременно начал палить и «Тезей». Теперь «Аквилону» стало уже не до «Вэнгарда». Впрочем, капитан Тевенарда сопротивлялся отчаянно. На «Минотавре» он в несколько залпов выбил еще сотню человек и с полсотни на «Тезее».

К этому времени гремело и полыхало уже по всей линии. В ночной темноте то там, то здесь вспыхивали выстрелы, слышался треск ломаемого ядрами дерева и отчаянные крики погибавших. От огня «Дефенса» и «Ориона» рухнули мачты на «Пепль-Суверене». Обрубив якорный канат, он с большими повреждениями выбрался из линии и бросил якорь невдалеке от флагманского «Ориента». В перестрелке досталось и «Дефенсу». У него слетела за борт фор-стенга, разлетелся в куски бушприт, потери составили два десятка матросов. «Орион» при этом потерял не менее сорока человек.

Попал в хорошую переделку «Белерофон». Он неудачно занял боевую позицию против 120-пушечного «Орента» и поплатился за это. Французы быстро сбили ему вначале бизань-, а потом и грот-мачту. По всей палубе полыхали пожары, выглядевшие на фоне ночного неба особенно зловеще. Наконец, к половине девятого вечера «Белерофон» не выдержал огня, обрубил канат и с помощью вспомогательного паруса-блинда, который кое-как укрепили под огрызком бушприта, начал выходить из зоны огня. Но и здесь «Белерофону» не повезло, беспомощно дрейфуя вдоль линии сражения, он поочередно попал в начале под огонь «Тоннанта», а затем еще и «Эре». Когда кораблю все же удалось выбраться в сторону от боя, на его борту было уже две сотни убитых и раненых. На этом участие «Белерофона» в сражении завершилось. Состояние линейного корабля было такое, что с ним шутя теперь бы расправился последний фрегат.

Битва у Нила

Против французского линкора «Тоннант» дрался «Маджестик». И ему не слишком повезло. Спустя полтора часа напряженного боя он потерял своего капитана Джона Уэсткотта, сраженного меткой пулей. Место капитана тут же заступил лейтенант Куберт, который сражался с не меньшим мужеством.

Что касается концевых кораблей нельсоновской эскадры «Александера» и «Суифтшюра», то, заходя на Абукирский рейд, они направили форштевни своих кораблей прямо на каменный риф. Спасло их только то, что уже сидящий на соседнем каменном рифе на своем «Куллодене» Трубридж предупредил капитанов о грозящей опасности. Оба линкора вовремя отвернули в сторону.

В девятом часу вечера, правя в темноте по огням орудийных вспышек, «Суифтшюр» поравнялся с чадящим корабельным остовом. Посчитав его недобитым французом, капитан Венеамин Галлоуэль приказал готовиться к атаке. Однако одновременно дал запрос «свой»-«чужой». И вовремя, ибо корабельный остов оказался не чем иным, как разбитым в конец «Белерофоном». Быстро сориентировавшись в обстановке, Галлоуэль направил свой корабль к «Оренту» и бросил якорь в каких-то тридцати метрах от него. Взяв паруса на гитовы, он сразу же открыл яростный огонь. Рядом храбро дрался с французским «Франклином» маленький 50-пушечный «Леандр». Подошел и сосредоточил огонь по «Ориенту» концевой корабль английской эскадры «Александр».

Французский флагман бился с неслыханным упорством. Наверное, если бы победа в тот день присуждалась храбрейшему, то именно вице-адмирал Брюес заслуживал быть победителем. Уже в самом начале сражения он получил ранения в руку и лицо, но кое-как перевязавшись, продолжал руководить боем. В восемь часов вечера английское ядро разорвало его напополам. Последними словами умирающего были:

– Не уносите меня вниз! Французский адмирал должен умирать на шканцах!

Спустя полчаса Брюеса не стало. Смерть избавила его от тяжелой участи быть свидетелем разгрома своего флота.

А сражение было в самом разгаре. «Орион» бил по «Франклину» до тех пор, пока «Леандр» не подошел его подменить. Периодически в обстрел «Франклина» подключался и «Минотавр». Когда же в половине девятого «Пепль-Суверен», не выдержав неприятельского огня, спустился под ветер, то освободившийся «Дефенс» тоже принялся расстреливать «Франклина».

Тот из последних сил держался до без четверти десять, а потом, не видя иного выхода, сдался. Именно в этот момент наступил самый драматический момент сражения, настолько поразивший всех его участников, что пальба с обеих сторон была на несколько минут прекращена.

Еще в девять часов вечера начался сильный пожар на «Ориенте». Пламя поднималось настолько высоко, что его видели все.

Адмирал Франсуа Поль Де Брюе

– Не ясно, кто горит, но ясно, что ему конец! – мрачно констатировал Нельсон, наблюдая за полыхающим в ночи гигантским костром.

Несмотря на это, «Ориент» продолжал упрямо отбиваться. Тогда дравшийся с ним «Суф-тшюр» немедленно навел пушки на горящую часть огромного корабля, дал несколько точных залпов. Этого оказалось достаточно. Пламя в один миг охватило всю палубу французского флагмана. Взвившись по рангоуту с необыкновенной быстротой, оно превратило весь линейный корабль в пылающий факел. В десять часов вечера «Ориент» взлетел на воздух с ужасным грохотом. Спустя какое-то мгновение лишь густое облако дыма и пепла указывало место, где он только что сражался.

Сражавшиеся с «Ориентом» английские линейные корабли «Александр», «Суифтшюр» и «Орион» немедленно забили свои орудийные порты и люки, убрали с палубы все горячие материалы, а по бортам поставили матросов с ведрами. Они едва успели загасить тот каскад искр, который обрушился на их корабли при взрыве «Ориента». От взрывной волны у трех британских линкоров разошлись пазы в корпусе. И теперь, если наверху одна часть их команд боролась с огнем, то внизу другая с водой. Горящая часть обломков перелетела близко стояв-

ший «Суифтшюр» и упала в воду. Лишь два больших обломка угодили на его фор-грот-марсы, не причинив, впрочем, большого вреда. Часть обломков достала и «Александера», располагавшегося несколько далее от «Ориента». При этом на «Александре» загорелись бом-брамсель и кливер. Экипаж с трудом, но погасил возникший пожар, но пришлось отрубить утлегарь и блинда-рей, а затем оттянуться подальше от линии баталии.

Из французских кораблей более иных от взрыва «Ориента» пострадал близстоящий «Франклин». Вся его палуба была завалена кусками раскаленного железа, обломками, горящими концами. Корабль вспыхнул, словно свечка, но храбрый экипаж успел вовремя потушить очаги пламени. Еще один из стоящих рядом мателотов «Тоннант» перед самым взрывом успел, обрубив якорный канат, отойти от обреченного флагмана. То же самое проделали и находившиеся несколько в отдалении «Эре» и «Меркурий».

Битва у Нила: разрушение «Ориента»

Со стоявшего рядом с погибшим «Ориентом» «Ориона» матросы по приказанию капитана Сомареца начали спасение погибавших. Те вытаскивали из воды обожженных французов, пере-одевали в матросское белье и загоняли в трюм, чтобы не путались под ногами.

Спустя десять минут после взрыва «Ориента» резко усилился ветер, как бы дав сигнал к продолжению взаимного истребления. Первым опомнился после взрыва и открыл огонь «Франклин», несмотря на то что большинство его пушек уже были сбиты. Но действовал еще его нижний дек, и «Франклин» открыл им пальбу по «Дефенсу» и «Суифтшюру». Оба английских линкора с ответом ждать себя не заставили. Несколько залпов в упор – и на «Франклине» были сбиты все мачты. Потеряв половину команды убитыми и ранеными, «Франклин» сдался на милость победителя.

На протяжении четырех убийственных для французов часов их арьергард только видел и слышал происходящее рядом с ним, но не предпринял даже попытки поддержать своих изнемогающих в неравной битве товарищей. Один лишь «Тимoleon», поставив марсели, напрасно ждал сигнала к съемке с якоря, но такового ему так никто и не дал.

Ранение Нельсона в сражение в битве при Абукире

Наступила полночь. А над Абукирской бухтой продолжали греметь залпы. К этому времени из всех французских кораблей продолжал отбиваться от неприятеля только неустрашимый «Тоннант». Его ядра по-прежнему наносили большой урон «Суифтшюру», тем более что тот не мог на них отвечать. Однако все же главным противником одинокого «Тоннанта» был не «Суифтшюр», а «Межестик». Они отчаянно бились друг с другом еще целых три часа. Наконец в начале четвертого часа утра «Тоннант» сбил грот- и бизань-мачты «Межестика», однако почти сразу после этого полетели за борт и мачты самого «Тоннанта».

* * *

В ту ночь было много храбрых, однако капитан «Тоннанта» Дюпти Туар дрался с отвагой, перед которой меркнет любое перо. Он вел огонь со своего корабля, пока не были сбиты все мачты, пока у немногих оставшихся еще орудий не осталось уже живых артиллеристов, способных эти несколько пушек заряжать и наводить. Но даже и тогда, вместо того чтобы сдаться, он обрубил канат и вышел из-под огня. К этому времени «Тоннант» даже отдаленно не напоминал корабль. Это был лишь насквозь дырявый и еще каким-то чудом державшийся на воде кузов. По свидетельству очевидцев (которым просто страшно верить!) Дюпти Туар потерял в начале боя руку, потом другую, а затем ему оторвало еще и ноги. Несмотря на это, Дюпти Туар не разрешил, чтобы его унесли вниз. По приказу капитана матросы наскоро сделали ему перевязку, а затем поставили кровотокащий человеческий обрубок в кадку с отрубями. Находясь в таком положении, капитан «Тоннанта» еще некоторое время руководил боем, пока окончательно не истек кровью и не умер. Надо ли говорить, что, видя такой пример отваги и чести своего капитана, матросы сражались с противником как одержимые. Уже умирая, Туар подзвал к себе одного из немногих оставшихся в строю офицеров и прошептал:

– Корабль ни в коем случае не сдавать, а при безвыходном положении затопить!
Это были его последние слова...

«Тоннанта» во время битвы на Ниле

Ныне Дюпти Туар национальный герой Франции, на примере которого воспитано уже немало поколений французских моряков. И это совершенно правильно, ибо только самые высокие подвиги способны зажечь огонь самопожертвования в молодых сердцах.

Вскоре, прекратив отвечать на огонь англичан, «Тоннант» удалился под ветер и занял новое место в строю впереди «Вильгельма Телля». Преследовать его противник не решился.

В полной темноте сражение несколько поутихло, лишь в отдельных местах пальба так и не прекратилась. Однако с первым лучом солнца оно было снова продолжено, причем с еще большим ожесточением. В 4 утра французы силами четырех кораблей (среди которых был и неутомимый «Тоннант»!) обрушились на «Александр» и уже порядком избитый «Меджестик». Однако и здесь добиться перевеса французам не удалось. Вскоре к двум британским линкорам подошли еще два – «Тезей» и «Голиаф». Дав несколько залпов, спустил флаг французский фрегат «Аретуза», командир которого необдуманно выскочил перед ними. С «Тезея» отправили было на «Артемиз» шлюпкой призовую партию, но французы, съехав на берег, взорвали свой фрегат. Тем временем еще четыре французских линкора и два фрегата, дрейфуя под ветер от английских кораблей, намеревавшихся их атаковать, оказались вскоре вне досягаемости английских пушек.

Аристид Обер Дюпти Туар

Около 6 часов утра «Зилиес», «Голиаф» и «Тезей» снялись с якоря. Повинуясь сигналу Нельсона, они снова атаковали французские корабли. Вскоре еще два французских линкора «Эрю» и «Меркурий» выбросились на мель и подняли белые флаги.

В 11 утра линейные корабли «Женере», «Вильгельм Телль» и «Тимолеон» с фрегатами «Джустик» и «Диана», до этого практически не участвовавшими в сражении, подняли все возможные паруса и в самый крутой бейдевинд устремились на выход из бухты. Шедший последним линкор «Тимолеон», находясь под ветром, не сумел выйти из бухты одним галсом, а

потому выбросился на берег. Бежавших французов пытался преследовать «Зилиес», однако был возвращен к эскадре сигналом Нельсона.

Командующий не желал более рисковать, так как дело и так было сделано и сделано блестяще. Из тринадцати французских линейных кораблей один был взорван, а восемь захвачены. Два линкора с двумя фрегатами бежали, а последние два линейных корабля, разбитые вконец, стояли неподалеку от английской эскадры не в силах дать ход. Это были «Тимолеон» и храбрый «Тоннант». На последнем матросы, выполняя приказ своего погибшего командира, прибили флаг к мачте гвоздями. Но и у Нельсона уже тоже не было сил атаковать. В таком неопределенном положении противники провели остаток дня и целую ночь.

* * *

Лишь утром 23 июля «Тезей» и «Леандр» снялись с якоря и подошли к «Тоннанту». Тот отбиваться уже не мог. Поэтому остатки французской команды взорвали свой корабль и переправились на берег. С собой они унесли и обезображенное тело Дюпти Туара.

Молебен на флагмане Нельсона Вэнгарде после Абукира. Раненного Нельсона под-держивает капитан Берри

Вскоре на «Вэнгард» к Нельсону прибыл шлюпкой капитан Джеймс Сомарец. Нельсон встретил его на шканцах. Голова контр-адмирала была забинтована. Сомарецу тоже досталось. У него были контужены бедро и бок. Вначале капитан поздравил Нельсона с победой, и тот заулыбался в ответ. Но затем Сомарец решил высказаться об ошибках Нельсона.

– Очень жаль, что мы не... – только и успел произнести он.

Не желая слушать от подчиненного критику в свой адрес, Нельсон оборвал Сомареца, прокричав в ответ:

– Слава богу, что мы не находились в желаемом вами порядке!

С этими словами он опрометью бросился вниз со шканцев и скрылся в своей каюте. Обескураженному Сомарецу не оставалось ничего другого, как убраться на свой корабль. Историки считают, что Сомарец решил упрекнуть Нельсона за маневр между французским флотом и берегом, который он считал излишне рискованным и невыгодным. Именно эта стычка на шканцах «Вэнгарда» будет стоять Сомарецу карьеры. Нельсон не смог никогда простить

опытнейшему капитану (который был к тому же старше его возрастом) даже попытки критики в свой адрес. Он отказался представить его к награждению по итогам сражения, где Сомарец сыграл далеко не последнюю роль!

Окончательным итогом Абукирского погрома была потеря французами 11 кораблей и 5 тысяч человек. Английские потери составили 895 человек. Французского Средиземноморского флота больше не существовало!

23 июля на эскадре победителей был отслужен благодарственный молебен, на котором все стояли со слезами на глазах. Затем Нельсон горячо благодарил своих капитанов. Тогда же офицеры английской эскадры собрали 600 фунтов стерлингов, чтобы раздать их вдовам и детям погибших матросов.

Узнав о трагедии в Абукирской бухте, Бонапарт был вне себя. Еще бы, теперь он был отрезан от Франции, а вместе с тем от всякой помощи и предоставлен самому себе. На людях Бонапарт еще держался и даже ободрял своих соратников:

– У нас больше нет флота. Что ж, нам остается только погибнуть или выйти отсюда великими, как древние!

Армия уже не слишком верила в своего полководца, впрочем, и он, оставаясь в одиночестве, хватался за голову:

– Брюес, несчастный, что ты со мной сделал!

Получив известие о разгроме при Абукире, члены французской исполнительной дирекции распорядились срочно укрепить Корфу, Анкону, Мальту и Корсику, чтобы любая попытка их атаки с моря была обречена на неудачу.

* * *

Тем временем в Абукирской бухте Нельсон провел ревизию захваченным французским кораблям. Три из них из-за больших повреждений были сожжены. Остальные шесть под командой Джеймса Сомареца отправлены в Гибралтар в распоряжение командующего британским Средиземноморским флотом адмирала Сент-Винцента.

Весть об истреблении французского флота быстро достигла Тулона. Приморские города погрузились в траур. Почти в каждом доме оплакивали отца, сына, брата. Люди проклинали директорию, однако до уличных беспорядков дело не дошло. Еще свежи были воспоминания о якобинском терроре.

Причинами сокрушительного поражения французов при Абукире (в Англии и сегодня принято называть его сражением при Ниле) историки единодушно считают выдающиеся командные качества Нельсона, прекрасную выучку команд на его кораблях, которая особенно бросалась в глаза на фоне слабой подготовки французских команд, ослабленных революционными репрессиями, нерешительность адмирала Брюеса и трусость командующего французским авангардом адмирала Вильнева. Последнее обстоятельство особенно волнует французских историков, которые вот уже более двухсот лет пытаются найти объяснение более чем странному поведению командира французского арьергарда.

Карикатура на Нельсона и его команды борту «Вэнгард» после битвы на Ниле. Эта карикатура отражает национальные чувства британцев к Нельсону, к его поведению и отношению к своим людям.

В отношении преступного поведения Вильнева историк французского флота адмирал Журьен-де-ла-Гравьер писал: «Во власти Вильнева была единственная вероятность склонить перевес на сторону французов, и между тем, удерживаемые какою-то пагубною инерцией, корабли эти так долго оставались спокойными зрителями этой неравной борьбы! Они были под ветром у сражавшихся, но только мертвый штиль мог помешать им преодолеть слабое течение, господствовавшее у этого берега; штиля, однако, не было, и они одним галсом могли бы занять место, более чем приличное. Длина линии не превышала полторы мили, а им достаточно было подняться на несколько кабельтов, чтобы принять участие в деле. Корабли Вильнева имели в воде по два якоря, но они могли бы обрубить канаты в восемь, в десять вечера, чтобы идти выручать авангард, точно так же, как на другой день, в одиннадцать часов утра, они обрубили их, чтобы избежать поражения. Если бы даже они лишились средства вновь встать на якорь, то они могли бы сражаться под парусами, или, наконец, абординировать какой-нибудь из неприятельских кораблей. Словом, чтобы они не сделали, все было бы предпочтительнее, чем их бедственное бездействие...»

Пьер-Шарль-Жан-Батист-Сильвестр де Вильнёв

* * *

Что касается англичан, то и у них есть своя тайна Абукира. Дело в том, что по сегодняшний день остается вопрос: кто же принял судьбоносное решение обойти французский флот и атаковать его со стороны берега, Фолей или Нельсон? Этот спор весьма напоминает аналогичный спор английских историков о том, кто является автором знаменитого маневра прорезания французского флота в сражении при Мартинике, адмирал Родней или его флаг-капитан?

В случае Абукира авторство Нельсона, как и авторство Фолея, имеет множество свидетельств. Увы, даже этот частный факт наглядно показывает, как мало можно полагаться на память и на мнения людей! Достоверно известно, что Нельсон не делал никакого сигнала своим кораблям обходить неприятельскую линию. Очень характерное признание по этому поводу сделал капитан Гуд, который на своем корабле следовал за «Голиафом» Фолея, с которым они вместе атаковали французский линкор «Геррье»: «Этот корабль стоял всего на 35-футовой (10,5-метровой) глубине, и я все время боялся, что «Голиаф» и «Зилиес» станут на мель, и никак не допускал мысли, что мы попытаемся пройти между ним и берегом». Это признание доказывает, что Нельсон не давал на обход французов никаких указаний. Однако при этом некоторые капитаны утверждают, что такой маневр якобы обсуждался Нельсоном ранее и Фолей исполнил только то, что он него хотел командующий. Приоритет Фолея подтверждает и английский адмирал Броун, который служил позднее с Фолеем и не раз слышал от последнего рассказ об Абукире. Броун пишет: «Положительно, могу подтвердить тот факт, что Фолей вел британскую эскадру без предварительных условий и указаний». Капитан Берри утверждал: «Составленный Нельсоном план сражения был точно выполнен в бою».

Не соответствует истине утверждение английских историков об уникальности нельсоновского маневра. Именно проходом вдоль берега в 1676 году знаменитый французский адмирал Турвиль разбил объединенный голландско-испанский флот. А еще за 300 лет до этого английский же король Эдуард Третий аналогично выиграл сражение при Слюи. И совсем уж невозможно поверить, что Англичане (включая и самого Нельсона) не знали о маневре с обходом под берегом турецкого флота, примененным в 1791 году вице-адмиралом Ушаковым в сражении у мыса Калиакрия.

* * *

Впрочем, Абукир имел еще и послесловие. Через день после сражения Нельсон вызвал к себе капитана Томпсона:

– Дорогой Томас, я предоставляю тебе честь первым известить мир о великой победе британского флота! Вот пакет с моими депешами по Абукиру, доставишь графу Сент-Винсенту!

– Благодарю за оказанную честь!

Спустя несколько часов 50-пушечный линейный корабль «Леандр» покинул Абукирскую бухту, где еще догорали остатки французского флота. Среди трофеев Томпсон должен был отвезти шпаги плененных французских капитанов, которые Нельсон презентовал лондонскому лорду-мэру. На «Леандре» отправился и капитан «Вэнгарда» Берри.

На рассвете 18 августа с «Леандра» увидели к зюйд-осту неизвестный линейный корабль, приближавшийся попутным ветром.

Томпсон с тревогой смотрел на неизвестный корабль. Дистанция была еще очень далека, чтобы рассмотреть флаг, но капитан был обеспокоен. Дело в том, что во время сражения корабль уже потерял более трех десятков человек, помимо этого перед выходом в море с «Леандра» передали на захваченные в сражении призы лейтенанта и пятьдесят лучших матросов. Таким образом, у Томпсона не хватало более трети команды. Кроме этого «Леандр» никогда не принадлежал к хорошим ходакам, да и полсотни стволов для линейного корабля не бог весть что.

В своей биографии «Леандр» уже имел на счету один поединок с неприятельским линейным кораблем. В 1789 году, крейсируя у берегов Ост-Индии, он встретился с 74-пушечным французским кораблем «Плутон». Тогда все было по-иному. «Леандр» атаковал, а «Плутон» защищался. После двух часов жаркого боя «Плутон» спасся бегством. Что получится на этот раз, не знал пока никто.

Видя, что уйти ему не удастся, Томпсон велел править так, чтобы с наибольшей выгодой встретить возможного противника. Он еще не знал, что наперерез ему спешит 74-пушечный «Женере» капитана Лежоалья. Находясь в арьергарде французского флота при Абукире, Лежоаль успел обрубить якорь и выскочить в открытое море. Теперь у него был хороший шанс поквитаться за пережитый позор.

К 8 часов утра «Женере» под неаполитанским флагом приблизился на пушечный выстрел. «Леандр» в то время шел под всеми парусами в галфвинд левым галсом. Затем «Женере» сменил неаполитанский флаг на турецкий, но это было лишнее – англичане уже опознали противника.

В 9 часов утра французский линейный корабль привелся к ветру и стал выходить на позицию открытия огня.

Томпсон изо всех сил работал парусами, чтобы привести противника под свои пушки. Лежоаль, заметив это, разрядил орудия по «Леандру», не удачно – большинство ядер пролетели перед носом английского корабля. Зато в ответ получил залп всего борта.

Поединок начался, корабли постепенно сближались. Французы приготовились к abordажу, имея большое численное превосходство в людях, Лежоаль рассчитывал на успех в руко-

пашной схватке. Еще один обмен залпами. Осколком щепы был ранен Томпсон. На этот раз точнее был «Женере». Английский линейный корабль получил большие повреждения в мачтах, парусах и такелаже. Вдобавок ко всему стих ветер, что тоже было на руку французам, так как мачты «Женере» были выше, чем на маленьком «Леандре».

Теперь Томпсон не мог уклониться от навала. «Женере» ударил носом в левый крамбол «Леандра», а потом протерся вдоль его борта, сорвав несколько портов нижнего дека. Огонь английских стрелков пока сдерживал французов от атаки. Орудия обеих кораблей в упор расстреливали друг друга. Но в это время подул небольшой ветер. Первыми натянулись паруса «Женере», и, отойдя от «Леандра», он повернул ему под нос. Английский корабль был в самом жалком положении. Вскоре «Женере» привелся к ветру, а «Леандр» развернулся и прошел у него за кормою. Томпсон воспользовался ситуацией и разрядил французам в корму свои пушки. Это был успех, но, увы, успех последний. Тут же француз развернулся и ответил всем бортом. А так как дистанция между кораблями была самая минимальная, ни одно французское ядро не пропало даром. Был ранен капитан Берри, в него попал оторванный человеческий череп. Дважды ранен был и Томпсон.

Ветер снова стих и на море воцарился полный штиль, но перестрелка не прекращалась. В это время «Женере», уловив легкий порыв, спустился к ветру и занял положение на левом крамболе «Леандра». Пушки английского корабля были завалены обломком фор-стенги и не могли действовать. Лежоаль, видя, что противник прекратил огонь, прокричал:

– Так вы сдаетесь или нет?

«Леандр» находился к этому времени уже в совершенно беспомощном состоянии: нижние реи упали на планширь, а весь рангоут, исключая бушприт, был сбит ядрами «Женере». Напротив того, французский корабль имел весь рангоут, исключая крьюс-стенги целым, а потому спускался вдоль «Леандра», намереваясь зайти ему с кормы. Понимая, что после этого залпа ему конец, Томпсон прицепил на шпагу французский гюйс и принялся размахивать им, крича:

– Мы сдаемся! Не стреляйте!

Так как все шлюпки на «Женере» были разбиты, боцман и несколько мичманов бросились в воду, переплыли на «Леандр» и вступили в командование призом.

Нельсон – герой битвы при Ниле. Народный лубок

Всего бой длился шесть часов. За время боя «Леандр» потерял трех мичманов и более трех десятков матросов, почти шестьдесят человек было ранено. Позднее англичане писали, что французы потеряли сотню убитыми и две сотни ранеными, но эти цифры сильно завышены. Вряд ли потери на «Женере» были больше, чем у англичан.

Историк Джеймс, сам пораженный поведением своих сдавшихся соотечественников, пишет: «Экипаж “Леандра”, покорявшийся угнетениям новых владельцев, более всякого другого, доказал ненарушимость правил сдачи; львы превратились в ягнят, и неповиновение их оказалось только в самовольном спуске шлюпки для переезда капитана Томпсона и офицеров

на “Женере”, также для взятия с французского корабля человека высших достоинств с более благородными чувствами, нежели бессмысленные мичмана, к нам прибывшие. Капитан Томпсон и офицеры его, ждавшие ласкового приема, скоро увидели свою ошибку. Французский командир совершенно ободрал их. Г. Лежоаль позволил пленнику оставить у себя только три рубашки и взамен платья дал ему старую шинель. Корыстолюбец не позволил даже храброму капитану удержать куртку, в которой он был ранен».

Томпсон и офицеры старались умиловить французов, но тщетно.

– Очень жаль, но мои матросы привыкли грабить! – посмеялся Лежоаль над сетованиями своего английского коллеги.

В разговор вмешался капитан Берри:

– Пусть ваши люди вернут мне пару моих турецких пистолетов, их отнял какой-то ваш матрос.

– Это наглость! – согласился Лежоаль.

Матроса-мародера нашли, отобрали дорогие пистолеты, но они понравились Лежоалю, и он забрал их себе.

Отобрали французы ланцеты и у английского врача.

– А чем мне оперировать раненых? – опешил тот.

– Вначале наши врачи прооперируют наших раненых, а потом вы займетесь своими, впрочем, возможно, что к тому времени работы у вас будет уже не так много! – посмеялись французские матросы.

Тем временем английские матросы вооружили фальшивый рангоут, часть запасного такелажа перевезли для этого с «Женере».

Когда оба корабля двинулись к Корфу, вдалеке показался бриг «Мютэн», который вез дубликаты писем Нельсона. Увидев приближение английского брига, французы загнали на «Леандре» команду в трюм, забили люки и приготовились к бою. Любопытно, что на бриге избитый «Леандр» не опознали. Его приняли за французский «Вильгельм Телль», а потому предпочли обойти линейные корабли стороной.

На Корфу пленным английским офицерам разрешили вернуться в Англию под честное слово. Матросы же остались в плену.

Мы еще встретимся и с «Женере» и с его капитаном Пьером Лежоалем...

Глава седьмая

Паруса, полные ветра

В Константинополе известие о высадке французов в Египте и захвате Александрии вызвало настоящий шок. Этого, разумеется, все давно опасались, но надеялись, что ничего подобного не случится, ведь у французов столько дел в Европе! И вот теперь безбожники франки грабят главную житницу Высокой Порты! Напрасно Бонапарт пытался представить захват Египта, как свержение мамлюков во имя султана. Обмануть в Константинополе ему не удалось никого. Там множились слухи, что Бонапарт поклялся страшной якобинской клятвой разорить Мекку и Медину, а в Иерусалиме восстановить жидов. Это было уже слишком! Разгневанный Селим Третий во всеуслышание объявил:

– Я готов без устали воевать тридцать лет, спать на войлочной циновке, греться у тлеющего кизяка и питаться прелыми лепешками, но я вышвырну франков из Египта!

Толпы горожан кричали, требуя объявления газавата. Янычары били себя кинжалами в грудь и, истекая кровью, умоляли послать их убивать проклятых франков. Великий визирь Изет Мегмет-паша немедленно отдал распоряжение о подготовке турецкого флота к нападению на французов у египетских берегов.

После недолгих разговоров с членами дивана, Томара понял, что объявление войны Франции – вопрос уже решенный.

А вскоре великий визирь пригласил к себе российского посла и без долгих экивоков предложил объединить флоты.

– Но ведь договор между нашими державами еще не подписан? – на всякий случай поинтересовался Томара, хотя все прекрасно понял.

– Э! Договор – простая бумажка! – махнул рукой Изет Мегмет-паша. – Мы его все равно подпишем, пока же надо напасть на франков. Слуга дьявола Бонапарт алчен, проглотив Египет, он захочет проглотить и Стамбул. И как знать, наестся ли он тогда и не захочет ли еще полакомиться Россией!

– К сожалению, флот наш сейчас в крейсерстве, – развел руками посол, – И прежде чем плыть к Египту, ему надо вернуться в Севастополь и пополнить запасы.

– Ай! – вскинул вверх ладони великий визирь. – Слушай, зачем возвращаться! Что надо, мы все дадим!

– Думаю, снаряжение не займет много времени. Во главе эскадры известный вам Ушак-паша. Он сумеет быстро приготовить корабли.

– Пусть Ушак-паша и плывет к Египту! – сразу оживился великий визирь. – Вашего капудан-пашу Мордвина нам не надо! Он глуп на море, и франки его побьют. А Ушак-пашу мы помним хорошо, много бед он сделал в прошлую распрю. Пиши царю Павлу, что султан просит только Ушак-пашу!

– Думаю, что через месяц вы можете предупредить начальников крепостей в Босфоре о прибытии российских кораблей! – подумав, объявил Томара.

* * *

В последние дни июня император Павел Первый разбирался с очередной жалобой с Черноморского флота. Вместе со своим любимцем адмиралом Кушелевым они решали, как прекратить изрядно всем надоевшую тяжбу двух черноморских флагманов – Мордвинова и Ушакова.

На Черноморском флоте на самом деле было далеко не все ладно. Дело в том, что с момента своего создания при Екатерине Второй Черноморский флот не подчинялся адмиралтейств-коллегии и был почти полностью самостоятельным. На этом тогда настоял всеильный князь Потемкин, который подчинил флот лично себе. Это облегчало светлейшему решение на мес-те многих вопросов. Но умер Потемкин, потом ушла из жизни императрица Екатерина, а южный флот России так и остался подчиненным самому себе. Старшего черноморского флагмана адмирала Мордвинова такое положение дел вполне устраивало. Еще бы, ведь он никому не был подотчетен и властвовал так, как ему хотелось.

Личность адмирала Николая Семеновича Мордвинова вообще весьма примечательна. В прошлую войну с турками он показал себя как совершенно никчемный флотоводец и был отрешен от командования кораблями. На берегу Мординов чувствовал себя уверенней. Он любил заниматься хозяйственными делами, считался просвещенным экономистом, слыл либералом и значился масоном. Уже много лет спустя масоны-декабристы будут именно его прочить в масонское правительство России. А потому частный, на первый взгляд, конфликт между русофилом Ушаковым и масоном-англоманом Мордвиновым на самом деле имел весьма серьезную подоплеку.

Николай Семёнович Мординов

Когда после воцарения у Павла Первого дошли руки до черноморцев, то он своим указом вернул самостийников в лоно адмиралтейств-коллегии. Однако одно дело написать указ и совсем другое воплотить его в жизнь. Известие о подчинении адмиралтейств-коллегии мгновенно разделило черноморцев на две партии. Первая из них, состоявшая из чиновников флот-

ских управлений, сидевших в Николаеве, во главе с главным командиром Черноморского флота и портов адмиралом Мордвиновым, была недовольна указом, ведь отныне они не могли единолично распоряжаться огромными деньгами и властвовать так, как хотела их левая нога. Другая часть черноморского офицерства – корабельные офицеры и в первую голову командиры судов, находящиеся в Севастополе, наоборот, были рады концу чиновничьего произвола и почти узаконенного воровства. Эту партию возглавил командующий корабельной эскадрой вице-адмирал Ушаков.

Противостояние двух группировок сразу же стало очень острым. Поводом для конфронтации стала постройка двух новых линейных кораблей «Святой Петр» и «Захарий и Елисавет». Херсонский корабельный мастер Катасонов впервые в российском кораблестроении применил в них новую конструкцию: бак и шканцы были соединены сплошной палубой. Это давало ряд преимуществ, прежде всего, повышалась жесткость корабельной конструкции. Строительство линейных кораблей происходило по инициативе Мордвинова, что сразу вызвало неприятие в Севастополе.

Против новоустроенных кораблей решительно выступил вице-адмирал Ушаков. Севастопольский флагман и его окружение считали новые корабли неудобными в работе с парусами, из-за излишней задымленности при ведении огня и большой парусности корпуса, которая затрудняла маневрирование. Дело осложнялось еще и тем, что командиром «Святого Петра» являлся капитан I ранга Сенявин, сторонник Мордвинова и давний недруг Ушакова. Когда-то Сенявин, еще будучи молодым генеральсь-адъютантом князя Потемкина, ослушался и сдержил Ушакову, но был быстро поставлен на место самим князем. Теперь же Сенявин нашел поддержку у Мордвинова и, пользуясь этим, снова частенько выходил за рамки субординации.

Командиром же «Захария и Елисавет» являлся, наоборот, один из ближайших соратников командующего эскадрой капитан I ранга Ознобишин. Оба они давали совершенно противоположную оценку мореходным и боевым качествам своих кораблей. Если Сенявин хвалил новую конструкцию, то Ознобишин, наоборот, считал ее весьма неудачной. Для Мордвинова негативное отношение Ушакова к его нововведению было очень болезненным, так как, в случае проигрыша спора, он оказывался в дураках перед императором Павлом и сразу возникал вопрос о его компетенции как моряка. Так как адмиралтейств-коллегия негативно относилась к сепаратизму Мордвинова и к нему самому, то ее члены немедленно поддержали Ушакова. В затянувшийся на два года скандал постепенно втягивался все более широкий круг людей вплоть до самого Павла Первого. При этом в ход шло все: подтасовка фактов, давление на подчиненных и доноительство, где преуспевала мордвиновская партия.

Поддерживая Ушакова, адмиралтейств-коллегия провела финансовую инспекцию в Одесском порту, где выявила вопиющее воровство. Над Мордвиновым стали сгущаться тучи. Теряя выдержку, он опустился до прямых оскорблений командующего эскадрой. Тот, не оставшись в долгу, написал жалобу на высочайшее имя, жалуюсь «на неприятство и политическое притеснение».

Затем последовал откровенный скандал. Началось с того, что на совещании флотских флагманов Ушаков пожаловался Мордвинову на недостойное поведение его любимца Сенявина.

– Вы, Федор Федорович, просто не умеете обходиться со свои-ми подчиненными и поступаете с ними жестоко! – публично одернул Ушакова старший черноморский флагман.

Тот не смог не ответить:

– Таковой сделанный мне штраф делает меня уже недостойным и неспособным выполнять высочайшую волю и повеления!

– А вы и есть точно недостойный! – оскорбил при всех заслуженного флотоводца Мордвинов.

Именно тогда вице-адмирал и написал на высочайшее имя письмо, которое и сегодня нельзя читать без волнения: «Ревность и усердие о сохранении интереса Вашего Императорского Величества с некоторого времени подвергли меня гневу и негодованию моего начальства... Смерть предпочитаю я легчайшую несоответственному поведению и бесчестному служению. Всеподданейше испрашиваю Высочайшего позволения, после окончания кампании, быть мне на малое время в Санкт-Петербурге, пасть к стопам Вашим и объяснить лично вернейшим и обстоятельнейшим донесением о состоянии тех двух кораблей».

Было очевидно, что далее держать двух флагманов на одном флоте нельзя. Но Мордвинов в столицу командующего эскадрой не отпустил. Главный командир Черноморского флота поспешил туда сам, формально якобы для того, чтобы предоставить отчет об административной деятельности флота, на самом же деле, чтобы уладить вопрос о вскрытых злоупотреблениях в Одесском порту и нанести удар по ушаковской партии.

Вместо себя на флоте он вынужден был оставить первого по старшинству. Таковым же являлся Ушаков. Однако вместо того, чтобы ехать интриговать в Николаев, вице-адмирал сказался больным и большую часть времени провел в Севастополе.

Впрочем, Мордвинова не зря считали одним из лучших экономистов и администраторов России, от всех обвинений он отбил и из столицы вернулся победителем.

Тем временем всю кампанию 1797 года Ушаков собирал данные о плохом качестве новопостроенных кораблей и по окончании кампании отправил в адмиралтейств-коллегию обобщенную бумагу. Коллегия, в свою очередь, запросила мнение петербургских корабельных мастеров. Те единодушно высказались за нововведения своего херсонского коллеги Катасонова. Но Ушакова дружно поддержали члены адмиралтейств-коллегии, а вслед за ними и балтийские флагманы. В этой ситуации Павел Первый долго сомневался, чью сторону принять. Наконец, велел от нововведений отказаться и пока строить корабли по-старому.

Но Мордвинов сдаваться не собирался. В пику Ушакову в следующем, 1798 году он велел произвести новые испытания «Святого Петра» и «Захария и Елисавет». Состав комиссии на этот раз адмирал утвердил сам, включив в нее своих людей. Исключение составил лишь Ушаков, которого Мордвинов просто не мог не включить в силу занимаемой им должности. Разумеется, что мордвиновская комиссия сделала выводы совершенно противоположные прошлогодней ушаковской. Единственным членам комиссии, который отказался подписать положительное заключение, был конечно же Ушаков. Трудно сказать, сколько бы еще продолжался скандал вокруг двух линкоров, если бы 4 августа 1798 года в Севастополь не прискакал императорский фельдъегерь с бумагой, которая сразу ставил точку на всех местных дрызгах.

А пока император и президент адмиралтейств-коллегии решали вопрос, как быть дальше с изрядно уже всем надоевшей историей с двумя линейными кораблями и как лучше развести в стороны двух строптивых черноморских адмиралов.

– Мордвинов хорош как администратор, но совершенно негоден как флотоводец! – внушал императору президент адмиралтейств-коллегии Кулешов. – Что касемо Ушакова, то он прекрасный воин и в преддверии последних событий в Европе будет весьма востребован!

– Что ты предлагаешь? – хмуро посмотрел на своего любимца Павел.

– Если мы действительно соберемся посылать Черноморский флот в Средиземное море, то лучшей кандидатуры для командования и не найти!

– Что ж, когда примем окончательное решение, вернемся и к кандидатуре Ушакова! – закончил разговор император. – Что там еще?

В приоткрытую дверь выдвинулся дежурный генерал-адъютант:

– Ваше Величество, к вам канцлер граф Безбородко по неотложному и важному делу!

– Пусть войдет! – кивнул Павел.

Кошелев привстал, давая понять, что готов удалиться, но Павел махнул рукой, сиди, мол.

По тому, что канцлер просил аудиенции, не дождавшись своей очереди, и по выражению его лица Павел понял – канцлер принес весьма важные и срочные новости. Так оно и было!

Поклонившись, Безбородко молча положил перед императором письмо российского посла в Турции. Пробежав глазами текст, Павел вскочил с кресла. Томара черным по белому писал, что турки созрели к союзу с Петербургом, причем выражают ни только готовность пропустить наш флот в Средиземное море, но и сопутствовать ему своими кораблями.

– Немедленно писать указ о выходе в море Севастопольской эскадры и ее готовности к бою с французами, ежели оные дерзнут войти в пределы черноморские! – выкрикнул возбужденный Павел Безбородко. – Старшим флагманом определяю вице-адмирала и кавалера Ушакова! – Отлично, Ваше Величество, – заулыбался Павлу Кушелев. – Вы только что одним махом разрубили гордиев узел! А я уж велю, чтобы в эскадру Ушакова были включены и два столь неугодных ему корабля. Пусть он их в бою и проверит!

В тот же день из Петербурга в Севастополь к Ушакову поскакал фельдъегерь с новым императорским рескриптом.

* * *

Капитан-лейтенант Шостак прохаживался по правой стороне шканцев – десять шагов в одну сторону, столько же в другую. Правая сторона – привилегия командира. Здесь он может в одиночестве думать и принимать решения. Вахтенный матрос, позевывая, перевернул песочные часы и пробил в рынду восемь склянок – 4 утра, смена вахты.

Почти одновременно со «Святого Павла» ударила сигнальная пушка – начать съемку с якорей.

– Сниматься с якоря! – велел вахтенному начальнику уже давно ждавший сигнала Шостак.

Едва показался из воды якорь, фрегат сразу развернуло кормой. «Григорий» прекрасно слушался руля, матросы на полубаке усердно налегали на брасы, повинуясь командам лейтенанта Ратманова:

– На шпигеле стоять наготове! Ослабить грот! Марсовым приготовиться поднимать топсея!

Шостак слушал команды, не вмешиваясь, зачем мешать, когда старший офицер и сам прекрасно знает свое дело.

К 8 часам утра при умеренном юго-восточном ветре эскадра снялась с якоря. Передовыми взяли курс на выход фрегат «Счастливый» и транспорт «Красноселье». «Григорий» же, завершив маневр, лег в кильватер выходящей из бухты «Марии Магдалине». Паруса быстро набрали ветер. Ратманов еще немного скорректировал курс, и вот уже фрегат начал легко резать волну. Пока выбирали якорь, пока выходили из бухты, сменилась вахта. Вместо старшего офицера заступил еще совсем молодой мичман Миша Васильев. Мичман Шостаку нравился и умом, и старанием. Именно поэтому он и доверил стоять Васильеву не простым вахтенным офицером, а вахтенным начальником. Для мичмана – это и доверие и ответственность особые!

Выстроившись в три колонны, эскадра начала повеленное плавание. На российских кораблях пассажиров нет, а потому на время плавания все морские солдаты были разделены на три смены. Одна должна была на палубе дышать свежим воздухом, а остальные помещались внутри судна. Ежедневно все солдаты для чистоты и здоровья мыли жилые палубы теплым уксусом. Когда позволяла погода, открывали нижние порты, выносили проветривать постели и вещи.

Чтобы служивые не маялись бездельем, их сразу же обязали нести караул. Часовые стояли с заряженными ружьями и зорко смотрели вдаль, чтобы не подходили к кораблю ника-

кие суда без донесения о том вахтенному офицеру. Караул был заведомо бессмысленен, но людей надо было хоть чем-то занять. Особый солдат был поставлен наблюдать и за песочными часами, и в кают-компани. Едва вышли из бухты, гренадеры уже пытались тренироваться метать во вражеское судно гранаты с марса. С матросами солдаты тоже быстро нашли общий язык, выявились и земляки, и старые знакомцы.

...Стоявший в стороне от Шостака штурман то и дело бросал взгляд на барометр, потом оглядел горизонт, пытаясь определить погоду на ближайшие часы.

– Курс зюйд-вест-вест! – велел Шостак.

– Если переменить галс, чтобы удерживать свое место в ордере, достаточно будет лишь держаться круче к ветру! – подошел к командиру Ратманов.

– Дайте распоряжение рулевому и занесите в шканечный журнал! – отозвался командир, а спустя несколько минут добавил: – Вахтенный начальник, пора менять галс!

– Лечь на другой галс! Повернуть грот! Тяни! – уже вовсю командовал старший офицер.

Шостак тем временем перешел на ют, чтобы посмотреть, как будет исполняться маневр, а заодно глянуть, насколько поворотлив сам фрегат при полной загрузке.

Миша Васильев, стоя у штурвала, нервно поглядывал на паруса и пенный след за кормой. Впервые он самостоятельно командовал маневром такого большого судна, да еще на виду всей команды. Это был его экзамен, и мичмана била мелкая противная дрожь.

Вахтенные матросы привычно застыли на местах в ожидании приказаний.

– Руль под ветер, – крикнул, дождавшись подходящего, по его мнению, момента Васильев. – Повернуть кливер и фок!

Шостак поглядел на паруса. Мичман явно поторопился и дал команду раньше, чем нужно. На командира вопросительно глянул Ратманов. Вместо ответа Шостак отрицательно покачал головой – останавливать не надо, пусть молодежь учится на своих ошибках.

Передние паруса между тем заполоскали и начали медленно поворачиваться.

– Закрепить кливер и фок! – кричал Васильев.

Фрегат уже начал поворачиваться, слегка кренясь, еще несколько мгновений и поворот оверштаг будет завершен.

– Повернуть грот! Тяни! – волнуясь, командовал Васильев.

Наступил главный момент всей операции. Матросы свое дело знали. Булини и брасы по левому борту натянулись одновременно со снастями. Заскрипели, разворачиваясь, гротареи. Но «Григорий» не торопился поворачивать до конца. Он на мгновение застыл, а затем развернулся на два румба в прежнем направлении. Паруса на мачтах заполоскали, сведя на нет все предыдущие усилия. Фрегат беспомощно закачался на волнах. Все надо было начинать сначала. Васильев стоял, потупив глаза, красный как рак.

– Ваша ошибка, мичман, в том, что торопитесь. Повторите маневр! – сказал вахтенному начальнику Шостак и снова отошел в сторону, чтобы не смущать своим присутствием.

На этот раз Васильев все сделал, как должно, и поворот был успешно завершен.

– Эй, на фок! Подтянуть брасы, закрепить паруса! На руле так держать! – уже бойко командовал довольный собой Васильев, искоса поглядывая на молча прохаживавшегося в отдалении Шостака.

Что ж, для начала вполне не плохо! И Шостак молча спустился к себе в каюту.

Подойдя к проливу, эскадра должна была ждать распоряжения посланника Томары. Штурмана, раскатывая карты, только чесали головы:

– Сколь служим, никогда еще такого не чертили!

На картах тонкая и точная, как стрела, линия перечеркивала все Черное море от Севастополя до Константинополя.

* * *

На море человек предполагает, а Господь располагает. Спустя два дня начал усиливаться ветер, вначале до рифмарсельного, а затем и вовсе до штормового.

Фрегат внезапно провалился носом вперед, и Шостак с трудом удержался на ногах. Приступ морской болезни заставил пошатнуться и ухватиться за планширь. Фрегат снова ушел носом вниз, корма задралась, и капитан-лейтенанта швырнуло вперед. Палуба под ногами вздымалась и кренилась одновременно, так что устоять на ногах не было никакой возможности, но если матросы могли позволить себе передвигаться на карачках, то командир был обязан твердо стоять на ногах, чего бы это ему ни стоило.

– Как слушается руля?

Рулевой для пробы переложил на пару румбов, скривился, услышав хлопанье паруса, и завертел штурвал обратно.

– Хорошо! Зажимает, но самую малость, ежели бы немного на ветер, совсем хорошо бы было!

– И так сойдет!

Чтобы отвлечься от подступающей к горлу тошноты, Шостак смотрел, как мечется стрелка в матке нактоуза, пытался учесть смещение под ветер и скорость фрегата. Но сложить все воедино никак не удавалось. Шторм с каждой минутой усиливался и усиливался.

Так проштормовали почти двое суток. Едва ветер немного спал, командиры начали докладывать Ушакову, что у кого приключилось. На «Святой Троице» был поврежден руль, на «Марии Магдалине» и других судах сильная течь.

В эпоху парусного флота льяльные воды вообще были неизбежным злом, так как герметичности корабельного короба добиться было невозможно. Щели в обшивке все время расходились от ударов волн. Порой уровень воды достигал 2–3 футов, а то и больше. По этой причине во время штормов команды были обречены на каторжные шестичасовые вахты у цепных помп. Так было и в этот раз.

Затем над «Павлом» подняли сигнал вызова капитанов на совет. Посовещавшись, Ушаков обошел шлюпкой все корабли и лично их осмотрел. Настроен вице-адмирал был мрачно, еще бы, только вышли в море и такая незадача. Но делать нечего. Пришлось «Троицу» с авизо «Ириной» под началом Овцына возвращать в Севастополь на ремонт. Остальным же чиниться прямо в море.

Подняв паруса, эскадра продолжила путь к румелийским берегам. Утром 22 числа с салинга фрегата «Счастливый» прокричали:

– По курсу вижу берег!

– Это мыс Эмине! – сразу же уточнили штурмана. – А на зюйд-вест виден Сизеболи. А к зюйд-осту мыс Центавр!

Не доходя Босфора, эскадра легла в дрейф в ожидании возвращения из Константинополя авизо «Панагия». Наконец из пролива показался авизо. На нем Тизенгаузен и чиновник нашей миссии.

– Ваше превосходительство! – доложились они Ушакову. – Султаном Селимом дано разрешение на вход в проливы!

– Тогда не будем задерживаться! – махнул рукой вице-адмирал. – Поднимай паруса!

Впереди по сторонам узкой щели пролива высились его безмолвные сторожа – крепости Пойрас и Карибше.

На входе в Босфор эскадру встретил порывистый нордовый ветер. Один за другим корабли клали якоря в столь непривычном для них месте.

Едва Селиму доложили о появлении русских кораблей, тот радостно потер ладони:

– А теперь по нашему древнему обычаю посадите посла франков в Семибашенный замок на самую тяжелую цепь! Впереди у него теперь целая вечность!

Когда бедного посла тащили на веревке в тюремный замок, толпы народа осыпали его проклятьями и плевали вслед. Увы, но такова была доля многих дипломатов в Турции.

...Корабли Ушакова уже подходили к босфорским кручам, когда император Павел подписал полномочия послу Томаре на заключение договора с Турцией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.